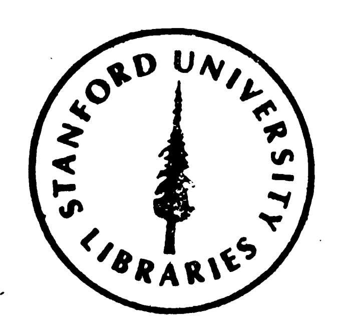
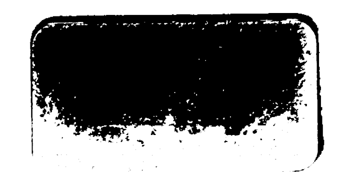
4

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

и

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ЖИЗНИ.

А. Юнгмейстеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, Троицкій пер., д. № 18—20.
1886.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Мая 1886 г.

ТУРГЕНЕВЪ-ХУДОЖНИКЪ:

ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ПРИРОДѢ И ИСКУССТВУ.

Выдающейся и рѣшительно преобладающей чертой надъ всѣми остальными сторонами поэтическаго генія Ивана Сергѣевича,—чертой, которая даетъ особый, оригинальный колоритъ его произведеніямъ, безспорно является необыкновенно сильно развитое въ немъ художественное чувство: онъ былъ художникъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, художникъ по преимуществу; ему доступны были всѣ области художественнаго творчества, всякое художественное выраженіе человѣческаго духа, однимъ словомъ, въ сферѣ искусства онъ чувствовалъ себя дома и обладая изящнымъ вкусомъ, онъ былъ тонкимъ цѣнителемъ, знатокомъ всякой красоты и въ то же время истиннымъ любителемъ и поклонникомъ всего прекраснаго. Не беремся рѣшить, въ какой мѣрѣ воспитаніе способствовало развитію чувства изящнаго въ Иванѣ Сергѣевичѣ, но несомнѣнно, любовь къ природѣ, къ ея красотамъ проснулась въ немъ довольно рано, а страсть къ охотѣ давала богатую пищу этому чувству. «Я страстно люблю природу», говоритъ Иванъ Сергѣевичъ *), «особенно въ живыхъ ея проявленіяхъ... Человѣка не можетъ не принимать природа; онъ связанъ съ нею тысячью неразрывныхъ нитей; онъ сынъ ея. Любите природу не въ силу того, что она значитъ по отно-

*) Т. X стр. 359. Мы пользуемся вторымъ изданіемъ полнаго собранія сочиненій И. С. Тургенева 1884 г.

шенію къ вамъ, человѣку, а въ силу того, что она вамъ сама по себѣ мила и дорога,—и вы ее поймите». И дѣйствительно, рядъ превосходныхъ описаній природы въ произведеніяхъ Тургенева служитъ живымъ свидѣтельствомъ того, какъ онъ умѣлъ любить и какъ понималъ эту природу. Несомнѣнно также и то, что пребываніе Тургенева за границею, гдѣ онъ серьезно изучалъ выдающіяся произведенія въ области искусства, способствовало развитію въ немъ эстетическаго вкуса и привело къ тонкому пониманію и правильной, всесторонней, глубокой оцѣнкѣ художественныхъ формъ.

Для того чтобы судить, какъ понималъ Тургеневъ произведенія скульптуры, въ особенности античной, мы отсылаемъ читателя къ письму въ редакцію Вѣстника Европы («Пергамскія раскопки»), въ которомъ онъ такъ художественно описываетъ открытый въ Пергамѣ и привезенный въ Берлинскій музей горельефъ, изображающій битву боговъ съ титанами, и передаетъ грандіозное, подавляющее впечатлѣніе, произведенное на него «этимъ міромъ», «передъ откровеніемъ котораго невольный холодъ восторга и страстнаго благоговѣнія пробѣгаетъ по всѣмъ жиламъ». Изъ «писемъ» Тургенева къ Полонскому видимъ, что у Ивана Сергѣевича было довольно большое собраніе картинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежали кисти извѣстныхъ художниковъ; онъ понималъ толкъ въ картинахъ: достаточно вспомнить его сужденія о картинахъ Иванова и Брюлова и отзывы почти о всѣхъ выдающихся живописцахъ нашего времени: Рѣпинѣ, Верещагинѣ, Харламовѣ, Крамскомъ и т. д. Такъ, онъ сообщаетъ Полонскому *) взгляды на живопись, не лишенные интереса: «ты сравниваешь впечатлѣніе, производимое на тебя живописью, не *съ впечатлѣніемъ которое производитъ на тебя природа*, а каждый отдѣльный предметъ (напр. дерево) съ тѣмъ же предметомъ въ природѣ... между тѣмъ это и превращаетъ пейзажъ этихъ господъ въ безжизненную, фальшивую, сухую и примазанную дребедень». Даетъ со-

---

*) Собраніе писемъ. Полонскому. Буживаль. 30-го августа 1882 г.

вѣтъ Полонскому *): «Помни: въ пейзажахъ не вдавайся въ отдѣлку деталей, а обращай вниманіе на гармонію массъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ восторгается картиной тѣмъ, что въ ней сохранилась «вся поэтическая прелесть и сила перваго впечатлѣнія».

Тургеневъ очень любилъ музыку. Въ звукахъ родной пѣсни ему слышалась и «русская правдивая, горячая душа», и что-то «родное, необозримо широкое»; эта пѣснь «хватала» его за сердце, отъ нея «закипали» у него «на сердцѣ и подымались къ глазамъ слезы». Долговременное пребываніе въ семействѣ Віардо развило въ немъ музыкальные вкусы. Всѣ знаютъ о пребываніи Тургенева въ Баденѣ (1863 г.), гдѣ въ долинѣ Тиргартена находилась роскошная вилла Віардо и около нея домъ Ивана Сергѣевича, выстроенный въ стилѣ Людовика XIII, съ тѣнистымъ садомъ, бесѣдками, фонтанами и т. д. Всѣ знаютъ знаменитыя музыкальныя утра, на которыхъ лучшія ученицы Віардо, при ея участіи, пробовали свои силы; только избранная публика Бадена присутствовала на этихъ «matinées musicales», гдѣ можно было услышать все лучшее, все новое въ области музыки (однимъ изъ гостей этихъ «matinées» былъ между прочимъ Прусскій король съ супругой—нынѣшній маститый Императоръ Германіи). Неудивительно, что Тургеневъ зналъ и понималъ музыку, зналъ русскихъ композиторовъ и о нѣкоторыхъ изъ нихъ (напримѣръ Даргомыжскомъ, Сѣровѣ, Чайковскомъ) встрѣчаемъ въ «письмахъ» такой или иной отзывъ.

Послѣ этого нужно ли говорить о томъ, какъ чувствовалъ себя Тургеневъ въ близкой, родной ему области поэзіи? Изъ отзывовъ о немъ иностранныхъ писателей видимъ, что онъ зналъ, и основательно зналъ, литературу Франціи, Германіи, Англіи, Италіи; онъ говорилъ на всѣхъ этихъ языкахъ. Отзывы его о томъ или иномъ литературномъ произведеніи, о томъ или другомъ писателѣ пользовались за границею заслуженной репутаціей, авторитетомъ,—и было за что: глубоко об-

---

*) Собраніе писемъ. Полонскому. Парижъ. 20-го мая 1878 г.

разованный, онъ обладалъ блестящимъ умомъ, даромъ слова и необыкновенно тонкимъ, вѣрнымъ поэтическимъ чутьемъ. Въ «Письмахъ» мы постоянно встрѣчаемся съ его мѣткими отзывами о всѣкъ русскихъ и иностранныхъ писателяхъ нашего времени, по поводу выдающихся русскихъ произведеній, за которыми онъ съ любовью и интересомъ слѣдилъ до конца дней, и нужно сознаться, что почти всѣ его отзывы вполнѣ справедливы. Онъ первый оцѣнилъ гр. Л. Толстого и предсказалъ ему за 20 лѣтъ блестящую будущность: 1854 г., 29-го октября онъ пишетъ одному изъ друзей (Колбасину) изъ Спасскаго: «Очень радъ я успѣху «Отрочества». Дай Богъ только Толстому пожить, а онъ, я твердо надѣюсь, удивитъ всѣхъ—это талантъ первостепенный». Въ другомъ письмѣ Достоевскому (Парижъ, 26 декабря 1861 г.) онъ замѣчаетъ: чрезвычайно меня интересуетъ «Мининъ» Островскаго... Новая, смѣлая попытка! Дай Богъ, чтобы она увѣнчалась успѣхомъ. Но, если будетъ даже неудача, я все-таки увѣренъ, что неудача Островскаго интереснѣе удачи многихъ другихъ... Очень вамъ благодаренъ за присылку двухъ №№ «Времени», которые я читаю съ большимъ удовольствіемъ, особенно ваши «Записки изъ мертваго дома». Картина бани—просто Дантовская, и въ вашихъ характеристикахъ разныхъ лицъ (напримѣръ Петрова) много тонкой и вѣрной психологіи». Мы могли бы привести достаточное количество подобныхъ мѣстъ изъ «Писемъ» Тургенева, въ которыхъ выказывается его глубокое пониманіе поэзіи, но, къ сожалѣнію, это уклоняетъ насъ въ сторону отъ намѣченной нами цѣли. Чтобы дать понятіе о томъ, въ какой степени Тургеневъ обладалъ художественной натурой, тонкостью вкуса и глубиной пониманія въ искусствѣ, мы позволимъ себѣ привести мѣсто изъ вышеуказаннаго письма Тургенева въ редакцію Вѣстника Европы, гдѣ онъ, вслѣдъ за мастерскимъ описаніемъ горельефа, останавливается на своемъ впечатлѣніи: «Всѣ эти то лучезарныя, то грозныя, живыя, мертвыя, торжествующія, гибнущія фигуры, эти извивы чешуйчатыхъ змѣиныхъ колецъ, эти распростертыя крылья, эти орлы, эти кони, оружія, щиты, эти летучія одежды, эти пальмы, пальмы и эти

тѣла, красивѣйшія человѣческія тѣла во всѣхъ положеніяхъ, смѣлыхъ до невѣроятности, стройныхъ до музыки,—всѣ эти разнообразнѣйшія выраженія лицъ, беззавѣтныя движенія членовъ, это торжество злобы и отчаяніе, и веселость божественная, и божественная жестокость—все это небо и вся эта земля,—да это міръ, передъ откровеніемъ котораго невольный холодъ восторга и страстнаго благоговѣнія пробѣгаетъ по всѣмъ жиламъ». Да, въ поэтической душѣ Тургенева всѣ сферы искусства сливались въ одно общее гармоническое цѣлое, струны котораго звучали полнымъ, дивнымъ аккордомъ.

ТУРГЕНЕВЪ-МЫСЛИТЕЛЬ

ЕГО ВЗГЛЯДЫ НА ИСКУССТВО ВООБЩЕ И НА ПОЭЗІЮ.

Безъ сомнѣнія, взгляды, идеальныя воззрѣнія художника на искусство, въ той мѣрѣ, поскольку онъ *сознательно* стремится осуществить ихъ въ своемъ произведеніи, вліяютъ въ извѣстной степени на процессъ творчества. Поэтому мы изложимъ сначала теоретическія воззрѣнія Тургенева на искусство вообще и на поэзію и затѣмъ перейдемъ къ процессу творчества, разсмотрѣвъ которое, постараемся опредѣлить степень и качество его поэтическаго генія.

Вотъ какъ опредѣляетъ Тургеневъ искусство, которое онъ отождествляетъ съ словомъ «художество», въ своей рѣчи при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ: *) «Художество, принимая это слово въ томъ обширномъ смыслѣ, который включаетъ въ его область и поэзію,—художество, какъ *воспроизведеніе*, *воплощеніе идеаловъ*, *лежащихъ въ основахъ народной жизни* и опредѣляющихъ его духовную и нравственную физіономію,—составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ человѣка». Оно недоступно массѣ: только немногіе понимаютъ его; эти немногіе составляютъ «націю». «Всякое искусство

---

*) Т. X, стр. 423.

есть возведеніе жизни въ идеалъ: стоящіе на почвѣ обычной, ежедневной жизни, остаются ниже этого уровня. Это вершина, къ которой надо приблизиться»[1]). Искусство вѣчно: «Что тамъ ни говори молодежь,—а искусство умереть не можетъ, и посильное служеніе ему будетъ всегда тѣсно связывать людей»[2]). Одно изъ самыхъ существенныхъ свойствъ произведеній искусства есть художественная правда: «Правда—воздухъ, безъ котораго дышать нельзя; но художество—растеніе, иногда даже довольно причудливое—которое зрѣетъ и развивается въ этомъ воздухѣ»[3]). Не менѣе важное свойство художества составляетъ объективность, отсутствіе личнаго элемента: «Произведенія нашей школы (т. е., русской живописи), въ которыхъ высказывается *тенденціозность*, подчеркиваніе (обыкновенный признакъ всего молодаго незрѣлаго), должны быть удалены, какъ не свободныя воспроизведенія народной жизни, какъ обремененныя заднею мыслью... *Тенденція* въ художествѣ, въ поэзіи и т. д. уже самымъ словомъ выдаетъ себя: она не есть *достиженіе*».[4]) Художественное произведеніе должно соотвѣтствовать дѣйствительности; оно должно быть реальнымъ: «Они, т. е. читатели, вполнѣ убѣждены, что авторъ только и дѣлаетъ, что проводитъ идеи, не хотятъ вѣрить, что точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни—есть величайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадаетъ съ его собственными симпатіями»[5]). Наконецъ, въ поэзіи, какъ во всякомъ искусствѣ, примиряется идеальное и реальное,—гармонически сочетается форма съ содержаніемъ,—и все это при строгомъ соотвѣтствіи частей образуетъ одно художественное цѣлое, отъ котораго вѣетъ непосредственностью, искренностью и простотой. А вотъ указанія Тургенева на значеніе и смыслъ искусства: «Искусство народа—его живая, личная душа, его мысль, его языкъ въ высшемъ

---

[1]) Т. X, стр. 426.
[2]) «Письма». Майкову. Парижъ, 18-го мая 1862 г.
[3]) «Письма». Полонскому. Баденъ, 2-го января 1868 г.
[4]) «Письма». Крамскому. Парижъ, 6-го декабря 1882 г.
[5]) Т. X. стр. 104.

значеніи слова; достигнувъ своего полнаго выраженія, оно становится достояніемъ всего человѣчества даже больше, чѣмъ наука; именно потому, что оно—звучащая, человѣческая душа и душа не умирающая, ибо можетъ пережить физическое существованіе своего тѣла, своего народа»[1]).

НА ПОЭТА И ТВОРЧЕСТВО.

Что требуется отъ поэта? какія данныя, какія силы необходимы для художественнаго творчества? «Силу этого «схватыванья», этого «уловленія» жизни даетъ только талантъ, а талантъ дать себѣ нельзя; но и одного таланта недостаточно. Нужно постоянное общеніе съ средой, которую берешься воспроизводить; нужна правдивость, правдивость неумолимая въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ; нужна свобода, полная свобода воззрѣній и понятій—и наконецъ, нужна образованность, нужно знаніе». Вотъ что пишетъ Тургеневъ гр. Л. Н. Толстому:[2]) «Желаю Вамъ здоровья, дѣятельности, свободы, свободы душевной!.. Теперь Вамъ меня изучать нечего... Вамъ остается изучать человѣка, свое сердце и дѣйствительно великихъ писателей». А знаніе добывается трудомъ усерднымъ: «Безъ труда, безъ упорной работы всякій художникъ останется диллетантомъ. Да не только надъ своей вещью работать надо,—надъ тѣмъ, чтобы она выражала именно то, что Вы хотѣли выразить и въ той мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ Вы этого хотѣли: нужно еще читать, учиться безпрестанно, вникать во все окружающее, стараться не только уловлять жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и понимать ее, понимать тѣ законы, по которымъ она движется и которые всегда выступаютъ наружу».[3])

Какое важное, существенное значеніе придавалъ Тургеневъ свободѣ художественнаго творчества, видно изъ слѣдую-

---

[1]) Т. X. стр. 424.
[2]) «Письма». Графу Л. Н. Толстому. Парижъ, 16 октября 1856 г.
[3]) «Письма». Кигну. Спасское, 16 іюня 1876 г.

щихъ мѣстъ: «Ничто такъ не освобождаетъ человѣка, какъ знаніе, и нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи... главный грѣхъ нашей критики состоитъ въ томъ, что она не свободна... Намъ во всемъ и всюду нуженъ баринъ: бариномъ этимъ бываетъ большею частью живой субъектъ, иногда какое-нибудь такъ называемое направленіе... Талантъ настоящій никогда не служитъ постороннимъ цѣлямъ; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе—онъ является ея сосредоточеннымъ отраженіемъ; но онъ такъ же мало способенъ написать панегирикъ, какъ и пасквиль» [1]). Эта же свобода требуетъ того, чтобы поэтъ, разъ избравъ себѣ путь, шелъ смѣло и твердо по этому пути, мало дорожа мнѣніемъ публики: «А что касается до литературной дѣятельности вообще, то должно каждому непремѣнно и неуклонно идти своей дорогой, спокойно и, по мѣрѣ возможности, зорко глядя кругомъ. Само дѣло покажетъ правъ ли ты, а пока перечитывай Пушкинскаго «Поэта» (Поэтъ, не дорожи и т. д.)» [2]). Съ свободой художественнаго творчества стоитъ въ неразрывной связи его объективность, этотъ высшій даръ художника: ибо чѣмъ объективнѣе твореніе, тѣмъ выше его творецъ. Вотъ какъ смотритъ на это Тургеневъ: «Бываютъ таланты двоякаго рода: таланты сами по себѣ, независимые, какъ бы отдѣленные отъ личности самого писателя, и таланты, болѣе или менѣе тѣсно связанные съ нею... напр., лица Гоголя стоятъ, какъ говорится, на своихъ ногахъ, какъ живые, и что если есть между ними и творцомъ ихъ внутренняя связь, то сущность этой связи остается для насъ тайной, разрѣшеніе которой подпадаетъ уже не критикѣ, а психологіи. Въ талантахъ же втораго разряда связь эта чувствуется читателемъ, произведенія ихъ, пожалуй, тоже могутъ стоять на своихъ ножкахъ, но рука, ихъ поставившая, отъ нихъ не отнимается, пульсъ ихъ бьется

---

[1]) Т. III. стр. 30.

[2]) «Письма». Полонскому. Баденъ, 13-го января 1868 г.

не своею кровью, вѣра въ ихъ существованіе сопрягается съ нѣкоторымъ усиліемъ» [1]).

Дополнимъ вышеизложенное взглядомъ Тургенева и его характеристикой личности великаго писателя: «онъ (т. е., Гёте), былъ одаренъ всеобъемлющимъ созерцаніемъ; все земное просто, легко и вѣрно отражалось въ душѣ его. Съ способностью увлекаться страстно, безумно, онъ соединялъ въ себѣ даръ постояннаго наблюденія, самоневольнаго поэтическаго созерцанія своей собственной страсти; съ безконечно разнообразной и воспріимчивой фантазіею—здравый смыслъ, вѣрный художническій тактъ и стремленіе къ единству. Онъ самъ былъ весь цѣлый, весь, какъ говорится,—изъ одного куска; жизнь и поэзія не распадались у него на два отдѣльные міра: его жизнь была его поэзіей, его поэзія была его жизнью». Такимъ образомъ «великое произведеніе является самымъ полнымъ выраженіемъ своей эпохи» [2]). Наконецъ, Тургеневъ указываетъ намъ на значеніе и удѣлъ писателя съ обыкновеннымъ талантомъ и писателя великаго: «писатель, не обладая огромнымъ талантомъ, не въ состояніи наступить на горло нашей безтолковой публикѣ, а потому долженъ возиться во тьмѣ и холодѣ, рѣдко встрѣчая сочувствіе,—сомнѣваясь въ себѣ и унывая», но онъ можетъ «утѣшиться мыслью, что то, что онъ сдѣлалъ хорошаго,—не умретъ, и что если онъ «поэтъ для не многихъ», то эти немногіе никогда не переведутся» [3]). «Счастливъ тотъ, кто можетъ свое случайное созданіе (всякое созданіе отдѣльной личности случайно) возвести до исторической необходимости, означить имъ одну изъ эпохъ общественнаго развитія; но великъ тотъ, кто, подобно Гёте, выразилъ собою всю современную жизнь—и въ созданіяхъ, въ образахъ проводитъ передъ глазами своего народа то, что жило въ груди каждаго, но часто не могло высказаться даже словомъ... Одно лишь настоящее, могущественно выраженное характерами или та-

---

[1]) Т. X, стр. 367.

[2]) X т., стр. 221 и 222.

[3]) «Письма». Полонскому. Баденъ, 13-го января 1868 г.

лантами, становится неумирающимъ прошедшимъ»[1]). Объективность есть какъ бы безсознательный даръ поэта. Однимъ изъ главныхъ сознательныхъ стремленій должно быть стремленіе къ правдивому, вѣрному изображенію жизни: «Всякій писатель, *не лишенный таланта*, старается прежде всего вѣрно и живо воспроизводитъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ собственной или чужой жизни; коли онъ правдивъ, значитъ, онъ правъ».

Такимъ образомъ, вотъ какія требованія предъявляетъ Тургеневъ по отношенію къ художнику-поэту: прежде всего онъ долженъ имѣть талантъ, и талантъ объективный; онъ долженъ пользоваться полной, широкой свободой воззрѣній, онъ долженъ имѣть даръ тонкой наблюдательности, которая даетъ ему возможность анализировать себя и окружающую жизнь; онъ долженъ правдиво и просто, съ полной искренностью, непосредственнымъ чувствомъ, вѣрно и точно изображать передъ нами живую дѣйствительность; онъ долженъ учиться постоянно, постоянно работать, изучая свое сердце и человѣка, чтобы высоко предносить передъ людьми знамя съ начертаннымъ на немъ идеаломъ, указывая дорогу впередъ своимъ меньшимъ собратьямъ. И мы видимъ, что Тургеневъ постоянно прилагалъ такой критеріумъ, при оцѣнкѣ русскихъ и иностранныхъ писателей, и оставался вѣренъ ему втеченіе всей своей литературной дѣятельности. Приведемъ нѣсколько примѣровъ съ положительными и отрицательными отзывами: О Некрасовѣ: «поэзія не ночевала тутъ — и бросилъ я въ уголъ это жеванное папье-маше съ поливкою изъ горькой водки»[2]). О критическихъ статьяхъ Страхова: «авторитету Страхова я не вѣрю, потому что онъ славянофилъ, а эти господа, быть можетъ, въ политикѣ орлы, но въ эстетикѣ тупицы»[3]). О графѣ А. Толстомъ: «Безжизненно, величаво, правильно и невѣрно. Какой онъ поэтъ!»[4]) и еще: «на

---

[1]) Т. X, стр. 239 и 240

[2]) «Письма». Полонскому. Баденъ, 28 января 1868 г.

[3]) Ibid.

[4]) «Письма». Полонскому. Баденъ, 7 марта 1868 г.

нихъ (произведеніяхъ) такъ и лежитъ печать риторики». У Гл. Успенскаго все «однообразно и бѣдно красками». О Гончаровѣ: «вторая часть «Обрыва», конечно, лучше первой, но и тутъ длинноты нестерпимыя! какъ только дѣло доходитъ до разговоровъ и разсужденій—такъ зѣвота и разбираетъ. Даже всю Вѣру Гончаровъ успѣлъ испортить: и она разсуждаетъ и переливаетъ изъ пустаго въ порожнее» [1]). О «Войнѣ и мирѣ» Л. Толстаго: «Романъ Толстаго—вещь удивительная; но самое слабое въ немъ—именно то, чему восхищается публика: историческая сторона и психологія. Исторія его—фокусъ, битье тонкими мелочами по глазамъ; психологія—капризнооднообразная возня въ однихъ и тѣхъ же ощущеніяхъ. Все бытовое, описательное, военное—первый сортъ, и подобнаго Толстому мастера у насъ не имѣется» [2]).

Мы могли бы привести еще множество въ высшей степени интересныхъ отзывовъ Тургенева о нашихъ писателяхъ, но боимся утомить читателя массой выписокъ, привести которыя мы считали положительно необходимымъ, чтобы дать вѣрное, по возможности, полное понятіе о воззрѣніяхъ Тургенева на эстетику. Замѣтимъ кстати, что этимъ воззрѣніямъ онъ оставался вѣренъ втеченіе всей своей литературной дѣятельности, проводя ихъ теоретически при критической оцѣнкѣ писателей—и на дѣлѣ, стараясь оправдать ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Чуждый всякихъ партій, всякихъ ученій, тенденцій, литературныхъ теченій, впродолженіе всей своей литературной карьеры, онъ увлекался, поклонялся только красотѣ, истинѣ, чистому искусству и въ этомъ отношеніи онъ одинъ только исполнилъ какъ бы ему завѣщанныя слова Пушкина:

. . . . . . Дорогою *свободной*
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онъ и не требовалъ наградъ: онъ былъ доволенъ, если про-

---

[1]) «Письма». Полонскому. Карлсруэ, 20 февраля 1869 г.
[2]) «Письма». Полонскому. Баденъ, 8 марта 1868 г.

изведенія его удовлетворяли тѣхъ немногихъ друзей его, которые были одного съ нимъ образа мыслей. Извѣстно, какъ мало лавръ пожиналъ онъ на литературномъ поприщѣ; извѣстно, сколько шуму и криковъ ругательства подымалось изъ-за нѣкоторыхъ его произведеній, сколько упрековъ, брани посылалось, даже въ анонимныхъ письмахъ, по его адресу,— и все-таки до послѣднихъ дней онъ остался вѣренъ себѣ, не измѣнилъ своихъ взглядовъ, убѣжденій. Изъ разсмотрѣнныхъ нами воззрѣній Тургенева на искусство и поэзію, видно, что, по своимъ понятіямъ и воззрѣніямъ на эстетическую науку, онъ стоялъ на высотѣ современнаго ея пониманія. Часть этихъ взглядовъ онъ почерпнулъ въ Германіи, гдѣ впродолженіе трехъ лѣтъ слушалъ нѣмецкихъ профессоровъ, основательно изучилъ Гегеля, Канта, изучилъ нѣмецкую литературу, эстетику, взгляды на нее Шиллера и Гете; другая часть досталась ему внаслѣдіе отъ Пушкина и Гоголя. «Я поклонникъ и малѣйшій послѣдователь Гоголя», пишетъ (30-го октября 1856 г.) онъ Дружинину, «толковалъ вамъ когда-то о необходимости возвращенія Пушкинскаго элемента въ противовѣсіе Гоголевскому». Отъ Гоголя онъ заимствовалъ его удивительный реализмъ, отъ Пушкина—художественность, грацію и идеализмъ. Этимъ стремленіемъ достигнуть въ своихъ произведеніяхъ двухъ важнѣйшихъ сторонъ поэтическаго творчества, этимъ «примиреніемъ идеальнаго и реальности» Тургеневъ, по нашему мнѣнію, самъ опредѣлилъ свое мѣсто въ русской литературѣ: онъ—талантливый продолжатель лучшихъ преданій художественной школы Пушкина.

ТУРГЕНЕВЪ-ПОЭТЪ.

Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ поэтическаго генія Тургенева, въ отношеніи силы его и характера (въ количественномъ и качественномъ отношеніи) въ творчествѣ, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что на этотъ вопросъ какъ въ публикѣ, такъ и въ критикѣ существовала и теперь существуетъ значительная разница во взглядахъ. Одни (и ихъ

меньшинство) восхищались его произведеніями, и, по мѣрѣ того какъ появлялись одна за другой повѣсти Тургенева, чувство это оставалось въ нихъ неизмѣннымъ. Другіе (большинство), напротивъ, не были довольны и въ своемъ недовольствѣ доходили до того, что отрицали самый талантъ Тургенева. Какъ образецъ перваго изъ указанныхъ мнѣній приводимъ отрывокъ изъ рѣчи Ренана: «Прежде чѣмъ родиться на свѣтъ, онъ жилъ уже впродолженіе тысячелѣтій: безконечный рядъ поэтическихъ образовъ сосредоточивался въ глубинѣ его сердца. Ни одинъ человѣкъ (?) не воплощалъ въ себѣ такъ много народности... Никогда тайны народнаго сознанія, еще темнаго и полнаго противорѣчій, не были раскрыты съ такой удивительной проницательностью. Тургеневъ чувствовалъ и творилъ непосредственно и въ то же время сознавалъ себя; онъ былъ вмѣстѣ и народомъ и избранникомъ народа.... Онъ чувствителенъ, какъ женщина и невозмутимъ, какъ анатомъ, чуждъ предразсудковъ, какъ философъ и нѣженъ, какъ ребенокъ.... въ образахъ,—въ одно и то же время наивныхъ и глубокомысленныхъ, реальныхъ и мистическихъ. То, что у другихъ производитъ разладъ, у него становилось основою гармоніи. Въ его широкой груди примирялись противорѣчія; проклятіе и ненависть обезоруживались волшебнымъ обаяніемъ его искусства».

Приводимъ другое противоположное и крайнее мнѣніе г. Страхова—сопоставленіе, правда, нѣсколько странное, но за то въ смыслѣ сопоставленія діаметрально противоположныхъ крайностей—разительное (см. недавно изданныя его критическія статьи о Тургеневѣ и Л. Толстомъ стр. 169 и 181): «Настоящаго художества, т. е., творчества въ полномъ смыслѣ этого слова (?) мало у Тургенева. Его фигуры представляютъ довольно блѣдные очерки; черты ихъ вѣрны, проведены осторожно, изящно, композиція чиста и опрятна (!), но выпуклости, плоти, душевной глубины нѣтъ въ этихъ *аквареляхъ*, какъ остроумно назвалъ кто-то писанія Тургенева. Во многихъ случаяхъ даже просто намѣчено нѣсколько удачныхъ штриховъ и нѣтъ полнаго рисунка... Было бы жаль (?), если бы пониманіе художества у насъ стояло такъ низко,

что мы Тургенева признавали бы за великаго художника и серьезно (!?) сравнивали бы его произведенія съ Пушкинымъ или Гоголемъ.... Ни яркаго своеобразія формъ и быта, какъ напримѣръ, у Островскаго, ни постоянно господствующей (?!) мысли, какъ, положимъ, у Достоевскаго, нельзя найти у Тургенева.... Ему нечего было сказать (?), не было въ немъ струны, которая издавала бы господствующій звукъ, вносила бы ясность и гармонію во всѣ звуки. Понятно (?), что Западъ, передъ которымъ онъ поклонялся, не могъ дать ему какого-нибудь руководящаго начала». Таковы отзывы двухъ критиковъ, читавшихъ Тургенева! Строго говоря, въ обоихъ отзывахъ (при всей сбивчивости и спутанности идей Страхова) есть доля правды, и въ то же время оба по своей крайности грѣшатъ противъ истины. Намъ кажется не совсѣмъ справедливымъ Ренанъ, когда называетъ Тургенева великимъ писателемъ, который съ небывалой до него полнотой «воплотилъ такъ много цѣлой народности»; но въ то же время есть частица правды и у Страхова, когда онъ говоритъ о блѣдности образовъ Тургенева. Постараемся разобрать, въ чемъ дѣло.

Чтобы составить себѣ болѣе точное понятіе о характерѣ творчества Тургенева, постараемся вникнуть въ самый процессъ художественнаго творчества и опредѣлить силы и степень ихъ участія въ процессѣ. Въ основѣ человѣческой организаціи лежитъ то коренное ея свойство, по которому одинъ и тотъ же предметъ, одно и то же явленіе, при одинаковыхъ уловіяхъ воспріятія, вызываетъ у всѣхъ людей приблизительно одинаковыя ощущенія, одинаковое чувство. Это свойство — круговая порука, въ силу которой мы, основываясь на согласіи ощущеній у всѣхъ людей, признаемъ объективное существованіе міра — находится въ обратномъ отношеніи къ цивилизующей силѣ, т. е., чѣмъ менѣе цивилизована масса, тѣмъ большее существуетъ въ ней согласіе взглядовъ, чувствъ, ощущеній, и — наоборотъ. Потому въ эпоху народнаго творчества, въ эпоху общности чувствъ, художественное произведеніе вызывало одинаковое массовое чувство, чѣмъ и обусловливалась объективность народныхъ

произведеній. Въ позднѣйшія эпохи, чѣмъ больше обособлялась личность, чѣмъ рѣзче становилось различіе воззрѣній, тѣмъ глубже долженъ былъ поэтъ проникнуться явленіемъ, чтобы, воспроизведя его, вызвать по поводу его одинаковое чувство въ массѣ, тѣмъ больше долженъ былъ отречься отъ своей личности, которая препятствуетъ объективному созерцанію предмета. Такимъ образомъ и въ наше время согласіе, общность чувствъ при процессѣ воспріятія какого-либо художественнаго произведенія должны также служить порукой его объективности, и чѣмъ больше людей сходятся въ своихъ впечатлѣніяхъ, чувствахъ, воззрѣніяхъ на поэтическое произведеніе, образъ, тѣмъ оно объективнѣе. Но, чтобы вызвать это согласіе, большую или меньшую степень его, надо имѣть и болѣе совершенную организацію—счастье, которое выпадаетъ только на долю поэтовъ. Обладая несравненно большею впечатлительностью, чуткостью, даромъ тонкой наблюдательности и глубокаго созерцанія, поэтъ черпаетъ изъ окружающей дѣйствительности *соотвѣтствующіе* образы. Эти образы ассоціируются съ чувствомъ, которое сопровождало само воспріятіе, чувствомъ извѣстнаго напряженія, всегда болѣе или менѣе сложнымъ, и въ такой ассоціаціи находятся въ душѣ поэта. Отличительное свойство поэтическихъ образовъ — ихъ необыкновенная живость, наглядность, выпуклость, рельефность; чувство, ихъ сопровождающее, всегда сильно и глубоко. Кромѣ этихъ образовъ, душа поэта обогащается новыми, созданными по аналогіи съ прежде бывшими (дѣятельность фантазіи).

Вызванные волей (актъ воображенія), эти образы возникаютъ въ той же ассоціаціи и, сопровождаясь цѣлымъ рядомъ живыхъ чувствъ, они, какъ бы живой дѣйствительностью, возстаютъ передъ сознаніемъ поэта (созерцаніе), контролируются умомъ въ смыслѣ ихъ соотвѣтствія дѣйствительности, истинѣ (естественности или искусственности образовъ) и затѣмъ снова *претворяются* въ дѣйствительность, т. е., принимаютъ форму, въ которой дѣлаются доступными для чувственнаго воспріятія (художественное творчество). Воспринимая образъ, мы испытываемъ то же чувство, то же состояніе,

какое испытываетъ поэтъ, и такимъ образомъ сами какъ бы дѣлаемся поэтами; здѣсь-то и лежитъ источникъ наслажденія поэтическими произведеніями. Такимъ образомъ, въ общемъ, процессъ собственно таковъ: поэтъ воспринимаетъ дѣйствительность и затѣмъ, объективируя ее снова, даетъ намъ возможность глубже, полнѣе воспринять ту же дѣйствительность. Если образы вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то они реальны, и степень ихъ соотвѣтствія даетъ большую или меньшую степень реальности. Но въ этомъ реальномъ также заключается идеальная сторона. Обладая большею воспріимчивостью, большей наблюдательностью (анализъ), поэтъ обладаетъ и большею силою объединять ихъ въ сознаніи (синтезъ); отсюда возникаетъ одно изъ главныхъ свойствъ художественнаго произведенія—*единство*, тогда какъ дѣйствительность даетъ намъ только разнообразіе, множественность явленій. Тамъ, гдѣ существуетъ единство, есть и руководящая идея, а слѣдовательно и *простота*, потому что явленіе, въ которомъ мы находимъ господствующую идею, кажется намъ простымъ. Такимъ образомъ, фантазія, воображеніе, чувство и умъ являются главными факторами художественнаго творчества. Равновѣсіе этихъ силъ, ихъ гармоническое сочетаніе въ душѣ поэта даетъ намъ высшую и совершеннѣйшую степень воспроизведенія дѣйствительности, высшую степень художественнаго творчества—качество, которымъ обладаютъ только величайшіе поэты.

Мы намѣтили самыя общія основанія процесса творчества. Безъ сомнѣнія, кромѣ вышеуказанныхъ силъ, на процессъ вліяютъ: темпераментъ автора, складъ ума, впечатлительность, чувство мѣры, среда, гдѣ онъ воспитывался и т. д. За неимѣніемъ обстоятельныхъ біографическихъ данныхъ, мы не беремся съ увѣренностью говорить, напримѣръ, о темпераментѣ Тургенева, но во всякомъ случаѣ коснемся этого вопроса при обзорѣ его произведеній. Теперь обратимся къ процессу творчества Тургенева.

При чтеніи произведеній Тургенева, васъ прежде всего поражаютъ сильныя стороны его таланта: мягкій, пріятный тонъ, правдивость и искренность, добродушіе, непосред-

ственное чувство, блестящій умъ, объективность изображенія и, главное, удивительная красота формы, мягкость красокъ, тонкость отдѣлки; поэтъ овладѣваетъ вами, увлекаетъ васъ; вы чувствуете въ немъ великаго художника и съ наслажденіемъ отдаетесь ему... Но когда вы начнете основательно знакомиться съ его произведеніями, начинаете анализировать ихъ, да постараетесь устранить эту чудную художественную форму, то впечатлѣніе выйдетъ нѣсколько иное. Постараемся болѣе точно выразить нашу мысль. Прежде всего намъ кажется, что чувство (въ обширномъ смыслѣ этого слова), сопровождающее образы, нѣсколько слабо у Тургенева (конечно, сравнительно); въ немъ мало интенсивности, оно мягко, но *не такъ глубоко*, какъ, напримѣръ, у Толстаго, Достоевскаго. Отъ этого выходитъ то, что, пока читаешь произведеніе, живо чувствуешь его, но проходитъ немного времени, и въ душѣ остается весьма слабый слѣдъ, живость впечатлѣнія, чувства ослабляется до minimum'а, и это оттого, что авторъ не можетъ заставить васъ чувствовать такъ глубоко, т. е. такова его натура. Отъ нѣкоторыхъ картинъ (мы не говоримъ уже о цѣломъ произведеніи) Толстаго и Достоевскаго не можешь опомниться, потрясенный всѣмъ существомъ твоимъ, весь проникнутый, охваченный чувствомъ; кажется, будто самъ пережилъ что-то ужасное, тяжелое... Вотъ этой-то именно черты нѣтъ у Тургенева. Въ этомъ смыслѣ справедливо о немъ мнѣніе Юліана Шмидта: «Онъ похожъ на живописца, его образы *надо видѣть, а не осязать*». Справедливы и тѣ, которые говорятъ о блѣдности колорита его произведеній и называютъ ихъ «*акварелями*». Дѣйствительно, чувство Тургенева какъ бы скользитъ по содержанію и всей своей силой сосредоточивается на красотѣ формы и ея художественности.

Вторая отрицательная черта творческой силы Тургенева, при всей его наблюдательности, заключается въ сравнительно недостаточной глубинѣ анализа. Оттого нѣкоторыя фигуры его нѣсколько блѣдны, не особенно типичны, не такъ рѣзки, какъ, напримѣръ, у Гоголя, у котораго что ни фигура — то типъ. «Къ живописи примѣняется то же, что и къ литературѣ — ко всякому искусству», пишетъ Тургеневъ: «кто всѣ детали

передаетъ, — пропалъ; надо умѣть схватывать однѣ *характеристическія* детали. Въ этомъ одномъ и состоитъ *талантъ* и даже то, что называется творчествомъ». Этотъ-то талантъ нѣсколько слабъ у Тургенева; пусть не подумаетъ читатель, что мы отрицаемъ его, нѣтъ, мы признаемъ *сравнительную* его слабость. Возьмемъ примѣръ: извѣстно, что въ произведеніяхъ Тургенева Базаровъ является однимъ изъ наиболѣе рѣзко очерченныхъ типовъ, но извѣстно также и то, что онъ своей двойственностью породилъ массу недоразумѣній: одни восторгались имъ; другіе, наоборотъ, негодовали; только двое (между ними Достоевскій), сдѣлали настоящую оцѣнку Базарова. И вышло это вотъ почему: Тургеневъ-мыслитель во всемъ сочувствовалъ этому «провозвѣстнику», этому «умницѣ» Базарову, «кромѣ его взглядовъ на искусство». Тургеневъ-художникъ «хотѣлъ быть искреннимъ и правдивымъ». «Это жизнь *такъ* складывалась», пишетъ онъ [1]), «такъ говорилъ мнѣ опытъ—можетъ быть ошибочный, но, повторяю, добросовѣстный, мнѣ нечего было мудрить, и я долженъ былъ нарисовать его фигуру». И далѣе: «личныя мои наклонности тутъ ничего не значатъ»... Съ этимъ мнѣніемъ Тургенева согласиться нельзя, потому что тутъ именно и сказался Тургеневъ-человѣкъ, который по своей натурѣ, по своему воспитанію не могъ сочувствовать грубому Базарову и *противъ воли* придалъ ему излишнюю рѣзкость и безцеремонность тона, такъ что несимпатичныя стороны затемняютъ въ немъ положительныя черты. Отсюда и нападенія на Тургенева, за его якобы несочувствіе Базарову. Мы сказали, что Тургеневъ противъ воли, безсознательно, роковымъ образомъ придалъ такія черты Базарову; подтвердимъ это словами самого автора [2]). «Не удивляйтесь, впрочемъ, что Базаровъ для многихъ *загадка*: я самъ не могу хорошенько представить себѣ, какъ я его понималъ. Тутъ былъ—не смѣйтесь, пожалуйста — какой-то фатумъ, что-то сильнѣе самого автора, что-то независимое отъ него. Здѣсь одно:

---

[1]) Т. X, По поводу «Отцовъ и дѣтей».

[2]) «Письма». Салтыкову. Парижъ, 3 августа 1876 г.

никакой предвзятой мысли, никакой тенденціи во мнѣ слѣда не было; я писалъ наивно, словно самъ дивясь тому, что у меня выходило». Думаемъ, что примѣръ этотъ достаточно разъясняетъ нашу мысль. Замѣтимъ, кстати, что этотъ недостатокъ сказывается также въ отсутствіи сравнительной глубины психологическаго анализа, но объ этомъ рѣчь впереди.

Третье отрицательное свойство творчества Тургенева—отсутствіе глубины синтеза сравнительно съ великими писателями. Великій писатель, изображая явленіе, указываетъ на его связь съ другими явленіями, такъ что передъ вами во всей глубинѣ возстаетъ вся цѣпь причинъ и слѣдствій. У Тургенева она часто не выступаетъ во всей полнотѣ. Такъ напримѣръ, нѣкоторые его типы не выступаютъ передъ вами необходимо, неизбѣжно изъ почвы, среди которой они находятся, и связь ихъ съ почвой не особенно сильна и глубока. Дѣйствительно, въ его повѣсти «Отцы и дѣти», направленной, по его словамъ, противъ дворянства, какъ передового класса въ Россіи, вы не чувствуете осязательно связи героя Базарова съ *этой Россіей*,—повѣсть отражаетъ вамъ эпоху, нѣкоторыя черты ея, но не всю *суть* русскаго народа.

Такимъ образомъ, произведенія Тургенева скорѣе представляютъ вѣрное, точное *отраженіе* дѣйствительности въ исполненной нѣжной граціи и художественной прелести формѣ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію положительныхъ сторонъ творчества Тургенева. Впродолженіе всей своей литературной дѣятельности, онъ руководствовался не идеей, а *образами*; въ этомъ отношеніи для насъ чрезвычайно важно его свидѣтельство: «Такъ какъ я втеченіе моей сочинительской карьеры *никогда* не отправлялся отъ идей, а всегда отъ образовъ (самому даже Потугину лежитъ въ основаніи извѣстный образъ), то при болѣе и болѣе оказывающемся недостаткѣ образовъ (вслѣдствіе его долговременнаго пребыванія за границей) [1]) музѣ моей не съ чего будетъ писать свои картины [2])». Образы эти поэтъ черпалъ *изъ жизни*. При-

---

[1]) «Письма». Полонскому. Карлсруэ, 27 февраля 1869 г.

[2]) Примѣч. автора.

водимъ по этому поводу нѣсколько не безъинтересныхъ отзывовъ самого автора: «*Стукъ-стукъ*» повальная студія русскаго самоубійства, которое рѣдко представляетъ что-либо поэтическое или патетическое, а напротивъ, всегда совершается вслѣдствіе самолюбія, ограниченности съ примѣсью мистицизма и фатализма» [1]). О повѣсти «Несчастная»: «эта дѣвушка дѣйствительно сидѣла на окнѣ у меня въ комнатѣ московскаго дома и дѣйствительно царапала ногтемъ льдинки» [2]). Относительно поминокъ въ этой повѣсти: «Я на поминкахъ Грановскаго далъ себѣ слово заклеймить этотъ гнусный обычай». О повѣсти «*Клара Миличъ*»: «Замѣчательный психологическій фактъ, сообщенный вами — посмертная влюбленность. Изъ этого можно бы сдѣлать полуфантастическій разсказъ вродѣ Эдгарда-По. Я, помнится, видѣлъ разъ эту Кадмину (когда она была еще оперной пѣвицей; у ней было очень выразительное лицо). Замѣчательно также ваше описаніе отношеній больной дѣвушки къ сосланному еврею. Какъ подумаешь,—куда ни ступи, куда ни повернись—въ жизни драма, а есть еще господа писатели, которые жалуются, что сюжеты всѣ исчерпаны» [3]). О повѣсти «Отчаянный»: «Это не что иное, какъ студія вродѣ «Старыхъ портретовъ». Я постарался вывести въ ней типъ, который нахожу знаменательнымъ въ отношеніи съ нѣкоторыми современными явленіями» [4]). И еще: «Насчетъ эпитета «звѣрскій», который поразилъ тебя въ «Отчаянномъ», скажу, что тутъ нѣтъ противорѣчій (впрочемъ на дѣлѣ было такъ). Онъ былъ добрякъ, а въ нравѣ его было нѣчто дикое и животное, скорѣе звѣриное, чѣмъ звѣрское. Логика противорѣчій!» [5])

Тургеневъ самъ сознавалъ присущую его творческому дару объективность: «Стремленіе къ *безпристрастію* и *къ истинѣ всецѣлой* — есть одно изъ немногихъ качествъ,

---

[1]) «Письма». Ф—ой. Буживаль, 18 апрѣля 1874 г.
[2]) «Письма». Полонскому. Карлсруэ, 27 февраля 1869 г.
[3]) «Письма». Полонской. Парижъ, 20 декабря 1881 г.
[4]) «Письма». Полонской. Парижъ, 1 января 1882 г.
[5]) «Письма». Полонскому. Парижъ, 22 января 1882 г.

за которыя я благодаренъ природѣ, давшей мнѣ ихъ»[1]). И дѣйствительно, вездѣ и во всемъ онъ стремится быть объективнымъ, что и отразилось на его произведеніяхъ. «Не знаю, что изъ нея (повѣсти) вышло»—пишетъ онъ Полонскому[2])—«ибо никому ее не читалъ; самъ же авторъ, ты знаешь, судья плохой, особенно на первыхъ порахъ; онъ видитъ не только то, что сдѣлалъ, но даже то, что хотѣлъ сдѣлать; а публика, можетъ быть, ничего не увидитъ». То же стремленіе къ объективности заставляетъ Тургенева благодарить Полонскаго за весьма дѣльное замѣчаніе насчетъ *личнаго* характера его послѣднихъ произведеній. «Это такъ вѣрно», пишетъ онъ, «что я положилъ себѣ за правило впередъ иначе не разсказывать, какъ отъ третьяго лица. Это проще и естественнѣе».

Выше мы упомянули о томъ, что Тургеневъ отправлялся всегда отъ образовъ, которые онъ бралъ прямо изъ жизни; вотъ почему въ его произведеніяхъ сказывается всегда *непосредственность чувства*. Несмотря на свое пребываніе за границею, онъ зорко слѣдилъ—насколько позволяли это обстоятельства—за русской жизнью, которая и отразилась въ цѣломъ рядѣ его произведеній въ томъ видѣ, какъ представлялъ ее себѣ поэтъ. Что это дѣйствительно такъ—въ этомъ убѣждаетъ насъ нѣкоторые изъ романовъ Тургенева, въ которыхъ онъ съ поразительной чуткостью предугадываетъ едва нарождающіяся новыя явленія и движенія въ русской жизни (объ этомъ рѣчь будетъ ниже; см. глав. о герояхъ),—а также его письма изъ-за границы, въ которыхъ онъ излагаетъ свои взгляды на русскую жизнь, сообразно съ ея измѣненіями. Такъ напримѣръ, онъ пишетъ: «Пора у насъ въ Россіи бросить мысль о сдвиганіи горъ съ мѣста, о крупныхъ, громкихъ и красивыхъ результатахъ; болѣе чѣмъ когда-либо и гдѣ-либо слѣдуетъ у насъ удовлетворяться малымъ, назначить себѣ тѣсный кругъ дѣйствій; мы умремъ и ничего

---

[1]) «Письма». Дружинину. 30 октября 1856 г.
[2]) «Письма». Полонскому. Парижъ, 6 декабря 1871 г.

громаднаго не увидимъ. Съ этимъ надо помириться» *). Оттого-то пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ: «теперь неумѣстно и смѣшно толковать *о герояхъ* или *художникахъ* труда», хотя самъ, когда создавалъ Базарова,—думалъ иначе: тогда онъ видѣлъ въ немъ и «провозвѣстника», и «крупную фигуру», одаренную извѣстнымъ обаяніемъ, не лишенную нѣкотораго ореола. Такъ измѣнились его воззрѣнія на русскую жизнь.

Всю очерченную выше эпоху Тургеневъ называетъ «переходной» и самого себя «переходнымъ писателемъ». Въ этихъ словахъ, по нашему мнѣнію, заключается значеніе его, какъ писателя. Дѣйствительно, когда поклоненіе искусству, идеализму смѣнилось въ обществѣ увлеченіемъ политическими, экономическими стремленіями, когда художественныя стремленія замѣнились погонею за идеалами, не соотвѣтствовавшими ходу нашей исторической жизни (объ этомъ смотри главу о герояхъ)—въ это переходное время Тургеневъ, свободный отъ всякихъ увлеченій, несмотря ни на упреки, ни на охлажденіе публики, мнѣніемъ и толками которой онъ пренебрегалъ, какъ «вешней водой», твердо высказывалъ свои убѣжденія и упорно продолжалъ художественное направленіе, завѣщанное ему Пушкинымъ, довольствуясь тѣмъ, что писалъ «для самаго тѣснаго кружка любителей литературы». Лучшимъ свидѣтельствомъ въ этомъ отношеніи служитъ его собственная фраза: «ни за одну строку, написанную мной, мнѣ не приходится краснѣть—ни отъ одной отказаться» **). И въ этомъ его заслуга.

Съ особенной силой было развито въ Тургеневѣ *чувство эстетическое*, которое, какъ мы уже видѣли, составляло свойство его натуры: онъ былъ художникъ по преимуществу. Это сказывается всюду въ его произведеніяхъ и составляетъ тайну ихъ обаянія, прелести. «То, что у другихъ производитъ разладъ»,—говоритъ Ренанъ,—«у него становилюсь *осно-*

*) «Письма». Ф—ой. Парижъ, 22-го февраля 1875 г.
**) «Письма». Ф—ай. Буживаль 18-го апрѣля 1874 г.

вою гармоніи». «Онъ чуждается безобразнаго»—замѣчаетъ Юліанъ Шмидтъ—«и старается его избѣгать. Онъ поклонникъ прекраснаго, гдѣ рисуетъ безобразное. У него вѣрность чутья относительно красокъ, которыя *гармонируютъ* между собой, смягчая все грубое, рѣзкое». Эстетическое чувство требуетъ въ Тургеневѣ чувства правды, искренности, переходящей въ добродушіе, вѣрности воспроизведенія, вслѣдствіе которой онъ постоянно стремится къ яснымъ, точнымъ образамъ. Эстетическое чувство заставляло его обращать главное вниманіе на форму произведеній, и эта работа давалась ему иногда нелегко: нѣкоторыя произведенія онъ переписывалъ по три раза, иныя передѣлывалъ по нѣскольку разъ. За то у другихъ онъ сейчасъ же замѣчалъ недостатки въ этомъ отношеніи: «Сонъ язычника» хорошъ»—пишетъ онъ,—«но форма... форма... такъ и разлѣзлась во всѣ стороны, какъ куль рогожный» *), Въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе о Плетневѣ: «Онъ вполнѣ выразился въ своихъ малочисленныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ языкомъ образцовымъ, хотя немного блѣднымъ». Тамъ же по поводу «Деревни» Григоровича читаемъ: «Написана она *языкомъ нѣсколько изысканнымъ*, не безъ сантиментальности: но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта было несомнѣнно». Въ примѣръ того, какъ гармонически сочетались у него противоположности (напр. Базаровъ и П. Кирсановъ), приводимъ его собственныя слова, проливающія яркій свѣтъ на эту его сторону. «Эстетическое чувство заставило меня искать *хорошихъ* представителей дворянства (Кирсановыхъ), чтобы тѣмъ вѣрнѣе доказать мою тему. Они лучшіе изъ дворянъ, и именно потому и выбраны мною, чтобы доказать ихъ несостоятельность. Представить съ одной стороны взяточника, а съ другой идеальнаго юношу—эту картину пускай рисуютъ другіе. Я хотѣлъ большаго». Съ чувствомъ неудовольствія отклоняетъ онъ наброшенную на него тѣнь подозрѣнія въ

---

*) «Письма» Полонскому. Баденъ 13-го января 1868 г.

непониманіи молодежи: «Какой бы я былъ художникъ (не говоря уже человѣкъ)»—пишетъ онъ Ф—ой [1]),—«если бы я не понималъ, что самоувѣренность, преувеличеніе, извѣстнаго рода фраза и поза, даже нѣкоторый цинизмъ, составляютъ неизбѣжную принадлежность молодежи». Тоже чувство заставляетъ Тургенева въ порывѣ болѣзненнаго раздраженія отвергнуть предположеніе (Венгерова), что нѣкоторыя изъ его повѣстей написаны (первоначально) на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ: «это предположеніе уже не въ первый разъ является въ печати, но я всегда видѣлъ въ немъ намѣреніе меня уязвить. *Я никогда ни одной строчки въ жизни не написалъ не на русскомъ языкѣ*—въ противномъ случаѣ я былъ бы не художникъ, а просто—дрянь. Какъ это возможно писать на чужомъ языкѣ, когда и на своемъ-то, русскомъ, едва можно сладить съ образами и мыслями и т. д.!» То же чувство между прочимъ препятствуетъ Тургеневу изображать жизнь *только* въ мрачныхъ краскахъ, хотя самъ онъ вначалѣ относился скептически къ жизни, а съ теченіемъ времени это отношеніе перешло у него въ мрачное чувство пессимизма, источникъ котораго крылся частью въ складѣ его ума, окружавшей обстановкѣ, частью въ его неудачно, несчастливо сложившейся жизни, въ отсутствіи семьи, дѣятельности, добровольномъ изгнаніи за границу (изъ его писемъ видно, какъ стремился онъ въ Россію; къ концу жизни онъ положительно мучился, порываясь къ себѣ домой—на родину) и наконецъ, въ частицѣ, отзвукѣ той русской болѣзни, у которой нѣтъ опредѣленнаго названія, но которая, по его же словамъ, выражается «въ лѣни, вялости, пустотѣ и скукѣ» [2]).

---

[1]) «Письма»—Ф—ой. Парижъ, 22-го февраля 1875 г.

[2]) Отголоски этой болѣзни даютъ ему «наслажденіе, о которомъ упоминаетъ Гоголь, и которое состоитъ въ казненіи самого себя, своихъ недостатковъ въ изображаемыхъ, вымышленныхъ лицахъ». Напримѣръ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Санинъ въ «Вешнихъ водахъ». Лаврецкій, Литвиновъ и т. д., безъ сомнѣнія, носятъ въ себѣ много личныхъ чертъ Тургенева.

«Мысль, что черезъ какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ отъ твоей дѣятельности не останется пылинки—очень охладительно дѣйствуетъ на самолюбіе, хотя съ другой стороны вполнѣ предаваться ей не слѣдуетъ, а то, пожалуй, всякую работу бросишь. Но счастье людей состоитъ именно въ томъ, что они поступаютъ не сообразно съ законами логики, а въ силу мгновенныхъ чувствъ и увлеченій. Носъ у тебя такъ устроенъ, чтобы свистѣть, и будешь ты свистѣть,—полезно это или нѣтъ» [1]). Но вотъ скептическое отношеніе къ жизни переходитъ у Тургенева въ мрачное чувство, которое находило на него по временамъ въ минуты тяжелаго раздумья. Въ отвѣтъ на одно стихотвореніе Полонскаго, которое произвело въ немъ тяжелое чувство «унылости», онъ приводитъ отрывокъ изъ своего дневника: «17/5 марта. Полночь. Сижу опять я за своимъ столомъ.... а у меня на душѣ темнѣе темной ночи.... Могила точно торопится проглотить меня; какъ мигъ какой пролетаетъ день, пустой, безцѣльный, безцвѣтный. Смотришь: опять вались въ постель.—Ни права жить, ни охоты нѣтъ; дѣлать больше нечего, нечего ожидать, нечего даже желать». Между тѣмъ это чувство въ поэзіи у него переходитъ въ какую-то тихую, нѣжную грусть, которая разлита по всѣмъ его произведеніямъ, и нигдѣ почти криковъ отчаянія, ужаса, безпощаднаго, рѣзкаго отрицанія.

Замѣтимъ кстати, что при такомъ высокомъ взглядѣ на поэзію, который мы ставимъ въ связь съ сильно развитымъ у него этестическимъ чувствомъ, Тургеневъ признавалъ однако *служебное* значеніе поэзіи, выражавшееся съ одной стороны въ наслажденіи «*казнить себя*» въ вымышленныхъ лицахъ, съ другой—въ томъ, чтобы «выжечь клеймо позора» на лбахъ живыхъ людей: «Мнѣ иногда потому только досадно на свою лѣнь, недающую окончить начатый мною романъ, что двѣ-три фигуры, ожидающія клейма позора, гуляютъ, хотя съ мѣдными, но не выжженными еще лбами....

[1]) «Письма». Полонскому. Карлсруэ, 16-го декабря 1868 г.

Художественное воспроизведеніе, *если оно удалось*, злѣе самой сатиры» *).

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ПОЭЗІИ ТУРГЕНЕВА.

Характеризуя одного изъ своихъ героевъ, а именно, Санина въ «Вешнихъ водахъ», Тургеневъ прибавляетъ между прочимъ: «Мягкость... мягкость... и мягкость... вотъ вамъ весь Санинъ». Мы имѣемъ основаніе думать, что Санинъ, которому такъ симпатизируетъ авторъ, безъ сомнѣнія, носитъ въ себѣ черты, присущія самому творцу этого типа, и потому не ошибемся, если скажемъ, что это выраженіе вполнѣ можетъ быть приложено къ Тургеневу, но, конечно, въ томъ смыслѣ, что мягкость (да еще въ соединеніи съ добротой) составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ его организаціи. Эта черта характера оказываетъ сильное вліяніе на содержаніе, поэтическіе образы и даже на самый тонъ его произведеній. Какія бы чувства ни желалъ выразить авторъ,— горе, радость, отчаяніе и т. д.—всѣ они получаютъ у него какой-то мягкій оттѣнокъ. Оттого вы не встрѣтите въ его поэзіи ни особенно сильныхъ лирическихъ мѣстъ, ни особенно сильныхъ душевныхъ движеній,—онъ не могучимъ порывомъ увлекаетъ васъ, онъ не поэтъ душевныхъ бурь, бѣшеной страсти,—нѣтъ, въ его поэзіи разлито тихое, безмятежное чувство. Вспомните Лаврецкаго въ тотъ моментъ, когда онъ, возвратившись къ себѣ въ деревню, почувствовалъ, что попалъ «на самое дно рѣки» и сидя подъ окномъ, не шевелился, словно прислушивался къ теченію тихой жизни, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши, думая найти успокоеніе, обновленіе въ этой «бездѣйственной тиши»,—и вы поймете эту сторону Тургенева. Вы не найдете у него порывовъ безумнаго веселья, радости безъ границъ,—самое счастье тихо наплываетъ и тихо колышется въ немъ. Правда, вы найдете не разъ выраженіе *глубокаго* горя, но это горе тихое, оно

*) «Письма» Суворину. Парижъ, 14-го февраля 1875 г.

принадлежитъ не «бушующему сердцу». И нигдѣ вы не сыщете безнадежнаго отчаянія, не услышите грознаго ропота въ порывѣ, въ изступленіи страшнаго горя; все это здѣсь какъ будто скрыто глубоко на днѣ страдающей души. Тихой меланхоліей, чувствомъ нѣжной грусти проникнуты всѣ его произведенія (какой-то заунывной нотой звучатъ они), что сообщаетъ имъ особый, пріятный, задушевный характеръ. Издавая основной, господствующій тонъ въ поэзіи Тургенева, эта грустная нота никогда не звучитъ у него съ такой силой, какъ, напримѣръ, у Лермонтова и, находясь въ тѣсной связи съ пессимистическими воззрѣніями поэта, рѣдко переходитъ въ мрачное, безнадежное состояніе.

Хотя въ произведеніяхъ Тургенева нигдѣ мы не встрѣчаемъ восхваленій или восторговъ по поводу своего отечества, тѣмъ не менѣе, какъ истинный патріотъ, онъ постоянно болѣлъ и страдалъ за Россію, которую горячо любилъ, мучился судьбами ея, скорбѣлъ о печальныхъ сторонахъ русской жизни и глубоко возмущался недостатками, пороками общества. Это чувство скорби—вездѣ, гдѣ бы онъ ни касался темныхъ сторонъ жизни и общества, переходитъ у него то въ въ иронію, легкую, весьма часто блещущую остроуміемъ, то злую, пожалуй, ѣдкую, сатиру (какъ, напримѣръ, въ «Дымѣ»), но не жгучую, грозную, бичующую—и почти никогда не переходитъ въ добродушный юморъ. Впечатлительный, мягкій Тургеневъ съ дѣтства былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ, подчасъ ужасныхъ сценъ крѣпостнаго быта, и можно представить себѣ, какъ возмущали онѣ его кроткую душу, какое чувство отвращенія внушали ему! Онъ какъ будто съ дѣтства далъ Аннибалову клятву, всѣмъ, чѣмъ только могъ, протестовать противъ безобразій и ужасовъ крѣпостнаго права. Вотъ почему, намъ кажется, въ «Запискахъ охотника» вы не найдете юмора. Затѣмъ тяжелыя времена Пушкина,—смерть Гоголя, письмо, арестъ, ссылка въ деревню—все это, вмѣстѣ со многимъ другимъ, тяжелымъ гнетомъ ложилось ему на душу, раздражало его, озлобляло противъ родной обстановки, и вотъ онъ, еще не выбравшись за границу, удовлетворяетъ себя, выражая наки-

нѣвшее чувство то въ горькой ироніи, то въ злой сатирѣ. Оттого, намъ кажется, нельзя искать юмора и въ другихъ его произведеніяхъ, и въ этомъ отношеніи мы присоединяемся къ мнѣнію Полеваго, вызсказанному въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» (за 1885 г.) хотя критики современные Тургеневу, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ, Дружининъ и др.—отзываются съ похвалой о его юморѣ.

Природная мягкость поэта, несомнѣнно, имѣла также сильное вліяніе на художественные образы, создававшіеся въ его душѣ; всѣ они, какъ бы мрачны, ужасны ни были, характеризуются отсутствіемъ рѣзкихъ, жесткихъ чертъ. Такъ, смерть у него олицетворяется не въ видѣ грознаго, ужаснаго призрака, а въ образѣ отвратительнаго насѣкомаго, бураго цвѣта, съ головой, какъ у коромысловъ, и лапками ярко-краснаго, «точно кроваваго цвѣта», возбуждающаго чувство страха, даже ужаса у присутствующихъ. Смерть— судьба — въ образѣ слѣпой, нищей старухи, которая точно преслѣдуетъ путника, и когда онъ, дойдя до глубокой, мрачной ямы, оборачивается къ старухѣ,—она уже не слѣпая, а смотритъ на него «большими, злыми, зловѣщими глазами, глазами хищной птицы». «Равнодушная», безучастная и строгая природа олицетворяется въ образѣ холодной, но прекрасной женщины. Мягкостью колорита и нѣжностью очертанія, тона, отличаются превосходные, исполненные живой прелести и вѣрности ландшафты Тургенева.

Тургеневъ глубоко сочувствовалъ людскому горю: несчастья, страданья человѣческія нашли полный отзвукъ въ его теплой, любящей душѣ и выразились въ глубоко прочувствованныхъ картинахъ. Кто не помнитъ горя и тяжелаго душевнаго состоянія Лизы («Двор. гнѣздо») послѣ извѣстія о пріѣздѣ жены Лаврецкаго, или окаменѣвшей отъ горя Елены, при потерѣ мужа, а съ нимъ и всего на этомъ свѣтѣ. Даже къ животнымъ Тургеневъ обнаруживаетъ не только сочувствіе, но и трогательное участіе. Для примѣра возьмемъ два отрывка изъ «Стихотвореній въ прозѣ»:

СОБАКА.

«Насъ двое въ комнатѣ: собака моя и я... На дворѣ воетъ страшная буря. Собака сидитъ передо мною и смотритъ мнѣ прямо въ глаза. Она словно хочетъ мнѣ сказать что-то. Она нѣмая, она безъ словъ—но я ее понимаю. Я понимаю, что въ это мгновеніе и въ ней, и во мнѣ живетъ одно и то же чувство, въ каждомъ изъ насъ горитъ и свѣтится тотъ трепетный огонекъ. Нѣтъ! Это не животное и не человѣкъ мѣняются взглядами. Это двѣ пары одинаковыхъ глазъ устремлены другъ на друга. И въ каждой изъ этихъ паръ, въ животномъ и въ человѣкѣ, одна и та же жизнь жмется пугливо къ другой».

ВОРОБЕЙ.

«Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня. Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ передъ собой дичь. Я глянулъ вдоль аллеи и увидѣлъ молодаго воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва пороставшія крылышки. Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой—и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалобнымъ пискомъ прыгнулъ два раза въ направленіи зубастой, раскрытой пасти. Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище... но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ,—онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собой! Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И, все-таки, онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда. Мой Трезоръ остановился, попятился... Видно и онъ призналъ эту силу. Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса—и удалился. благоговѣя. Да, не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ этой ма-

ленькой героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти.— Только ею, только любовью держится и движется жизнь.»

Самъ отъ природы искренній, правдивый, Тургеневъ вносилъ эти черты и въ свои произведенія. Читая ихъ, вы невольно проникаетесь этимъ чувствомъ: оно неотразимо дѣйствуетъ на васъ; никогда вамъ не приходитъ на мысль заподозрить въ неискренности поэта. Вотъ почему онъ и отъ другихъ требуетъ правды, искренности, возстаетъ противъ неестественности, фальши, лжи, стремленія «казаться» а не быть на самомъ дѣлѣ; всѣ положительные его герои отличаются тѣмъ же благороднымъ свойствомъ. Сочувствіе всему прекрасному, доброму высокому, глубокое уваженіе къ искусству, наукѣ, родинѣ, уваженіе къ убѣжденіямъ другихъ людей, если только они не расходятся съ дѣломъ, любовь къ свободѣ—все это придаетъ важное воспитательное значеніе произведеніямъ Тургенева и указываетъ на необходимость широкаго ихъ примѣненія къ педагогическимъ цѣлямъ. Это тѣмъ болѣе удобно, что Тургеневъ всегда руководитъ читателя (его особая манера изложенія) такъ что, при внимательномъ чтеніи, легко видѣть, чему сочувствуетъ самъ авторъ; тамъ же гдѣ это труднѣе (напримѣръ въ романахъ), у него выводится цѣлый рядъ типовъ которые отъ лица автора разъясняютъ, указываютъ точку зрѣнія, значеніе событія, героя (таковы: Лежневъ въ «Рудинѣ», Михалевичъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», Потугинъ въ «Дымѣ», Паклинъ въ «Нови» и т. д.).

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на *языкъ* Тургенева, легкій, мягкій, гибкій, исполненный изящества и граціи, блещущій остроуміемъ, отличающійся всѣми достоинствами поэтическаго, высокообработаннаго слога, обнаруживающій въ писателѣ съ этой стороны великаго знатока и художника. По красотѣ, обработкѣ, изяществу языкъ Тургенева можетъ быть поставленъ наравнѣ съ языкомъ Пушкина, и въ этомъ отношеніи, какъ во взглядѣ на поэзію, Тургеневъ является достойнымъ продолжителемъ нашего великаго

поэта. Какъ много значилъ для Тургенева, какъ дорогъ былъ ему родной языкъ впродолженіе его жизни за границей, являясь живой связью поэта съ родной страной,—можно видѣть изъ слѣдующаго обращенія къ нему Тургенева: «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!» Вотъ почему въ своихъ «Письмахъ», онъ завѣщаетъ нашимъ молодымъ писателямъ: «Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ числѣ которыхъ блистаетъ опять-таки *Пушкинъ*! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса! Даже тѣмъ, которымъ не по вкусу «философскія отвлеченности» и «поэтическія нѣжности», людямъ практическимъ, въ глазахъ которыхъ языкъ не что иное, какъ средство къ выраженію мысли, какъ простой рычагъ — даже имъ скажу я: уважайте, по крайней мѣрѣ, законы механики, извлекайте изъ каждой вещи всю возможную пользу. А то, право, пробѣгая иныя вялыя, смутныя, безсильно пространныя разглагольствованія въ журналахъ, читатель невольно долженъ думать, что именно *рычагъ*-то вы замѣняете первобытными подпорками,—что вы возвращаетесь къ младенчеству самой механики».

Такимъ образомъ, на основаніи всего вышесказаннаго, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: Тургенева нельзя назвать «великимъ писателемъ Русской земли» въ томъ смыслѣ, какъ самъ онъ называетъ гр. Л. Толстаго въ своей предсмертной послѣдней просьбѣ; но, безспорно, онъ принадлежитъ къ числу первокласныхъ талантовъ; что же касается до формы, то по красотѣ ея и прелести изложенія, онъ стоитъ наряду съ великими писателями.

Закончимъ нашъ обзоръ личнымъ отзывомъ о себѣ Тургенева, безъ всякаго сомнѣнія, не лишеннымъ интереса и значенія:

«Я преимущественно реалистъ и болѣе всего интере-

суюсь живой правдой людской физіономіи; ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни въ какіе абсолюты и системы не вѣрю, люблю больше всего свободу и, сколько могу судить, доступенъ поэзіи. Все человѣческое мнѣ дорого, славянофильство чуждо такъ же, какъ и всякая ортодоксія».

КРЕСТЬЯНСКІЕ ТИПЫ.

Среди произведеній Тургенева, въ которыхъ только мѣстами разбросаны картины крестьянской жизни, «Записки охотника» безспорно занимаютъ выдающееся мѣсто; къ нимъ примыкаютъ въ этомъ отношеніи и нѣкоторыя изъ его повѣстей, какъ напримѣръ, «Муму», «Постоялый дворъ» и другія. «Записки охотника» рисуютъ намъ далеко не веселыя, подчасъ даже отвратительныя картины крестьянской тяжелой крѣпостной жизни, со всѣми ея непривлекательными сторонами. Уже современными критиками указано великое значеніе «Записокъ»—этого горячаго протеста противъ крѣпостнаго права, господствовавшаго нѣкогда въ Россіи. Являясь въ своихъ «Запискахъ» ярымъ противникомъ крѣпостничества, деспотизма и гнета помѣщиковъ, не признававшихъ и не желавшихъ признать человѣческихъ свойствъ въ своихъ рабахъ, заставляя читателя съ негодованіемъ и чувствомъ ужаса отвращаться отъ многихъ возмутительныхъ сторонъ этого быта, Тургеневъ впервые призналъ этого *крестьянина-раба* за *человѣка*, показалъ, что и ему не чужды проявленія человѣческой души, и тѣмъ самымъ подготовилъ общество къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ. Если прибавить къ этому вѣрность, правдивость и художественность изображенія, отсутствіе идеализаціи, глубокое сочувствіе горю и страданіямъ этого крестьянскаго люда, то для насъ сдѣлается яснымъ, почему «Записки охотника» привлекали и привлекаютъ массу читателей, надолго обезпечивъ за собой право на вниманіе русской читающей публики и тѣмъ самымъ обезсмертивъ имя Тургенева. Но въ то же время слѣдуетъ замѣтить, что Тургеневъ, изображая въ большинствѣ случаевъ только мрачныя стороны крестьян-

ской жизни, является нѣсколько одностороннимъ и, пожалуй, даже тенденціознымъ; но тенденціозность эта оправдывается временемъ, въ которое были написаны эти «Записки». Кромѣ того, онъ не совсѣмъ полно рисуетъ намъ крестьянскій бытъ, такъ что, въ сравненіи, напримѣръ, съ Л. Толстымъ, Тургеневъ представляется намъ нѣсколько поверхностнымъ наблюдателемъ крестьянской жизни; въ этомъ отношеніи онъ какъ бы поставилъ себѣ черту, грань, за которую никогда не переходилъ.

Мало утѣшительнаго представляетъ намъ крестьянинъ «Записокъ»: бѣдный и неопрятный, но въ то же время безпечный и лѣнивый; недалекій, простоватый съ виду, на дѣлѣ хитрый, «себѣ на умѣ»; флегматическій и медлительный, упрямый, грубый и подчасъ жестокій; невѣжественный и суевѣрный, иногда резонеръ, любитель крѣпкаго, остраго словца; тупо равнодушный къ своему, чужому горю и даже къ смерти (русскій человѣкъ умираетъ «словно обрядъ совершаетъ»); трусоватый отъ постояннаго угнетенія,—чувствующій паническій страхъ, рабскую покорность и даже благоговѣніе передъ бариномъ; съ болѣзненно развитой страстью къ пьянству,—но добрый и хлѣбосолъ, любитель природы, не лишенный юмора и здраваго смысла, разсудительный—вотъ нашъ крестьянинъ эпохи крѣпостнаго права, изображенный Тургеневымъ.

Но надъ этимъ, такъ сказать, зауряднымъ типомъ возвышаются два типа *крестьянина идеалиста,* которые мы разсмотримъ въ отдѣльности. Возьмемъ идеалиста-романтика *Калиныча*, человѣка кроткаго и въ то же время веселаго нрава, съ добродушнымъ лицомъ. Онъ всему вѣритъ, говоритъ съ жаромъ, знаетъ заговоры, любитъ природу; хозяйство у него въ забросѣ, потому что онъ каждый день на охотѣ съ бариномъ, передъ которымъ благоговѣетъ.—Выше стоитъ глубоко-поэтическая натура *Касьяна* «съ Красивой Мечи». Маленькій, съ тщедушнымъ, худымъ тѣломъ, безсемейный, онъ говоритъ протяжною, «обдуманно-торжественной рѣчью». Любитель природы,— онъ въ лѣсу, какъ у себя дома, «ходитъ проворно, травы собираетъ, съ птицами перекликается»; Касьянъ грамотенъ, знаетъ заговоры и вѣритъ въ нихъ:

«кому судьба умереть, тому не поможешь, хотя травы и могутъ дѣйствовать»: «кто вѣруетъ, спасется». Убійство, смерть является для него дѣломъ противнымъ всему его существу, нравственности, религіи. «Пища Богомъ опредѣлена человѣку. Убивать грѣхъ. Святое дѣло кровь; великій грѣхъ показать свѣту кровь. Смерти не избѣжишь, но помогать ей не должно». Высшее свойство человѣка справедливость: «человѣкъ долженъ быть справедливъ, Богу угоденъ, то есть». И вотъ онъ, недовольный тѣмъ, «что справедливости въ человѣкѣ нѣту», не мало исходилъ за нею, какъ и другіе «по міру бродятъ, правды ищутъ». Таковы плоды размышленій и грамотности этого замѣчательнаго типа народнаго философа-поэта. Отношеніе къ нему народа чрезвычайно ярко высказывается въ данныхъ ему прозвищахъ: «блоха», «лѣкарка», «юродивецъ».

Затѣмъ слѣдуютъ представители стихійной силы, великаны, *богатыри*, съ соотвѣтствующимъ запасомъ нравственныхъ силъ. Плечистый молодецъ *Бирюкъ*, съ суровымъ и мужественнымъ лицомъ, охраняетъ господскій лѣсъ, «честно должность свою справляетъ». Въ немъ сильно сознаніе долга: «даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится», говоритъ онъ, и точно: несмотря на его бѣдность, ничего нельзя взять у него, «ни его подкупить»: его боятся, какъ огня. Бирюкъ не жалуется на свою судьбу, твердо переноситъ свое семейное горе (у него «сбѣжала» жена); не подобострастенъ передъ бариномъ, напротивъ—сознаетъ свое достоинство. При видѣ отчаянія вора, чувство жалости, сочувствія бѣдняку смѣшивается въ немъ съ чувствомъ «гадливаго презрѣнія». «Въ его могучемъ тѣлѣ покоилась могучая душа!»—Таковъ же герой повѣсти «Муму», великанъ *Герасимъ*, нѣжная, любящая душа. Честный, трудолюбивый, трезвый, онъ какъ бы созданъ для полеваго здороваго труда и тяготится городской, легкою для него и пустой жизнью дворника. Своими душевными качествами онъ одинъ выдѣляется среди дворни, этихъ «людишекъ» (хитраго дворецкаго, безотвѣтной прачки, горькаго пьяницы портнаго, подобострастныхъ, безличныхъ приживалокъ), но, какъ и они, чувствуетъ страхъ передъ бары-

ней. Смѣлый и рѣшительный вообще, онъ, выведенный изъ терпѣнія, уже никого не боится и превращается въ грозную стихiйную силу.—Нѣчто подобное представляетъ и *Дикій баринъ* въ «Пѣвцахъ», производящій впечатлѣніе «грубой, тяжелой и неотразимой силы, но съ фигурой, не лишенной граціи». Молчаливый, угрюмый, онъ ни на кого не похожъ, «самъ по себѣ», и представляетъ смѣсь врожденной «свирѣпости и благородства». Его боялись и охотно повиновались ему; онъ имѣлъ вліяніе во всемъ околоткѣ. «Громадныя силы покоились въ немъ, какъ бы зная, что, прорвавшись, онѣ разрушатъ себя и все, до чего онъ ни коснется».

Переходимъ теперь къ *крестьянамъ практикамъ*, положительнымъ представителемъ которыхъ служитъ умный, хитрый *Хорь*. Въ избѣ у него (сравнительная) чистота и достатокъ во всемъ; у него шестеро сыновей «хорьковъ», «молодыхъ великановъ». Хорь говорилъ мало, «про себя разумѣлъ», а если разговаривалъ, то выражался «мудрено» изъ осторожности. Къ помѣщику относился скептически, видѣлъ его на сквозь, но съ бариномъ своимъ, у котораго онъ на оброкѣ и съ властями ладилъ. Хорь торгуетъ «маслишкомъ, дегтишкомъ» и зашибъ уже порядочную деньгу, а изъ расчета на волю не выкупается. Дѣятельный, положительный «практическая, административная голова и раціоналистъ», онъ много видѣлъ, много знаетъ, многому научился; къ женщинамъ относится съ глубокимъ презрѣніемъ: «Баба работница, баба мужу слуга». «Ихъ что разнимаешь, то хуже, да и рукъ марать не стоитъ». Въ пѣснѣ любилъ жаловаться на свою долю.—Къ практикамъ также примыкаетъ типъ «смышленаго торговаго мужика», содержатель постоялаго двора *Акимъ Семеновъ*. Ласковый хозяинъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, любитель поразсказать о видѣнномъ, онъ умѣлъ угодить и привлечь публику. Его слабость — страсть къ женскому полу, которая его и погубила: благодаря измѣнѣ молодой жены, онъ лишается всего имѣнія... Но тутъ выступаютъ его высоко-нравственныя, религіозныя черты: Акимъ прощаетъ все женѣ, свое несчастье считаетъ божественной карой за грѣхи и, отдавъ остатки своего иму-

щества женѣ, оканчиваетъ жизнь въ странствіи по святымъ мѣстамъ и въ отмаливаніи своихъ грѣховъ.— Менѣе симпатиченъ *Николай Ивановичъ* цѣловальникъ (въ «Пѣвцахъ») «съ хитро добродушными глазами и заплывшимъ лицомъ». Расторопный, смѣтливый, онъ имѣлъ даръ привлекать и удерживать гостей; ему хорошо знакомъ крестьянскій и помѣщичій бытъ; Николай Ивановичъ знаетъ толкъ во всемъ; у него много здраваго смысла. Осторожный эгоистъ, онъ отъ всего въ сторонѣ, но знаетъ все, что дѣлается въ околоткѣ, и никогда не проболтается. Среди сосѣдей пользуется уваженіемъ и вниманіемъ.—Еще менѣе симпатиченъ *Моргачъ* («Пѣвцы»)—бывшій крѣпостной кучеръ. Нѣкогда онъ бѣжалъ съ барской тройкой и, вернувшись, вымолилъ себѣ пощаду у барыни; Съумѣлъ снова втереться къ ней въ довѣріе и сдѣлаться приказчикомъ, обокралъ ее и послѣ ея смерти отпущенъ на волю. Моргачъ—«опытный человѣкъ», себѣ на умѣ, «тертый калачъ». Болтливъ, но не проговаривается и не прикидывается простякомъ. Ему все удается, за что бы онъ ни принялся, и онъ суевѣрно вѣритъ въ свое счастье.

Но вотъ типъ, внушающій чувство отвращенія своей безнравственностью, безчеловѣчностью, каменной холодностью,—бурмистръ *Софронъ Яковлевъ*, «умный плутъ, тонкая бестія». Лесть, низкопоклонство и подобострастіе передъ бариномъ, котораго «обвелъ кругомъ»; имѣніемъ его, «какъ своимъ добромъ, владѣетъ». Софронъ говоритъ складно и дѣльно и въ разговорѣ осторожно «вправляетъ» свои замѣчанія. Промышляетъ землей, лошадьми, скотомъ и другимъ барскимъ добромъ, отчего очень разбогатѣлъ.—«Звѣрь, не человѣкъ, какъ есть пёсъ», говорятъ о немъ крестьяне, которыхъ онъ обдираетъ, изъ которыхъ выжимаетъ всѣ соки. «Разорилъ совсѣмъ, закабалилъ. А кто жаловаться — загоняетъ совсѣмъ»: «послѣдняго сына въ солдаты отдалъ».— Второй подобный типъ—прообразъ кулачества—содержатель постоялаго двора *Наумъ Ивановичъ*. Разъѣзжая со своимъ хозяиномъ по деревнямъ съ товарами, умный и ловкій Наумъ живо высмотрѣлъ себѣ добычу и коварнымъ образомъ разставилъ свои сѣти, въ которыя попадаетъ жена содер-

жателя двора (Акима). Склонивъ ее украсть завѣтныя деньги у мужа и купивъ на эти деньги дворъ, принадлежавшій Акиму, у помѣщицы, не постѣснявшейся продать чужое имущество (все равно барское, благо, находится на ея землѣ), онъ съ адски невозмутимымъ хладнокровіемъ выгоняетъ ошеломленнаго хозяина изъ собственнаго дома. Наумъ—человѣкъ, готовый на всякое преступленіе, неразборчивый въ средствахъ, заглушившій въ себѣ всякое человѣческое чувство; для него нѣтъ ничего святаго, онъ жестокъ, холоденъ, какъ ледъ, и, повидимому, не знаетъ упрековъ совѣсти.

Изъ крѣпостныхъ *дворовыхъ людей*, отличающихся большею частью испорченностью нравовъ, выдвигается *Юдичъ*, слуга Ивана Андреевича Лучинова, помѣщика Екатерининскихъ временъ («Три портрета»). Юдичъ относится еще къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда возможны были Васьки Шибановы. Вѣрный и преданный рабъ, честный и безкорыстный, молчаливый, онъ не жалѣетъ жизни для своего господина, за что и пользуется неограниченной его довѣренностью: ключъ отъ денегъ барина у него на рукахъ. Память о немъ живетъ долго среди дворни.—Весьма похожъ на Юдича молчаливый *Лукъянычъ* («Три встрѣчи»), оставшійся одинъ свидѣтелемъ временъ барства и сторожемъ пустой, заглохшей усадьбы. Сознаніе безцѣльности жизни, которая безъ господъ теряетъ для него всякій смыслъ, заставляетъ его окончить жизнь свою самоубійствомъ.—Почти такой же, добродушно величавый старикъ, дворецкій графа, *Михайло Савельичъ Туманъ* («Малиновая вода»). Онъ насквозь проникнутъ благоговѣніемъ къ своему господину, убѣжденъ, что все, что—ни дѣлаетъ баринъ, хорошо и разумно («разоряться только не слѣдъ») и глубоко сожалѣетъ о своей прошедшей жизни: «важное житье при графѣ было!» Даже воля ему является какъ будто ненужной. Тумана коснулась уже внѣшняя сторона цивилизаціи.—Та же черта, только съ большей яркостью отразилась въ *Наркизѣ Семеновѣ*, старомъ слугѣ («Бригадиръ»): онъ держитъ себя съ достоинствомъ; въ немъ что-то самоувѣренное, утонченное. Къ другимъ помѣщикамъ онъ не питалъ ува-

женія, а дворню презиралъ. Выражался Наркизъ правильно, вразумительно; умѣлъ читать и писать; водки не пилъ. Въ церковь не ходилъ и слылъ за раскольника.—А вотъ цивилизованный и *избалованный слуга* богатаго молодаго барина («Свиданіе»): нахальный на видъ, онъ одѣтъ съ претензіей «на вкусъ и щегольскую небрежность»; съ низшими величественно небреженъ, развязенъ и ломается нестерпимо; любитъ хвастаться петербургской жизнью, поѣздками за границу съ своимъ бариномъ, и много воображаетъ о себѣ. Холодный и черствый душой, онъ насквозь проникнутъ неестественностью и холопствомъ.

Такіе дворовые люди, отпущенные на волю, не способны уже ни къ какой дѣятельности; избалованные и облѣнившіеся, они ни за что не могутъ приняться и никому не нужные, доживаютъ свой вѣкъ. Таковъ *Ермолай охотникъ* («Льговъ»), больше дня не сидѣвшій дома, извѣстный на 100 верстъ кругомъ, любитель выпить, бѣднякъ, но ничего не дѣлающій и на руку не чистый.—Такой же и вольноотпущенный *Владиміръ*, бывшій камердинеръ, приторно слащавый, «напоминавшій провинціальныхъ актеровъ-любовниковъ», хвастающійся своими важными знакомствами, щеголяющій своими манерами, но также ничего не дѣлающій и питающійся «чуть не манной небесной». — Или господскій рыболовъ *Сучекъ*, бывшій казачекъ, форейторъ, садовникъ, доѣзжачій, кучеръ, поваръ, буфетчикъ, актеръ и снова поваръ. Казалось бы, что, перебывавъ въ столькихъ должностяхъ, онъ могъ хотя чему-нибудь научиться и работать, но, по своей безпечности и лѣни, онъ ни за что не принимается и оборванный, сонный, влачитъ свое существованіе.—Такой же, наконецъ, и *Обалдуй* («Пѣвцы»); загулявшій дворовый, отъ котораго сами господа отступились; онъ ничего не дѣлаетъ, только пьетъ на чужой счетъ и въ обществѣ терпимъ, какъ «неизбѣжное зло»: въ жизнь «путнаго слова не сказалъ, лототалъ, да вралъ, что ни попало».

Что касается до *женскихъ* крестьянскихъ типовъ, то ихъ почти нѣтъ у Тургенева. Упоминается мимоходомъ жена Хоря, злая, сварливая старуха, которая съ печи не сходила,

ругалась вѣчно и невѣстокъ въ страхѣ Божіемъ содержала; да мельничиха, съ ея печальной судьбой: она была любимой горничной у барыни, но влюбилась, за что ея милаго отдали въ солдаты, а она была прогнана на скотный дворъ и выдана за мельника; а теперь грустить и вянетъ въ чахоткѣ.

Встрѣчается также мимоходомъ привлекательный образъ молодой дѣвушки («Свиданіе»), съ выраженіемъ лица «кроткимъ, грустнымъ, полнымъ дѣвственнаго недоумѣнія въ своей грусти, исполненной нѣжной преданности, покорности и даже «обожанія» къ любимому существу», въ которомъ однако она горько разачаровывается во время послѣдняго свиданія.

Рѣзко очерченныхъ типовъ послѣ крѣпостной Россіи у Тургенева нѣтъ, если не считать *Павла*, слугу Соломина, и жену его Татьяну. Этотъ Павелъ, умный, расторопный, бойкій, всегда все знаетъ и все можетъ и не даромъ заслужилъ эпитетъ «вездѣсущаго». «Такъ тебя глазами насквозь и нижетъ», говорилъ про него Неждановъ. Къ Соломину, котораго глубоко уважаетъ, онъ сильно привязанъ, преданъ всей душой, готовъ для него на все. Павелъ грамотенъ, книги читаетъ и сына своего обучаетъ въ школѣ. *Татьяна*, его жена, «настоящая русская женщина». Она опрятна, чисто одѣта, держитъ себя «степенно», умна. Къ мужу относится съ любовью и уваженіемъ: «вѣдь онъ у меня какой! книжки всякія читаетъ и все можетъ, какъ сейчасъ, руками развести». Видя пользу просвѣщенія на своемъ мужѣ, она признаетъ, что народъ нужно учить.

Дополнимъ характеристику крестьянскихъ типовъ двумя отрывками изъ «Стихотвореній въ прозѣ»:

ДВА БОГАЧА.

«Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на леченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ — я хвалю и умиляюсь. — Но, и хваля, и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту племянницу въ свой

разоренный домишко. — «Возьмемъ мы Катьку», — говорила баба, — «послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ, — не на что будетъ соли добыть, похлебку посолить»... — «А мы ее... и не соленую», — отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ. — Далеко Ротшильду до этого «мужика!»

„ПОВѢСИТЬ ЕГО!"

Главнокомандующій, не разобравъ, въ чемъ дѣло, приказываетъ повѣсить солдата-денщика, — честнаго и тихаго человѣка, котораго квартирная хозяйка обвиняетъ въ кражѣ куръ. «Ослушаться было невозможно.... Егора (солдата) тотчасъ схватили и повели на казнь. Тутъ онъ совсѣмъ помертвѣлъ — и только раза два съ трудомъ воскликнулъ: «батюшки! батюшки!» — а потомъ въ полголоса: «видитъ Богъ, не я!» Горько, горько заплакалъ онъ, прощаясь со мною. Я былъ въ отчаяніи. — «Егоръ! Егоръ!» — кричалъ я — «какъ же ты это ничего не сказалъ генералу!» — «Видитъ Богъ, не я», — повторялъ, всхлипывая, бѣднякъ. — Сама хозяйка ужаснулась. Она никакъ не ожидала такого страшнаго рѣшенія, и въ свою очередь разревѣлась! Начала умолять всѣхъ и каждаго о пощадѣ, увѣряла, что куры ея отыскались, что она сама готова все объяснить.... Разумѣется, все это ни къ чему не послужило. Военные, сударь, порядки! Дисциплина! — Хозяйка рыдала все громче и громче. Егоръ, котораго священникъ уже исповѣдалъ и причастилъ, обратился ко мнѣ: — «скажите ей, ваше благородіе, чтобы она не убивалась.... Вѣдь я ей простилъ».

Мой знакомый, повторивъ эти послѣднія слова своего слуги, прошепталъ: «Егорушка, голубчикъ, праведникъ!» — и слезы закапали по его старымъ щекамъ».

ТИПЫ ПОМѢЩИКОВЪ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ типовъ, сначала бросимъ на нихъ общій, бѣглый взглядъ. Перечитывая

произведенія Тургенева, имѣющія болѣе или менѣе близкое отношеніе къ помѣщикамъ, волей-неволей приходится прійти къ убѣжденію, что въ этой многочисленной галлереѣ лицъ и типовъ нѣтъ почти ни одного, на которомъ можно бы было остановиться, отдохнуть съ любовью: такъ мало утѣшительнаго въ этихъ типахъ! Да и самъ авторъ, несмотря на свое стремленіе къ объективности, правдивости, относится къ нимъ съ худо скрываемымъ чувствомъ негодованія, подчасъ даже отвращенія и злобы, что постоянно слышится въ самомъ тонѣ разсказа, часто грустномъ, но чаще исполненномъ ѣдкой, злой ироніи (почти нигдѣ не обращающейся въ добродушный смѣхъ), отчего и самыя произведенія, какъ это указано выше, скорѣе приближаются къ сатирамъ. Всматриваясь ближе, дѣйствительно, съ недоумѣніемъ останавливаешься передъ этой пестрой картиной—помѣщиковъ съ ихъ ужасающими нравами, развившимися подъ тяжелой атмосферой крѣпостничества.

Грубая необразованность, погоня за иностраннымъ, отсутствіе дѣятельности, эгоизмъ, жизнь выше средствъ изъ тщеславія, хлѣбосольство, не имѣющее предѣловъ, пиры на «весь міръ», собачьи своры, домашніе оркестры, дикія, нелѣпыя затѣи, стоящія огромныхъ денегъ, деспотизмъ, жестокое, безчеловѣчное обращеніе съ крестьянами,—изъ которыхъ, если не самъ помѣщикъ, то его управляющій высасываетъ всѣ соки,—страсть къ кутежамъ, цыганкамъ, оргіямъ и въ результатѣ: общее разореніе, продажа имѣній съ молотка и переходъ ихъ въ другія руки—вотъ общая картина помѣщичьихъ нравовъ въ эпоху крѣпостничества. Въ глазахъ Тургенева дворянство русское, послуживъ въ свое время отечеству и попировавъ на славу, сыграло уже свою роль.

Видно, что вопросъ о значеніи дворянства серьезно занималъ нашего поэта: въ своихъ произведеніяхъ, начиная съ «Записокъ Охотника» и кончая «Новью», онъ довольно основательно касается этого вопроса и, захватывая огромный промежутокъ времени,—отъ эпохи Екатерины II до семидесятыхъ годовъ нашего вѣка,—доказываетъ, что наше дворянство сходитъ съ русской исторической сцены: не ему, а

новой силѣ, *вышедшей изъ народа*, принадлежитъ первостепенное значеніе въ Россіи, не въ рукахъ дворянства лежитъ залогъ развитія и будущности русскаго народа.

Обратимся теперь къ частному обзору типовъ, *помѣщиковъ Екатерининскихъ временъ.* Передъ нами помѣщикъ *Колтовской* («Несчастная») — волтерьянецъ, французъ во всемъ; онъ не говоритъ по-русски и «презираетъ это грубое нарѣчіе», презираетъ и русскій народъ. Гордый, черствый, безсердечный эгоистъ, но вѣжливый въ обращеніи, даже съ прислугой, онъ въ глубинѣ души ко всѣмъ относится съ презрѣньемъ.—Не таковъ братъ его, *Семенъ Матвѣевичъ*, который говоритъ по-русски и любитъ все русское (онъ принадлежитъ уже къ началу александровской эпохи). Правда, что не во многомъ выражается эта любовь. По пріѣздѣ въ деревню, которая ему досталась послѣ брата, онъ призываетъ священника и поручаетъ ему освятить весь домъ, говоря, что «надо радикально выгнать волтерьянскій и якобинскій духъ». Уваженіе къ власти не мѣшаетъ однако ему стать въ оппозицію къ правительству, которое обошло его лентой. Онъ далеко не такъ уменъ и образованъ, какъ его братъ, но за то холодность брата замѣняется у него старческимъ сладострастіемъ.

Гораздо симпатичнѣе *Алексѣй Сергѣевичъ Телѣгинъ* («Старые портреты»); онъ ходитъ въ жабо и манжетахъ, съ тростью въ правой рукѣ и табакеркой въ лѣвой; и привѣтливъ онъ на екатерининскій манеръ. По добротѣ и словоохотливости Телѣгинъ держитъ цѣлый полкъ приживальщиковъ, съ сосѣдями не знается. Хотя онъ чудаковатъ, но душа у него «не изъ мелкихъ». Иногда любитъ пофилософствовать въ такомъ родѣ: «всякому человѣку предѣлъ положенъ», «выше неба не взлетишь», «подъ землею не уйдешь» и т. д. Съ крестьянами и дворовыми, которые его любятъ, Телѣгинъ обходится кротко и добрȯ творитъ не ради похвалы. «Русскій былъ человѣкъ во всемъ и говорилъ славнымъ русскимъ языкомъ, пересыпая любимыми словцами». Все военное не любилъ. Вполнѣ подходитъ къ нему жена его, красавица въ молодости, добрая, «глупая до святости», обожавшая своего супруга, мнительная,

любившая полакомиться и вѣрная мужу.—Не менѣе симпатичень и *бригадиръ* («Бригадиръ»), храбрый офицеръ екатерининскихъ временъ, съ его любовью, доходящей до самоотверженія, съ простотой и добротой безпредѣльной. Влюбившись во вдову, которая пользовалась отъ него всѣмъ, но замужъ за него не шла, онъ теряетъ честь, доброе имя и все состояніе, принявъ на себя вину ея—истязаніе двороваго. Послѣ ея смерти одряхлѣвшій бригадиръ живетъ Христа ради у какой-то дальней родственницы, послѣднія нѣсколько сотъ рублей тратитъ на памятникъ для *нея*, «своего единственнаго друга Агриппины Ивановны», и въ состояніи полуидіота оканчиваетъ свое жалкое существованіе.—Наконецъ, сюда же относится *Лучиновъ* отецъ («Три портрета»), служившій нѣкогда въ Петербургѣ при Елизаветѣ Петровнѣ, суровый, деспотичный, молчаливый старикъ, отличавшійся бережливостью, доходившей до скупости. Даже, умирая, онъ не мирится съ своей женой, съ которой полжизни не говорилъ ни слова, вслѣдствіе какой-то семейной исторіи. Сынъ его представляетъ разительный образецъ испорченности нравовъ тогдашняго великосвѣтскаго общества; но о немъ рѣчь впереди.—А вотъ забавы и времепрепровожденіе помѣщиковъ: *графъ Орловъ*, «привѣтливый и милостивый ко всѣмъ», задаетъ пиры на всю Москву, на конскихъ бѣгахъ гоняется, голубей турмановъ держитъ, или охоту устроитъ, на которую съѣзжаются со сворами охотники «чуть не со всего царства».

Не отстаетъ ни въ чемъ *новое поколѣніе* помѣщиковъ: оно забываетъ добрыя старыя привычки своихъ отцовъ, а въ стремленіи жить выше средствъ, барствовать, разорять въ конецъ крестьянина, въ праздной, лѣнивой жизни и т. д. даже превосходитъ ихъ. Вотъ *графъ Петръ Ильичъ*, балы на всю губернію задавалъ, своры собакъ, музыкантовъ 40 человѣкъ держалъ, любилъ «метресокъ изъ простаго званія» и хотя «не слѣдъ ему бы разоряться», но разорился—и умеръ въ номерѣ въ Петербургѣ. А сынъ его живетъ въ Москвѣ, мужиковъ огромной податью обложилъ, а у нихъ «ни земли, ни лѣсу нѣтъ». Посмотрите на несчастнаго *Полутыкина* онъ очень бѣденъ, но это не мѣшаетъ ему повара держать,

имѣть претензію на французскую кухню и завести «контору» съ двумя запущенными комнатами, въ которыя никто не заглядываетъ, кромѣ ея криваго сторожа. — Не лучше помѣщица *Линяева* («Контора»): хозяйство у ней запущено, бѣдно, но это не мѣшаетъ ей держать дворню въ 150 человѣкъ и контору съ главнымъ конторщикомъ плутомъ, который беретъ взятки съ купца и съ крестьянина, кассиромъ, управляющимъ изъ нѣмцевъ, особымъ сочинителемъ для приказовъ, которые исходятъ за №№.

А вотъ двѣ сцены, рисующія отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ: взгляните на помѣщицу, которая изъ простого каприза ссылаетъ на поселеніе молодаго парня:

«Проходя мимо рабочихъ (въ саду), бабушка своимъ орлинымъ окомъ тотчасъ замѣтила, что одинъ изъ нихъ и усердствовалъ меньше прочихъ, и шапку снялъ, какъ будто нехотя. Это былъ еще очень молодой парень съ испитымъ лицомъ и впалыми, тусклыми глазами. Нанковый кафтанъ, весь прорванный и заплатанный, едва держался на узкихъ его плечахъ.

— Кто это? спросила бабушка у Филиппыча, на цыпочкахъ выступавшаго за нею слѣдомъ.

— Вы... про кого... изволите... залепеталъ Филиппычъ.

— О, дуракъ! Я про этого говорю, что волкомъ на меня смотритъ. Вонъ, стоитъ—не работаетъ.

— Этотъ-съ! Да-съ.... Э... э... это Ермилъ, Павла Афанасьевича покойнаго сынокъ....

— Ага! промолвила бабушка; яблоко, видно, не далеко отъ яблони падаетъ. Ну, придется распорядиться и съ этимъ. Мнѣ такихъ, что изъ-подлобья смотрятъ, — не надобно.

Бабушка вернулась домой—и распорядилась. Часа черезъ три, Ермила, совершенно «снаряженнаго», привели подъ окна ея кабинета Несчастный мальчикъ отправлялся на поселеніе; за оградой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, виднѣлась крестьянская телѣжка, нагруженная его бѣднымъ скарбомъ. Такія были тогда времена!—Ермилъ стоялъ безъ шапки, понуривъ голову, босой, закинувъ за спину связанные веревочкой сапоги; лицо его, обращенное къ барскому

дому, не выражало ни отчаянія, ни скорби, ни даже изумленія; тупая усмѣшка застыла на безцвѣтныхъ губахъ; глаза сухіе, съеженные, глядѣли упорно въ землю. Бабушкѣ доложили о немъ. Она встала съ дивана, подошла, чуть шумя шелковымъ платьемъ, къ окну кабинета, и, приложивъ къ переносицѣ золотой двойной лорнетъ, посмотрѣла на новаго ссыльнаго...

... — Чего жъ Ермилка ждетъ? прибавила она, снова глянувъ въ окно.—Я его осмотрѣла. Ну, чего еще? Бабушка махнула платкомъ въ направленіи окна, какъ бы прогоняя докучливую муху. Потомъ сѣла на кресло и, обернувшись къ намъ, промолвила угрюмо: «ступайте всѣ люди вонъ!»

Взгляните и на добренькаго, пухленькаго *Мардарія Аполоновича* («Два помѣщика»), который, «любяй» какъ отецъ, наказуетъ чадъ своихъ, по его понятіямъ, впрочемъ, на людей не похожихъ:

«Мы остались на балконѣ. Вечеръ былъ, дѣйствительно, необыкновенно хорошъ. Намъ подали чай.—«Скажите-ка», началъ я,—«Мардарій Аполлоновичъ: ваши это дворы выселены, вонъ тамъ, на дорогѣ, за оврагомъ?» — «Мои... а что?»— Какъ же это вы, Мардарій Аполоновичъ? Вѣдь это грѣшно. Избенки отведены мужикамъ скверныя, тѣсныя, деревца кругомъ не увидишь; сажелки даже нѣтъ; колодезь одинъ, да и тотъ никуда не годится. Неужели вы другаго мѣста найти не могли?... И, говорятъ, вы у нихъ даже старые конопляники отняли?»—«А что будешь дѣлать съ размежеваньемъ?» отвѣчалъ мнѣ Мардарій Аполлоновичъ.— У меня это размежеваніе вотъ гдѣ сидитъ (онъ указалъ на свой затылокъ). И никакой пользы я отъ этого размежеванія не предвижу. А что я конопляники у нихъ отнялъ и сажелки, что ли, тамъ у нихъ не выкопалъ,—ужъ про это, батюшка, я самъ знаю, я человѣкъ простой, — по старому поступаю. По-моему: коли баринъ—такъ баринъ, а коли мужикъ—мужикъ... вотъ что». На такой ясный и убѣдительный доводъ отвѣчать, разумѣется, было нечего.—«Да притомъ», — продолжалъ онъ: — и мужики-то плохіе, опальные. Особенно тамъ двѣ семьи; еще батюшка покойный,

дай Богъ ему царство небесное, ихъ не жаловалъ, больно не жаловалъ. А у меня, скажу вамъ, такая примѣта: коли отецъ воръ — то и сынъ воръ, ужъ какъ тамъ хотите . . . О, кровь, кровь — великое дѣло!» Между тѣмъ воздухъ затихъ совершенно. Лишь изрѣдка вѣтеръ набѣгалъ струями и, въ послѣдній разъ замирая около дома, донесъ до нашего слуха звукъ мѣрныхъ и частыхъ ударовъ, раздававшихся въ направленіи конюшни. Мардарій Аполлоновичъ только что поднесъ къ губамъ налитое блюдечко и уже расширилъ было ноздри, безъ чего, какъ извѣстно, ни одинъ коренной русакъ не втягиваетъ въ себя чая,—но остановился, прислушался, кивнулъ головой, хлебнулъ и, ставя блюдечко на столъ, произнесъ съ добрѣйшей улыбкой и какъ бы невольно вторя ударамъ: «Чюки-чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ!» — «Что это такое»? — спросилъ я съ изумленіемъ.—«А тамъ, по моему приказу, шалунишку наказываютъ... Васю буфетчика изволите знать?»—«Какого Васю?»—«Да вотъ, что намедни за обѣдомъ намъ служилъ. Еще съ такими большими бакенбардами ходитъ». Самое лютое негодованіе не устояло бы противъ яснаго и кроткаго взора Мардарія Аполлоновича.—«Что вы, молодой человѣкъ, что вы?» заговорилъ онъ, качая головой. «Что я, злодѣй, что ли, что вы на меня такъ уставились? *Любяй*, да наказуетъ: вы сами знаете» *).

Впрочемъ, не надъ одними крестьянами совершается подобная экзекуція. Вотъ одинъ богатый помѣщикъ, силой отнявъ землю у своего сосѣда бѣдняка, схватываетъ его и сѣчетъ подъ окнами, чтобы тотъ жаловаться не смѣлъ, а самъ у окна сидитъ, и жена тутъ же смотритъ.

Но чѣмъ занимаются эти помѣщики? куда уходятъ ихъ силы?—Увы, они ничего не дѣлаютъ и *не могутъ* ничѣмъ заниматься; вы не найдете здѣсь ни малѣйшаго проблеска умственной жизни. Но совсѣмъ ничего не дѣлать нельзя, и вотъ они находятъ себѣ соотвѣтствующее ихъ понятіямъ вре-

---

*) Мы приводимъ это мѣсто между прочимъ, какъ образецъ весьма рѣдкаго проявленія юмора у Тургенева.

мяпрепровожденіе. Взбалмошный и пьяный *Комовъ* («Однодворецъ Овсянниковъ») любитъ угощать сосѣдей, для чего и тройки наготовѣ держитъ: «дѣвокъ вовсе замучилъ совсѣмъ, до утра хоромъ поютъ». И вдругъ среди вихря такого веселья онъ загорюетъ: «сирота я сиротливая!» Какъ ни смѣшно, а въ этихъ словахъ есть своего рода предчувствіе: онъ скоро станетъ полной сиротой,—ни съ чѣмъ.—Безпечный и добрый *Петръ Петровичъ*—«забубенная голова» («Петръ Петровичъ Каратаевъ»), мужиковъ разорилъ, имѣнье съ аукціона ушло, а довела его до разоренья страсть къ гончимъ, кутежамъ и цыганкамъ. Каратаевъ радъ бы служить, да боится отвѣтственности, знаетъ свою слабую натуру.—За то *Викторъ Хкопаковъ* («Ледянь») нашелъ себѣ дѣло: онъ давно уже промоталъ свое имѣнье и теперь усердно посѣщаетъ ярмарки и выборы, гдѣ поддѣлывается къ богатымъ петербургскимъ шалунамъ, которые сорятъ деньгами и набираютъ себѣ льстивыхъ собутыльниковъ.—Но самый разительный въ этомъ отношеніи типъ представляетъ *Чертопхановъ* («Чертопхановъ и Недопюскинъ»); мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что Тургеневъ объясняетъ намъ происхожденіе этого типа. «Лицо, взглядъ, движенія этого человѣка дышали сумасбродной отвагой, гордостью непомѣрной. Его стеклянные глаза разбѣгались, какъ у пьянаго; онъ судорожно вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ». Въ околоткѣ Чертопхановъ считается человѣкомъ «опаснымъ, сумасброднымъ, забіякой». Онъ не образованъ, ничѣмъ, кромѣ охоты, не занимается; у него страсть къ собакамъ (съ какимъ бѣшенымъ увлеченіемъ, съ оттѣнкомъ кровожадности, задыхаясь, захлебываясь, онъ преслѣдуетъ добычу), лошадямъ, кутежамъ и цыганкамъ. Но въ то же время это «по своему великая душа». «Несправедливости, притѣсненія вчужѣ не выноситъ» этотъ смѣлый, гордый, самолюбивый и горячій человѣкъ. Вотъ какое странное соединеніе возвышенныхъ и мелкихъ чертъ представляетъ этотъ типъ; но всмотритесь въ его воспитаніе, и онъ сдѣлается для васъ понятнымъ. Дѣдъ,—пышная жизнь, пиры, музыканты, охота; отецъ, получающій разоренное имѣніе,—безумныя предпріятія, залогъ имѣнія и окончательное разо-

реніе. Съ другой стороны—гувернеръ, французъ изъ солдатъ, балованное, барское воспитаніе, служба въ Петербургѣ—смерть отца; пріѣздъ въ деревню и неожиданная бѣдность. Чертопхановъ дѣлается озлобленнымъ, уединяется, дичаетъ (ибо бѣдныхъ гнушается, а богатыхъ стыдится), становится дерзокъ въ обращеніи, исполняется гордости, не знающей предѣловъ.—Не всѣ, однако, помѣщики расточаютъ свои имѣнія; есть между ними и такіе, какъ отставной генералъ-маіоръ *Хвалынскій* («Два помѣщика»), плохой хозяинъ, скупой и хлопотунъ, «жила страшная» (изъ скупости онъ отъ должности предводителя отказывается); да радушный хлѣбосолъ *Ипатовъ* («Затишье»), который, Богъ знаетъ какимъ образомъ, никому не былъ долженъ и имѣніе свое привелъ въ порядокъ. Но это исключенія.

Среди помѣщиковъ есть и *образованные*, побывавшіе въ университетахъ и за границей. Одинъ изъ нихъ—*Любозвоновъ* («Однодворецъ Овсянниковъ») ходитъ въ русскомъ костюмѣ и разсказываетъ: «все русское люблю и кровь во мнѣ русская», а въ «собственной вотчинѣ точно чужой»; другой говоритъ такъ складно, «что душа умиляется, а дѣла настоящаго не смыслитъ», держитъ рѣчи о благѣ крестьянъ, а самъ не отдаетъ имъ даже клокъ ненужной ему болотной земли. — Либеральный на словахъ *Звѣрковъ* («Ермолай и Мельничиха») оказывается бездушнымъ въ отношеніи къ крестьянамъ.—«Отлично воспитанный» *Пѣночкинъ* («Бурмистръ»), «человѣкъ разсудительный и положительный», съ успѣхомъ ведетъ свое хозяйство, въ которомъ мало понимаетъ. Онъ наказываетъ крестьянъ, не возвышая голосъ, свою жестокость и грубый эгоизмъ прикрываетъ приличіемъ, французской фразой. Зная, что у крестьянъ почти земли нѣтъ, Пѣночкинъ деретъ съ нихъ послѣднюю шкуру посредствомъ негодяя, бездушнаго, какъ онъ самъ, бурмистра, который лестью и подобострастіемъ «объѣхалъ» своего барина».

Не будемъ останавливаться на мягкихъ, безличныхъ, лѣнивыхъ Недопюскиныхъ, Бодряковыхъ, на озлобленникахъ Пигасовыхъ, Лупихиныхъ, ругающихъ все и вся, вслѣд-

ствіе собственной неудачи въ жизни, и перейдемъ къ *положительнымъ* «лучшимъ представителямъ дворянства», братьямъ *Кирсановымъ* («Отцы и дѣти»). Николай Петровичъ, человѣкъ неглупый, образованный (онъ кончилъ курсъ въ университетѣ), «доступный эстетическимъ наслажденіямъ», добрый, мягкій, благородный, безъ барской спеси, сословныхъ предразсудковъ, но, несмотря на это, все-таки баринъ, бѣлоручка, непривыкшій къ труду, непрактичный. Въ другомъ родѣ братъ его Павелъ Кирсановъ, воспитывавшійся въ пажескомъ корпусѣ, славившійся своей красотой. Умный, съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства. онъ былъ аристократъ и баринъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, но «съ щегольски сухой и страстной, на французскій ладъ мизантропической душой». Весь обликъ его, «изящный, породистый, носилъ юношескую стройность, стремленіе вверхъ, прочь отъ земли». Безукоризненно честный, благородный, Павелъ Петровичъ отличался сдержанностью, приличіемъ, изысканной вѣжливостью. Читалъ иностранные журналы; ко всему русскому, какъ истый англоманъ, относился съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Хозяйство, которымъ завѣдуетъ Николай Петровичъ, идетъ у нихъ «изъ рукъ вонъ плохо», потому что оба они въ немъ толку не смыслятъ: рабочіе отъ рукъ отбиваются, а на имѣніи накопляются долги, и дѣла съ каждымъ годомъ становятся хуже. Въ умственномъ отношеніи оба брата значительно отстали отъ вѣка.—Въ такомъ же родѣ помѣщики Лежневъ и Волынцевъ («Рудинъ»).

Въ «Нови» мы встрѣчаемся съ двумя новыми типами помѣщиковъ. Одинъ изъ нихъ—помѣщикъ *промышленникъ*—Сипягинъ заводитъ у себя писчебумажную фабрику, которая, несмотря на внѣшній порядокъ, идетъ очень плохо, убытки приноситъ, вслѣдствіе того, что онъ не понимаетъ ничего въ этомъ дѣлѣ. Другой—Калломѣйцевъ принадлежитъ къ новому типу «помѣщиковъ *ростовщиковъ*», «которые заводятъ кабаки, да промѣнныя лавки, да ссужаютъ мужиковъ хлѣбомъ и деньгами за сто и за полтораста процентовъ». Калломѣйцевъ былъ тѣмъ безчеловѣчнѣе въ своихъ отно-

шеніяхъ съ простыми людьми, что «лично съ крестьянами дѣла никогда не имѣлъ:—не допускать же ихъ въ свой раздушенный европейскій кабинетъ,—а вѣдался съ ними черезъ приказчика».

Въ «Отцахъ и дѣтяхъ» Тургеневъ вооружается противъ дворянъ, какъ передоваго класса, а въ «Нови» указываетъ на неспособность ихъ ни къ какимъ «правильнымъ» финансовымъ операціямъ и даже устами Соломина объясняетъ причину этого явленія: «промышленныя заведенія не дворянское дѣло» — говоритъ онъ — дворяне не привыкли къ этого рода дѣятельности.—Тутъ нуженъ коммерческій разсчетъ, тутъ все надо поставить на другую ногу; выдержка нужна. Дворяне этого не соображаютъ». А почему? Потому что дворяне тѣ же *чиновники:* «всякій чиновникъ—чужакъ и былъ всегда такимъ, а дворянинъ теперь *сталъ* чужакомъ». Та же печальная участь ожидаетъ и земли дворянъ: лѣтъ черезъ двадцать всѣ онѣ перейдутъ въ другія руки, «вѣроятно, большею частью къ купцамъ». Такимъ образомъ, по мнѣнію Тургенева, наше дворянство ожидаетъ весьма незавидная участь. Въ этомъ отношеніи весьма недурнымъ олицетвореніемъ дворянства служитъ «Степной король Лиръ», съ его трагической судьбой, соединяющій въ своемъ образѣ положительныя и отрицательныя черты дворянскаго сословія.

Настоящей и полной симпатіей автора пользуется только одинъ типъ, а именно, однодворецъ *Овсянниковъ*. Достоинство и сила его заключаются въ томъ, что онъ свободенъ отъ привычекъ и замашекъ барства; не гонится за ними и въ то же время, по образу жизни, занятіямъ и т. д. весьма близокъ къ народу. Онъ живетъ на старинный ладъ, уважаетъ старину, но это не мѣшаетъ ему видѣть хорошее и въ новомъ, даже надѣяться на лучшія времена. Его отношеніе къ народу высоко христіанское, за то его уважаютъ кругомъ; жена Овсянникова слыветъ «матушкой благодѣтельницей». Словомъ, это положительный «*ура вновпъшенный*» русскій человѣкъ, чертами характера напоминающій бояръ допетровскаго времени.

Что касается до *женскихъ* типовъ, то тѣ изъ нихъ, которыя не возвышаются надъ обыкновенной посредственностью,

такъ же, какъ помѣщики, не отличаются особенно симпатичными чертами. Круглое невѣжество, пустота, отсутствіе простыхъ манеръ, неестественность, ломанье, страсть къ сплетнямъ и нарядамъ—вотъ всѣ ихъ незавидныя свойства.

Но надъ этой посредственностью возвышается типъ *умной, властной* женщины. Сюда относятся двѣ сестры Анна и Евлампія («Степной король Лиръ»). Обѣ онѣ отличаются твердой волей, самообладаніемъ, энергіей и гордостью, холодной и въ то же время страстной натурой, не выносятъ деспотизма, девизъ ихъ жизни—власть. *Евлампія* достигла своей цѣли: послѣ смерти отца, она отдаетъ свою часть наслѣдства сестрѣ, уходитъ изъ дому и, неизвѣстно какимъ образомъ, дѣлается «богородицею» у хлыстовъ. Вотъ какъ описываетъ ее Тургеневъ, встрѣтившись съ ней случайно недалеко отъ скита: «Особенно измѣнилось выраженіе этого лица! Трудно передать словами, до чего оно стало самоувѣренно, строго и горделиво! Не простымъ спокойствіемъ власти—пресыщеніемъ власти дышала каждая черта; въ небрежномъ взорѣ, который она на меня уронила, сказывалась давнишняя, застарѣлая привычка встрѣчать одну благоговѣйную, безотвѣтную покорность. Эта женщина, очевидно, жила окруженная не поклонниками, а рабами». И сестра ея *Анна*—выдающаяся личность, но умъ и воля ея направлены въ дурную сторону: хитрая, злая и коварная—эта женщина съ поразительною ловкостью достигаетъ своихъ цѣлей. Вмѣстѣ съ мужемъ она выгоняетъ изъ дома своего отца, а потомъ сживаетъ со свѣта и мужа. Отличная хозяйка, необыкновенно практичная, она безъ всякой помощи превосходно устраиваетъ свои дѣла. Вотъ что говорятъ о ней сосѣди помѣщики: «умная баба, продувная шельма, скряга! Возведи ее на тронъ—та же Семирамида, или Екатерина II! Повиновенье крестьянъ — образцовое! Воспитанье дѣтей—образцовое! Голова! Мозги!»

Выдѣляются также двѣ женскія фигуры—простыя, необразованныя, но съ здравымъ смысломъ, «мыслящія свободно», добрыя, теплыя существа, избѣгающія сплетенъ и потому одинокія и слывущія чудачками—старушки *Татьяна Борисовна* («Татьяна Борисовна и ея племянникъ») и *Марѳа Тимо-*

фьевна («Дворянское гнѣздо»), которая была грубовата на видъ, но съ мягкой, любящей душой и говорила всѣмъ правду въ глаза.—Привлекательны своей искренностью, непосредственностью, глубиной и силой чувства степныя дѣвушки—*Марья Павловна* («Затишье») и *Вѣрочка* («Два пріятеля»); но выше ихъ—глубоко религіозная *Софья»* («Странная исторія»). Никогда не улыбавшееся, съ неподвижными чертами, лицо этой дѣвушки производило странное впечатлѣніе, носило «что-то болѣзненно загадочное»; на всемъ существѣ ея лежалъ «особый отпечатокъ», и дѣйствительно, Софья уже давно занята рѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ, такъ что у ней были свои «незыблемыя убѣжденія»: начало вѣры, по ея мнѣнію,—самоотверженіе, уничиженіе. «Гордость человѣческую, высокомѣріе — гордыню надо искоренить до тла, волю надо сломить». Софьѣ нуженъ наставникъ, учитель, который бы *на дѣлѣ* показалъ, какъ нужно жертвовать собой. И она нашла его, доказала, что слова у ней «не разошлись съ дѣломъ»: она бросаетъ домъ, семью, родныхъ и идетъ «вослѣдъ юродивому, чтобы сдѣлаться его прислужницей».—«Я не осуждалъ ее»—замѣчаетъ авторъ,—«какъ не осуждалъ впослѣдствіи и другихъ дѣвушекъ, также пожертвовавшихъ всѣмъ, что *онѣ* считали правдой, въ чемъ *онѣ* видѣли свое призваніе... Да, она заставила топтать, попирать себя ногами!» «Недаромъ она говорила мнѣ о самоотверженіи, объ уничиженіи: у ней слово не расходилось съ дѣломъ».

Наконецъ, между помѣщицами есть одна *эманципированная:* она куритъ папироски, страшно ломается, мало образована, но за то любительница иностранныхъ словъ. Мы говоримъ о развязной и бойкой вдовушкѣ—*Софьѣ Кириловнѣ* («Два пріятеля»).

РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ.

Тургеневъ любилъ молодежь, понималъ ее и ко всему высокому, благородному, даже къ ошибкамъ молодежи относился всегда съ самымъ теплымъ участіемъ. Вспомнимъ, что въ «Нови», написанной уже въ то время, когда «вечернія тѣни» окружали маститую фигуру нашего поэта, сочувствіе его мо-

лодежи и пониманіе ея остаются все тѣми же, какъ и въ первыхъ его произведеніяхъ,—до такой степени сохранилась въ немъ свѣжесть юношескихъ впечатлѣній. Сколько превосходныхъ мѣстъ въ повѣстяхъ и романахъ Тургенева посвящено этой лучшей порѣ нашей жизни! Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ:

«Вы представьте: сошлись человѣкъ пять, шесть мальчиковъ, одна сальная свѣча горитъ, чай подается прескверный, и сухари къ нему старые, престарые; а посмотрѣли бы на всѣ наши лица, послушали бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ, и щеки пылаютъ, и сердце бьется, и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи,—говоримъ мы иногда вздоръ, восхищаемся пустяками; но что за бѣда!»... «А ночь летитъ тихо и плавно, какъ на крыльяхъ. Вотъ ужъ и утро сѣрѣетъ, и мы расходимся, тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у насъ и въ поминѣ тогда не было), съ какой-то пріятной усталостью въ душѣ... и даже на звѣзды какъ-то довѣрчиво глядишь, словно онѣ и ближе стали и понятнѣе... Эхъ! славное было время тогда, и не хочу я вѣрить, чтобы оно прошло даромъ! Да оно и не пропало, — не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошлила потомъ» *)...

Какъ глубоко понималъ Тургеневъ эту молодость со всѣми «тайнами» ея прелести, свидѣтельствуютъ слѣдующія строки: «О, молодость, молодость! тебѣ нѣтъ ни до чего дѣла, ты какъ будто обладаешь всѣми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тѣшитъ, даже печаль тебѣ къ лицу, ты самоувѣренна и дерзка, ты говоришь: я одна живу—смотрите! а у самой дни бѣгутъ и исчезаютъ безъ слѣда и безъ счета, и все въ тебѣ исчезаетъ, какъ воскъ на солнцѣ, какъ снѣгъ... И можетъ быть, вся тайна твоей прелести состоитъ не въ возможности все сдѣлать—а въ возможности думать, что ты все сдѣлаешь—состоитъ именно въ томъ, что ты пускаешь по вѣтру силы, которыя ни на что другое употребить не умѣла,—въ томъ, что каждый изъ насъ не шутя считаетъ себя расточителемъ, не шутя полагаетъ, что онъ въ правѣ сказать: О, что бъ я

*) Т. IV, стр. 411 и 412.

сдѣлалъ, еслибъ не потерялъ времени даромъ!» *). Можетъ быть, сочувствіе это должно быть объяснено главнымъ образомъ тѣмъ, что лучшія воспоминанія Тургенева, лучшія минуты относятся именно къ юношеской порѣ его жизни.

Въ своихъ произведеніяхъ, имѣющихъ отношеніе къ молодежи, Тургеневъ постоянно возстаетъ противъ неискренности, фальши, отсутствія высокихъ стремленій, противъ практицизма и пошлости въ молодомъ поколѣніи. Съ цѣлью поученія выставленъ имъ цѣлый рядъ типовъ, то ограниченныхъ эгоистовъ, то самолюбивыхъ до болѣзни, то отличающихся великимъ самомнѣніемъ и не искреннихъ, то погрязшихъ въ тинѣ и пошлости окружающей ихъ жизни. Вспомнимъ *Лучкова* (Бреттеръ»), который разыгрывалъ изъ себя мрачнаго, разочарованнаго человѣка и слылъ между офицерами, отъ которыхъ онъ держался въ сторонѣ, не возбуждая ничьего сочувствія, «за отчаяннаго дуэлиста»; этотъ человѣкъ ко всѣмъ приставалъ, надоѣдалъ, напрашивался на ссору». Онъ относится къ людямъ съ напускной презрительностью, любитъ порисоваться, а въ сущности—это грубый, ограниченный эгоистъ. Сколько фальши и рисовки въ его отношеніяхъ къ пріятелю-романтику, тоже довольно ограниченному, но доброму Кистеру, въ неудачной любви къ Машѣ, въ объясненіи передъ дуэлью и т. д. Какая жестокая, самолюбивая душа открывается передъ нами!—То же самолюбіе и ограниченность представляетъ самоувѣренный офицеръ Асановъ («Яковъ Пасынковъ»), человѣкъ съ весьма мелкими чувствами.—Въ сущности такой же, только съ оттѣнкомъ напускнаго фатализма—поручикъ *Тѣглевъ* («Стукъ... стукъ»). Съ товарищами, которые его не любили, онъ не водился, но пользовался уваженіемъ: «не за его характеръ, умъ и образованность, а потому что признавали въ немъ ту особенную печать, которою отмѣчены фатальные люди... Тѣглевъ возьметъ, да вдругъ выйдетъ въ Наполеоны—это среди товарищей не считалось невозможнымъ, потому что тутъ дѣйствуетъ «звѣзда» и самъ онъ человѣкъ съ предопредѣленіемъ». Тѣглевъ вѣритъ въ свою «звѣзду», а само-

*) Т. VI, стр. 386.

любіе заставляетъ его окружать себя таинственностью въ глазахъ другихъ совершать безразсуднѣйшіе и опасные, но ни для кого ненужные подвиги. Если снять съ него покровъ «напускной фатальности», то останется добрый, въ сущности простосердечный человѣкъ, суевѣрный, съ болѣзненно развитымъ чувствомъ самолюбія. Тѣглевъ гибнетъ жертвою своихъ нравственныхъ недостатковъ, и гибель его не внушаетъ намъ никакого чувства, кромѣ сожалѣнія, подобно тому, какъ картина постепеннаго паденія поручика Пѣтушкова, влюбившагося въ булочницу и кончившаго жизнь свою въ грязномъ чуланѣ.

Затѣмъ слѣдуютъ молодые люди «*практики*», приличные, сдержанные, разсудительные, цѣль которыхъ—выгодная женитьба, служебная карьера и умноженіе доходовъ. Холодные въ душѣ, съ мелкими чувствами, они любятъ только себя самихъ. Вотъ *Астаховъ* («Затишье»), олицетворенное приличіе, «джентльменъ» съ виду,—онъ любитъ все въ мѣру, не прочь порисоваться и помышляетъ о выгодномъ бракѣ. Попытавшись осторожно на двухъ-трехъ поприщахъ, онъ рѣшилъ «взглянуть на жизнь съ практической точки зрѣнія и посвятить досугъ умноженію доходовъ». За то какая мелкая душа у этого «джентльмена», какъ ничтоженъ онъ передъ пылкимъ и благороднымъ Веретьевымъ!—Еще блестящѣе на видъ *Паншинъ* («Дворян. гнѣздо»), молодой человѣкъ, чиновникъ изъ Петербурга, «подававшій большія надежды». Во всемъ, что касается внѣшности, гостиной, блеска, онъ истинный мастеръ: говоритъ на трехъ языкахъ, играетъ, поетъ, сочиняетъ стихи, кладетъ ихъ на музыку, ѣздитъ прекрасно верхомъ; однимъ словомъ, что касается лоску, фразы, шарканья въ гостиной—здѣсь онъ первый. Въ его самоувѣренной манерѣ держать себя сказывалась привычка нравиться всѣмъ, увѣренность въ своемъ умѣ и проницательности. Паншинъ умѣетъ держать себя прилично случаю и времени: «пріятно повертѣться», «кстати удалиться», въ обществѣ быть развязнымъ, забавнымъ; гдѣ нужно—быть почтительнымъ, гдѣ можно—дерзкимъ; словомъ, онъ «постигъ тайну свѣтской науки». Въ душѣ,—это холодный, хитрый эгоистъ.—Несравненно выше стоитъ молодой, красивый

чиновникъ *Фустовъ* («Несчастная»). «Все въ немъ было привлекательно, миловидно, симпатично». Отличаясь ровнымъ, сдержаннымъ, но привѣтливымъ нравомъ, онъ былъ всегда всѣмъ доволенъ, такъ что жизнь его «текла какъ по маслу». Его девизъ—девизъ чиновника,—«не забывай себя, не волнуйся, умѣренно трудись». Отсутствіе глубины чувства сказывается въ душевномъ состояніи при потерѣ любимой дѣвушки.—Наконецъ, такого же въ сущности формалиста, но болѣе образованнаго и дѣльнаго представляетъ *Курнатовскій* («Наканунѣ»), оберъ-секретарь при сенатѣ и правовѣдъ. Онъ держитъ себя просто, «ходитъ, ѣстъ, говоритъ, точно дѣло дѣлаетъ». Въ немъ есть «что-то тупое, желѣзное, но въ то же время честное»; онъ трудолюбивъ и способенъ, пожалуй, на самопожертвованіе; съ другой стороны деспотизмъ и нѣкоторая жестокость, непониманіе настоящаго значенія науки, практичность—все это приближаетъ его къ типу людей, суть жизни которыхъ заключается въ «служебной честности и дѣятельности безъ содержанія».—То же практическое направленіе, только въ крайней формѣ, сказывается въ отвратительной фигурѣ приживальщика, грязнаго въ душѣ, развратнаго сладострастника, снаружи изящнаго *Пандалевскаго* («Рудинъ») и въ нагломъ, безчестномъ и развратномъ 18-ти лѣтнемъ юношѣ *Ратчъ* («Несчастная»).

Переходя къ третьей группѣ молодыхъ людей, изображаемыхъ Тургеневымъ, такъ называемыхъ «*добрыхъ малыхъ*», слѣдуетъ помнить, что всѣ они честные, искренніе, съ идеалами, теплые, сочувствующіе, но у нихъ не хватаетъ силъ стать выше окружающей ихъ пошлости: у нихъ мало воли, мало знаній, мало энергіи, отчего многіе такъ печально оканчиваютъ свою жизнь. Довольно яркимъ выразителемъ этого типа является умный, способный *Веретьевъ*. Въ его благородствѣ, смѣлости, въ его широкой «размашистой, ухорской натурѣ», находившей себѣ выходъ въ кутежахъ, сказываются достоинства и недостатки, свойственные многимъ молодымъ людямъ. Онъ облѣнился, не знаетъ, какъ убить время; возвышенные интересы его такъ слабы, что онъ ...пенно падаетъ и въ концѣ концовъ погибаетъ. Въ

то же время онъ самъ сознаетъ, что похожъ на «разбитую клячу», что жизнь его прожита «нелѣпо», «даромъ», «пошло»; но у него нѣтъ силъ подняться; даже вліяніе любимой женщины оказывается въ этомъ отношеніи безсильнымъ, и онъ гибнетъ отъ пьянства.—*Санинъ*—герой «Вешнихъ водъ» такъ симпатично обрисованъ у Тургенева, что нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что этотъ молодой человѣкъ носитъ въ себѣ отпечатокъ души самого автора. «Простодушно веселое, довѣрчивое, откровенное выраженіе лица, голосъ съ пришепеткой, улыбка, какъ у ребенка, и мягкость... мягкость .. мягкость... вотъ вамъ весь Санинъ». Но этотъ добрый, честный Санинъ нерѣшителенъ, лѣнивъ, воля у него совсѣмъ слабая, такъ что все въ его жизни зависитъ только отъ порывовъ, то благородно-рыцарскихъ, то — отчаянія. Благодаря этимъ свойствамъ характера, онъ самъ разбиваетъ свою жизнь. Разочаровавшись сначала въ себѣ самомъ, а потомъ въ людяхъ, Санинъ оканчиваетъ пессимизмомъ.—Печальна также судьба *Потугина*, умнаго, образованнаго «западника». Благородная душа, способный къ самопожертвованію, этотъ добрякъ вслѣдствіе слабоволія дѣлается рабомъ женщины, которая не раздѣляетъ его любви. Почти такой же лѣнивый флегматичный *Полозовъ*, мужъ богатой, красивой женщины, ея ширма и слуга, который проводитъ время въ ѣдѣ и спаньѣ.

Чрезвычайно привлекательны у Тургенева типы студентовъ: прекрасный и благородный, но мало способный, *Авениръ Сорокоумовъ*, съ кроткой улыбкой и восторженнымъ взглядомъ, съ искреннею любовью къ людямъ, съ благороднымъ сочувствіемъ ко всему доброму, прекрасному, не знавшій ни зависти, ни самолюбія, безкорыстно жертвовавшій собой для другихъ; честный, прямой, увлекающійся, но нѣсколько лѣнивый и самоувѣренный *Басистовъ* и, наконецъ, избалованный баричъ, но добрый и честный *Аркадій Кирсановъ*, которому привычки барства мѣшаютъ заниматься наукой. Не таковъ *Берсеневъ*: онъ преданъ наукѣ со всею силой юношескаго увлеченія. Воспитанный на началахъ добра и долга, онъ признаетъ «соединяющія людей» понятія: искусство, родину, науку, свободу, справедливость, и ставитъ ихъ

выше счастья. Любовь, по его понятіямъ, должна быть жертвой, назначеніе человѣка «поставить себя нумеромъ вторымъ». Онъ такъ же, какъ отецъ, посвятилъ себя наукѣ, мечтаетъ уѣхать за границу и потомъ сдѣлаться профессоромъ. Всѣ средства для этой дѣятельности ему даны: онъ уменъ, начитанъ, трудится не порывами, какъ это бываетъ у насъ, русскихъ, но въ мѣру и постоянно. «Мы съ тобой не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы»,— говорилъ ему отецъ—«мы даже не мученики—мы труженики, труженики и труженики».

Изъ писемъ Тургенева мы уже познакомились съ воззрѣніями его на русскихъ художниковъ и искусство. Въ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ два типа художниковъ. Одни отличаются бездарностью, необразованы, но думаютъ очень много о своемъ талантѣ. Въ такомъ родѣ *племянникъ Татьяны Борисовны*, небрежно молодцоватый и неряшливый на видъ молодой человѣкъ. Способности его заурядны, онъ круглый невѣжда, ничего не дѣлаетъ и только ожидаетъ «минуты вдохновенія». Другіе талантливы, но имъ недостаетъ усидчивости, труда, эрудиціи, знаній. Они слишкомъ много надѣются на свои силы, работаютъ нервно, порывами и въ концѣ концовъ изъ нихъ не выходитъ ничего серьезнаго. Такимъ именно представляется талантливый, умный *Шубинъ*. Любовь, красоту и счастье онъ понимаетъ эгоистически въ духѣ древнихъ грековъ и въ этомъ отношеніи приближается къ эпикурейцамъ. Шубинъ рвется въ Италію: «тамъ солнце, тамъ красота»; ему противны родные народные образы,— «исчадіе запуганной, холодной фантазіи, эти образы, рожденные въ духотѣ избы во830 мракѣ зимнихъ ночей», а самъ почти ничего не дѣлаетъ — уже истратилъ деньги, которыя получилъ на поѣздку за границу. Недаромъ ему говоритъ Берсеневъ: «ты поѣдешь въ Италію и ничего не сдѣлаешь. Будешь все только крыльями размахивать и не полетишь!» И Берсеневъ правъ: несмотря на свою талантливость, Шубинъ неспособенъ къ усидчивому серьезному труду, и блестящее его остроуміе плохо скрываетъ его скудное образованіе.

Перейдемъ теперь къ четвертой группѣ молодыхъ людей—

политическимъ дѣятелямъ, изображеннымъ у Тургенева въ двухъ романахъ: «Дымѣ» и «Нови». На общемъ характерѣ лицъ, выведенныхъ въ каждомъ изъ этихъ произведеній, лежитъ печать рѣзкой противоположности. Отличительныя черты молодыхъ людей, выведенныхъ въ «Дымѣ» — бездарность, самомнѣніе, фраза, отсутствіе искренности и образованія. Вождемъ ихъ является *Губаревъ*—«и славянофилъ, и соціалистъ, и демократъ, и все что угодно»,—недалекій, необразованный человѣкъ, съ важнымъ глубокомысленнымъ видомъ и съ особенной, ему одному свойственной способностью увертываться отъ возраженій противника. Свое мнѣніе онъ выражаетъ чаще мычаніемъ, весьма глубокомысленнымъ, а когда говоритъ о «матеріяхъ важныхъ», въ родѣ того, что «нужно слиться съ народомъ, узнать его мнѣніе» и т. д., то лицо у него принимаетъ какой-то «бурый оттѣнокъ». Деспотизмъ, грубость, прикрывшаяся въ немъ либеральными фразами, проявляется во всемъ блескѣ, «съ примѣсью какой-то дикой жестокости», когда, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ водворяется у себя въ помѣстьѣ.—Не лучше и другіе дѣятели: глупый *Бамбаевъ* съ восторгомъ «ни на что не обращеннымъ», рабски преклоняющійся предъ Губаревымъ; пустой *Ворошиловъ*, начитавшійся безъ толку разныхъ книгъ, и «однимъ духомъ» произносящій серіи собственныхъ именъ,—«ординарецъ науки и цивилизаціи». *Титъ Биндасовъ*, «съ виду шумный буршъ, въ сущности кулакъ и выжига, по рѣчамъ террористъ, по призванью квартальный, другъ россійскихъ купчиковъ и парижскихъ лоретокъ», лысый, беззубый, пьяный, съ нахальствомъ просящій у всѣхъ денегъ въ долгъ, разумѣется, безъ отдачи. Наконецъ, либеральная и въ сущности добрая *Суханчикова* «съ глазами готовыми выскочить», пустая, глупая сплетница, которая неутомимо трещитъ и всегда носится съ какимъ-нибудь вздоромъ, напримѣръ, съ швейными машинами, въ которыхъ видитъ все спасеніе русской женщины. Суханчикова—естественная преемница *Кукшиной* («Отцы и дѣти»), глупой, пустой, но самоувѣренной фразерки. Эта либеральная дама по наслышкѣ употребляетъ мудреныя иностранныя слова. Выраженіе лица ея такое, что «невольно хотѣлось спросить

ее: чего ты хочешь? Чего ты пружишься?» Неестественность, фальшь и трескъ—ея стихія. Она неженственна — куритъ, не прочь выпить, всегда ярая защитница женскихъ правъ. Впрочемъ, она не уживается долго въ Россіи и ѣдетъ за границу въ Гейдельбергъ, «гдѣ якшается со студентами, изучаетъ между прочимъ архитектуру и открываетъ въ ней новые законы».

Невольно задаешься вопросомъ: какимъ образомъ этотъ ограниченный Губаревъ могъ занимать первенствующую роль въ этомъ кружкѣ и пользоваться его неограниченнымъ уваженіемъ?—Оказывается, вотъ почему: «У него воли много. Мы, славяне вообще, какъ извѣстно, этимъ добромъ не богаты и передъ нимъ пасуемъ. Г-нъ Губаревъ захотѣлъ быть начальникомъ, и всѣ его начальникомъ признали. Что прикажете дѣлать?! Правительство освободило насъ отъ крѣпостной зависимости, спасибо ему; но привычка рабства слишкомъ глубоко въ насъ внѣдрилась... Главное дѣло, чтобы былъ у насъ баринъ. Ну, вотъ онъ и есть у насъ... Новый баринъ народился—стараго долой! То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ; въ ухо Якову—въ ноги Сидору!» [1]) Въ этомъ объясненіи заключается значительная доля правды. Что типъ Губарева взятъ авторомъ прямо изъ дѣйствительной жизни, въ этомъ убѣждаетъ насъ письмо Тургенева къ Полонскому: [2]) «Кстати, какъ же ты говоришь, что незнакомъ съ типомъ «Губаревыхъ»?—Ну, а г-нъ А. А. К. не тотъ же Губаревъ? Вглядись попристальнѣе въ людей *командующихъ* у насъ—и во многихъ изъ нихъ ты узнаешь черты того типа».

Несравненно симпатичнѣе молодые люди въ «Нови». Правда, они также по большей части люди ограниченные, не отличаются даровитостью, но у нихъ есть высокіе идеалы, за которые они готовы жертвовать собой; слово у нихъ *не расходится* съ дѣломъ; пусть они заблуждаются, но они искренни въ своемъ заблужденіи. Въ письмѣ къ Ф—ной [3]) Тургеневъ объясняетъ, почему именно онъ выбралъ такіе типы: «Времена перемѣнились, теперь Базаровы не нужны. Для пред-

---

[1]) Т. III, стр. 30.

[2]) Баденъ, 2 января 1868 г.

[3]) Буживаль, 11 сентября 1874 г.

стоящей общественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума—ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго; нужно трудолюбіе и терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собой безъ всякаго треску и блеску—нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы—я беру слово «жизненный»—въ смыслѣ простоты, безхитростности, terre à terre'a. Что можетъ быть, напримѣръ, жизненнѣе—учить мужика грамотѣ, помогать ему заводить больницы и т. д. На что тутъ таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ—тутъ даже о призваніи говорить нельзя... Чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова—вотъ все, что нужно. А Базаровъ все-таки еще типъ, провозвѣстникъ, крупная фигура, одаренная извѣстнымъ обаяніемъ, не лишенная нѣкотораго ореола: это все теперь неумѣстно – и смѣшно толковать о *герояхъ* или *художникахъ* труда. Блестящихъ натуръ въ литературѣ, вѣроятно, не проявится; тѣ, которые бросятся въ политику, только даромъ погубятъ себя... Мы вступаемъ въ эпоху *только полезныхъ* людей ...и это будутъ лучшіе люди. Ихъ, вѣроятно, будетъ много; красивыхъ, плѣнительныхъ мало».

И дѣйствительно, въ сердцѣ, патріотизмѣ, долгѣ этимъ молодымъ людямъ отказать нельзя. Изъ нихъ наиболѣе рѣзко очерченнымъ типомъ является *Маркеловъ,* человѣкъ лѣтъ около 30-ти, съ рѣзкимъ мѣднымъ голосомъ, угрюмый, сонный на видъ, «какъ есть желчевикъ». Ему вообще не везло никогда и ни въ чемъ; въ корпусѣ онъ носилъ названіе «неудачника». Не везло ему и на службѣ въ Петербургѣ: онъ долженъ былъ оставить ее по непріятности съ командиромъ «изъ нѣмцевъ», которыхъ съ тѣхъ поръ возненавидѣлъ. Не везло ему и въ любви. Пробовалъ писать спеціальныя статьи по артиллеріи и ни одной не довелъ до конца. Въ Петербургѣ Маркеловъ былъ знакомъ съ разными «передовыми людьми», передъ которыми благоговѣлъ; читалъ немного—и больше все книги, идущія къ дѣлу—Герцена въ особенности». Чего онъ не понималъ, то для него не существовало. «Упрямый, неустрашимый до отчаянности, не умѣвшій ни прощать, ни забы-

вать, ненавидѣвшій фальшь и ложь, постоянно оскорбляемый за себя и за всѣхъ угнетенныхъ—и на все готовый»,—Маркеловъ представлялъ весьма удобное орудіе для замысловъ этого кружка. «Человѣкъ искренній и прямой, натура страстная и несчастная, онъ могъ въ данномъ случаѣ оказаться безжалостнымъ, кровожаднымъ, заслужить названіе изверга и могъ также пожертвовать собой безъ колебанія и безъ возврата». Арестованный, Маркеловъ исповѣдуетъ безстрашно и смѣло предъ властями свои взгляды и убѣжденія. Но Маркеловъ не герой и не представитель идеи, ибо попалъ на эту дорогу случайно, вслѣдствіе своихъ неудачъ и личнаго раздраженія; гибель его поэтому не имѣетъ трагическаго характера и скорѣе есть результатъ его упорства и фанатизма.—Слабѣе очерченъ *Остродумовъ*: «во всей его фигурѣ сказывалось что-то честное, стойкое, благородное»; но въ то же время ограниченность, бездарность, безотвѣтность проявляется во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Когда, напримѣръ, разсуждаютъ о преобразованіяхъ въ имѣніяхъ Маркелова, онъ глубокомысленно отвѣчаетъ: «къ чему объ этомъ толковать; все равно—*надо будетъ все потомъ передѣлать*». И онъ вѣритъ, что скоро наступитъ это время, и готовъ собой жертвовать для него.—Такой же беззавѣтной преданностью дѣлу, безусловной вѣрой въ его успѣхъ отличается добрая, ограниченная *Машурина*. Она безъ всякихъ разсужденій выслушиваетъ приказанія и, исполняя опасныя порученія, какъ бы священнодѣйствуетъ: такъ все существо ея проникнуто сознаніемъ важности дѣла, по отношенію къ которому у ней нѣтъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Не отличается также рельефностью изображенія умный, начитанный, хотя «односторонній» *Паклинъ*, который, не принимая непосредственнаго участія въ дѣлѣ, предлагаетъ кружку свои услуги и въ то же время самъ не вѣруетъ ни въ дѣло, да и вообще ни во что. Тамъ, гдѣ ему приходится плохо, онъ проявляетъ трусость и даже подобострастіе. Вообще же онъ нравился студентамъ «своей циничностью, болтливостью и веселой желчью самоувѣренной рѣчи».

Приступая къ *женскимъ* молодымъ типамъ, которые разсѣяны въ повѣстяхъ Тургенева, мы разсмотримъ прежде

всего типъ красивой, умной, но бездѣятельной и эгоистичной—то холодной, то страстной женщины. Такой типъ мелькомъ выступаетъ въ повѣсти «Три встрѣчи». Большей рельефностью отличается образъ умной, независимой *Зинаиды* («Первая любовь»), производившей смѣшанное впечатлѣніе: «хитрости и безпечности, простоты и искусственности». Смѣлая, рѣшительная, страстная, она умѣла владѣть собой и стремилась властвовать надъ другими. Она не занята чѣмъ-нибудь серьезнымъ и все время проводитъ въ праздныхъ забавахъ въ обществѣ довольно пустой молодежи. Но самымъ яркимъ типомъ въ этомъ отношеніи является *Одинцова* («Отцы и дѣти»). Вотъ что говоритъ о ней самъ авторъ *): «Одинцова... это тоже представительница праздныхъ, мечтающихъ, любопытныхъ и холодныхъ барынь - эпикуреекъ, нашихъ дворянокъ... Ей хотѣлось бы сперва погладить по шерсти волка (Базарова), лишь бы онъ не кусался, — потомъ мальчика (Аркадія) по его кудрямъ—и продолжать лежать вымытой на бархатѣ». Дочь афериста-игрока, Одинцова получила блестящее воспитаніе въ Петербургѣ, вышла замужъ за богатаго старика, который скоро умеръ, и живетъ въ свое удовольствіе въ деревнѣ, въ домѣ, устроенномъ на самую роскошную барскую ногу. «Лаской и мягкой силой вѣяло отъ ея красиваго лица; всѣ движенія были плавны, тихи и спокойны». Она прочла нѣсколько хорошихъ книгъ, выражалась правильнымъ русскимъ языкомъ, любила роскошь, удобства, удовольствія, не имѣла ни предразсудковъ, ни вѣрованій, ни передъ чѣмъ не отступала и никуда не шла. Умная, разсчетливая, самостоятельная, гордая, властолюбивая, она въ глубинѣ души была холодная эгоистка. «Ничто не удовлетворяло ее вполнѣ: ея умъ былъ пытливъ и равнодушенъ; ея сомнѣнія не доростали до тревоги; кровь всегда тихо катилась въ обаятельномъ стройномъ тѣлѣ. Какъ всѣ женщины, которымъ не удавалось полюбить, она хотѣла чего-то, сама не зная, чего именно». Чрезвычайно аккуратная,

*) «Письма» Случевскому, 14-го апрѣля 1862 г.

она во всемъ соблюдала строгій порядокъ и правильность; хозяйство свое вела отлично.—Одинцова холодна по натурѣ, но вотъ страстная, пылкая, съ оттѣнкомъ цыганской удали и безнравственная *Марья Николаевна* («Вешнія воды»); умная, чрезвычайно хитрая, въ высшей степени практичная, смѣлая до наглости, она ни передъ чѣмъ не останавливается, ищетъ себѣ жертвы, чтобы удовлетворить свое страстное чувство и стремленіе къ властолюбію, а потомъ бросить ее, какъ нѣчто ненужное.—Также и *Варвара Павловна Лаврецкая* («Дворянское гнѣздо»): привлекательная своей красивой внѣшностью, она отталкиваетъ отъ себя своимъ нравственнымъ безобразіемъ.

Полную противоположность приведеннымъ выше типамъ представляютъ *положительные* женскіе типы. Ихъ характеризуетъ сильно развитое сознаніе долга, стремленіе къ правдѣ, искренность, присутствіе идеала и въ связи съ нимъ, правда, слабая еще, попытка къ дѣятельности. Такова въ повѣсти «Яковъ Пасынковъ»—*Софья*. Черты ея лица строги и рѣзки. сжатыя губы выражали твердость и силу. Вслѣдствіе плохаго воспитанія у ней недоставало живости воображенія, развилось упрямство и молчаливость; но за то это «честная, искренняя, чистая душа». Долгъ для нея—выше всего; любовь, которой она отдается вся беззавѣтно—для нея нѣчто священное. Особенною привлекательностью отличается глубоко-поэтическая натура *Вѣры* въ «Фаустѣ». Спокойствіе въ рѣчахъ и манерахъ, ясная веселость свѣтилась во всемъ существѣ ея; она держала себя просто, умно, искренно и правдиво. «Великія силы страсти таились въ ней», но она умѣла владѣть собой. «Проницательность мгновенная рядомъ съ наивностью ребенка, ясный и здравый смыслъ, врожденное чувство простоты, постоянное стремленіе къ правдѣ и высокому пониманію всего, даже порочнаго, даже смѣшнаго — и надъ всѣмъ этимъ, какъ бѣлыя крылья ангела — тихая женская прелесть». И такая женщина не прочла ни одной поэтической книги, потому что мать воспитывала ее, ревниво оберегая отъ всего, что могло дѣйствовать на воображеніе; за то обучила прекрасно

естественнымъ наукамъ, въ знанiи которыхъ ея дочь могла соперничать съ кандидатами университета. Чтенiе «Фауста» Гёте и любовь разбудили дремавшiя въ ней силы, и это хрупкое существо гибнетъ подъ напоромъ возгорѣвшейся борьбы между чувствомъ долга и жаждой любви. — Также привлекательна живая, поэтическая, дѣтски наивная и даже капризная *Ася*. Дикая отъ природы, стыдливая и робкая, она старалась побѣдить въ себѣ это чувство и сдѣлаться развязной, смѣлой, только не всегда ей это удавалось. Но вотъ еще двѣ женщины — *Александра Павловна Липина* («Рудинъ») и кроткая *Таня* («Дымъ»), которыя посвятили себя дѣятельной заботливости о своихъ крестьянахъ: онѣ, какъ умѣютъ, лѣчатъ больныхъ и, по мѣрѣ силъ, помогаютъ бѣднымъ.

ВЕЛИКОСВѢТСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Самое полное и яркое отраженiе великосвѣтскаго общества мы находимъ въ «Дымѣ», гдѣ Тургеневъ съ полной безпощадностью бичуетъ пустоту, ложь, развратъ, невѣжество и грубость нашихъ аристократовъ, съ ихъ «плоскими шутками», «невыносимымъ тономъ», «ложными движенiями», «возмутительнымъ презрѣнiемъ въ мягкости ихъ рѣчи»,—и частью въ «Нови», гдѣ также встрѣчаются нѣсколько типовъ, взятыхъ прямо изъ жизни. Возьмемъ нѣсколько отрывковъ, характеризующихъ это общество во время его пребыванiя въ Баденѣ:

«Къ русскому дереву — à l'arbre russe — обычнымъ порядкомъ собирались наши любезные соотечественники и соотечественницы; подходили они пышно, небрежно, модно, привѣтствовали другъ друга величественно, изящно, развязно, какъ оно и слѣдуетъ существамъ, находящимся на самой высшей вершинѣ современнаго образованiя, но сойдясь и усѣвшись, рѣшительно не знали, что сказать другъ другу, и пробавлялись либо дрянненькимъ переливанiемъ изъ пустаго въ порожнее, либо затасканными, крайне нахальными и крайне плоскими выходками давнымъ давно выдохшагося французскаго эксъ-литератора»... «Тутъ былъ графъ Х., нашъ

несравненный дилетантъ, глубокая музыкальная натура, которая такъ божественно «сказываетъ» романсы, а въ сущности двухъ нотъ разобрать не можетъ, не тыкая вкось и вкривь указательнымъ пальцемъ по клавишамъ и поетъ не то какъ плохой цыганъ, не то какъ парижскій коафферъ; тутъ былъ и нашъ восхитительный баронъ Z., этотъ мастеръ на всѣ руки: и литераторъ, и администраторъ, и ораторъ и шулеръ; тутъ былъ и князь Y., другъ религіи и народа, составившій себѣ во время оно, въ блаженную эпоху откупа, громадное состояніе продажей сивухи, подмѣшанной дурманомъ; и блестящій генералъ О. О., который что-то покорилъ, кого-то усмирилъ и вотъ однако не знаетъ, куда дѣться и чѣмъ себя зарекомендовать... Тутъ были даже государственные люди, дипломаты, тузы съ европейскими именами, мужи совѣта и разума, воображающіе, что золотая булла издана папой, и что англійскій «poor-tax» есть налогъ на бѣдныхъ... и графиня Ш., извѣстная законодательница модъ и гранъ-жанра, прозванная злыми языками «Царицей Осъ»... и княгиня Babette, та самая, у которой на рукахъ умеръ Шопенъ... и княгиня Pachette, съ которой случилось такое несчастіе: мужъ ея попалъ на видное мѣсто и вдругъ, Dieu sait pourquoi, прибилъ градскаго голову и укралъ 20.000 р. с. казенныхъ денегъ» *)...

А вотъ компанія молодыхъ генераловъ, «особъ высшаго общества и съ значительнымъ вѣсомъ»: «Значительность ихъ сказывалась во всемъ: въ ихъ сдержанной развязности, въ миловидно-величавыхъ улыбкахъ, въ напряженной разсѣянности взгляда, въ изнѣженномъ подергиваньи плечъ, покачиваніи стана и сгибаніи колѣнъ; она сказывалась въ самомъ звукѣ голоса, какъ бы любезно и гадливо благодарящаго подчиненную толпу. Всѣ эти воины были превосходно вымыты, выбриты, продушены насквозь какимъ-то истинно дворянскимъ и гвардейскимъ запахомъ, смѣсью отличнѣйшаго сигарнаго дыма и удивительнѣйшаго пачули. И руки у всѣхъ были дворянскія, бѣлыя, большія, съ крѣпкими, какъ сло-

*) Т. III, стр. 4 и 5.

новая кость, ногтями; у всѣхъ усы такъ и лоснились, зубы сверкали, а тончайшая кожа отливала румянцемъ на щекахъ, лазурью на подбородкѣ» *)...

Познакомимся съ воззрѣніями этого высшаго общества: вотъ его взгляды на печать, они говорятъ сами за себя: «Ну, ужъ это послѣднее! Журналъ! Обличеніе! Еслибъ это отъ меня зависѣло, я бы въ этихъ вашихъ журналахъ только и позволилъ бы печатать, что таксы на мясо или на хлѣбъ, да объявленія о продажѣ шубъ, да сапоговъ». Эти генералы— представители реакціи: они не сочувствуютъ благимъ мѣрамъ правительства, освобожденію крестьянъ, земству и т. д., потому что все это, по ихъ мнѣнію, привело ихъ къ «униженію и разоренію»: «мы разорены — прекрасно, мы унижены—объ этомъ спорить нельзя; но мы крупные владѣльцы, мы все-таки представляемъ начало... un principe. Поддерживать этотъ принципъ—нашъ долгъ. Когда нѣкоторое омраченіе,—такъ сказать, омраченіе овладѣваетъ даже высшими умами, мы должны указывать, съ покорностью указывать перстомъ гражданина на бездну, куда все стремится». Надо вернуться «совсѣмъ назадъ»... чѣмъ дальше, тѣмъ лучше... надо передѣлать все сдѣланное... и девятнадцатое февраля, насколько это возможно»... Всѣ эти университеты, да семинаріи тамъ, да народныя училища, эти студенты, поповичи, разночинцы, вся эта мелюзга... вотъ гдѣ нужно остановиться... остановить... А прогрессъ, я собственно ничего не имѣю противъ прогресса. Не давайте намъ только адвокатовъ, да присяжныхъ, да земскихъ какихъ-то чиновниковъ,— да дисциплины, да дисциплины пуще всего не трогайте, а мосты и набережныя, госпитали вы можете строить и улицъ газомъ отчего не освѣщать?» — Примѣчаній тутъ не нужно: проницательности, ума, пониманія общестевственныхъ и государственныхъ интересовъ выказано слишкомъ достаточно въ этой мудрой рѣчи.

И чѣмъ занято это общество? чѣмъ интересуется и жи-

*) Тамъ же, стр. 62.

ветъ оно? «Ни одного искренняго слова, ни одной дѣльной мысли, ни одного новаго факта изъ всей этой безсвязной и безжизненной болтовни. Въ самыхъ крикахъ и возгласахъ не слышалось увлеченія; въ самомъ порицаніи не чувствовалось страсти: лишь изрѣдка изъ - подъ личины мнимо-гражданскаго негодованія, мнимо-презрительнаго равнодушія, плаксивымъ пискомъ пищала боязнь всевозможныхъ убытковъ, да нѣсколько именъ, которыхъ потомство не забудетъ, произносилось со скрипѣніемъ зубовъ... И хоть бы капля живой струи подо всѣмъ этимъ хламомъ и соромъ! Какое старье, какой ненужный вздоръ, какіе плохіе пустячки занимали всѣ эти головы, эти души, и не въ одинъ только этотъ вечеръ занимали ихъ они, не только въ свѣтѣ,—но и дома, во всѣ часы и дни, во всю ширину и глубину ихъ существованія! И какое невѣжество въ концѣ концовъ! Какое непониманіе всего, на чемъ зиждется, чѣмъ украшается человѣческая жизнь!» *).

Въ повѣсти «Три портрета» есть попытка нарисовать великосвѣтскій типъ временъ Александра I. Мы говоримъ о *Василіи Ивановичѣ Лучиновѣ*, воспитанномъ въ Петербургѣ у богатаго родственника, страшнаго вольтерьянца. Василій Ивановичъ говорилъ по-французски и славился умѣньемъ драться на шпагахъ. Одаренный сильной волей, страстный, разсчетливый, терпѣливый, скрытный до чрезвычайности, онъ былъ «очаровательно, обаятельно» любезенъ. Злой и холодный, онъ не стѣснялся никакими средствами для достиженія своей цѣли. «Неограниченная смѣлость, змѣиная изворотливость, непостижимое хладнокровіе, ловкій и тонкій умъ»—вотъ качества, благодаря которымъ объясняется неограниченная власть этого безнравственнаго человѣка надъ благородными душами. Онъ всегда оставался загадкой для всѣхъ: «въ самой холодности его неумолимой души вы чувствовали присутствіе страстнаго, почти южнаго пламени и въ самомъ бѣшеномъ разгарѣ страсти этого человѣка вѣяло на васъ холо-

---

*) Т. III, стр. 115.

домъ». Въ этой глубоко испорченной, глубоко развратной, но сильной натурѣ уже сказываются задатки разложенія нашего великосвѣтскаго общества.—Въ «Рудинѣ» есть также типъ знатной барыни-аристократки. *Дарья Михайловна Ласунская* живетъ открыто въ своемъ богатомъ имѣніи, провинціальныхъ барынь не терпитъ, но любитъ мужское общество, гдѣ разыгрываетъ изъ себя образованную даму, любительницу просвѣщенія, меценатку. Въ сущности, въ ея хитромъ умѣ, холодной эгоистичной натурѣ высказывается высокомѣрное презрѣніе къ людямъ низшимъ, «мелкимъ». Ей нужны лакеи, подобострастные льстецы, которыми бы она повелѣвала и передъ которыми бы блистала своимъ умомъ и образованіемъ.

Передъ нами великосвѣтская чета: *Ратмировъ* съ женой—великосвѣтской львицей. Въ молодости онъ учился въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе не столько успѣхами въ наукахъ, сколько «фронтовой выправкой, хорошими манерами и благонравіемъ». У него счастливая наружность: «гладкій, румяный, гибкій и липкій», Ратмировъ умѣлъ нравиться женщинамъ. Карьеру сдѣлалъ блестящую, благодаря веселости нрава, ловкости въ танцахъ, ѣздѣ верхомъ и искусству «фамильярно-почтительнаго обращенія съ высшими, грустно-ласковаго, почти сиротливаго прислуживанья, не безъ примѣси легкаго, какъ пухъ, либерализма». Этотъ либерализмъ не помѣшалъ ему перепороть 50 человѣкъ крестьянъ, которыхъ онъ усмирялъ. «Осторожный по привычкѣ, молчаливый изъ расчета, генералъ Ратмировъ только съ одной репутаціей «дѣльнаго человѣка», съ чутьемъ на людей и пониманіемъ обстоятельствъ, а главное—съ желаніемъ добра самому себѣ видѣлъ передъ собою всѣ пути открытыми». Бракъ по расчету, жизнь съ женщиной, которая его ненавидитъ, взаимныя холодныя отношенія, все это при гостяхъ скрывается подъ личиной нѣжнаго, мягкаго обращенія. Жена его—*Ирина* обладаетъ всѣми качествами великосвѣтскихъ львицъ: необыкновенная красота, обаятельность, тонкій умъ, ловкость, удивительное знаніе людей, среди которыхъ она вращается, самое тонкое кокетство, даръ

нравиться всѣмъ, изящество и грація въ движеніяхъ, необыкновенная смѣлость, умѣнье владѣть собой и обращаться съ людьми, гордость и тщеславіе—вотъ качества, благодаря которымъ она играетъ первенствующую роль среди великосвѣтскаго общества. Привязанная всѣмъ существомъ къ этому обществу, испорченная имъ «до мозга костей», Ирина въ то же время отъ всей души ненавидитъ его, но у нея не хватаетъ силъ вырваться оттуда. Недаромъ она умоляетъ любимаго человѣка спасти ее, недаромъ съ такой жадностью схватывается за него, какъ утопающая за соломинку, и сама сознаетъ въ то же время, что спасеніе невозможно; все высокое, человѣческое возстаетъ передъ ней со всей силой, при встрѣчѣ съ другомъ дѣтства,—но воля оказывается слабою, въ сравненіи съ порочными привычками, проникшими все ея существо, и Ирина, испытавъ всевозможныя страданія, измученная борьбой, остается навсегда въ ненавистномъ ей большомъ свѣтѣ. Не одна красота обаятельна въ ней—въ ней обаятельны великія нравственныя силы: вся жизнь ея—драма, начиная отъ той сцены, когда Ирина, великолѣпная, въ бальномъ платьѣ, выѣзжая въ первый разъ на балъ, держитъ въ рукахъ цвѣты, украшавшіе ея голову, готовая по первому слову Литвинова бросить ихъ и отказаться отъ бала, и до того момента, когда, закутанная въ шаль, съ дорожной шляпой на неубранныхъ волосахъ, она стоитъ на платформѣ и глядитъ на него своими померкшими глазами».

Какъ живой, стоитъ передъ нами *Сипягинъ*, стройный и величавый, съ коротко обстриженной головой, римскимъ носомъ, пріятными глазами, длинными англійскими бакенами. «Изящная самоувѣренность осанки и ласковое спокойствіе, голосъ— пріятный сочный баритонъ, отъ котораго вѣяло чѣмъ-то необыкновенно благороднымъ, благовоспитаннымъ и даже благоуханнымъ», образованіе и умъ—вотъ качества государственнаго мужа,—человѣка, какъ онъ самъ себя называетъ, «либеральныхъ и прогрессивныхъ убѣжденій». Сипягинъ богатъ и уже составилъ себѣ карьеру:—«будущій министръ», говорятъ про него съ завистью. Съ нужнымъ человѣкомъ умѣетъ быть изящно, утонченно вѣжливъ: передъ Соломи-

нымъ, выходя изъ двери «онъ,—сановникъ! выскочилъ вонъ совсѣмъ, какъ рѣзвый школьникъ». Въ отношеніи же къ низшимъ, ему ненужнымъ, или даже непріятнымъ людямъ Сипягинъ «проявлялъ качества, отличающія русскихъ сановныхъ людей»: Неждановъ сталъ для него «просто мебелью, воздушнымъ пространствомъ, которое онъ не замѣчалъ». Сипягинъ любилъ блеснуть фразой и самъ наслаждался своимъ краснорѣчіемъ, которое, какъ утонченный дипломатъ, умѣлъ употреблять необыкновенно кстати и порисоваться даже у себя дома передъ своими. Образцомъ его краснорѣчія и дипломатическаго такта можетъ служить его рѣчь, сказанная какъ разъ въ тотъ моментъ, когда споръ Соломина и Калломѣйцева о помѣщикахъ и народѣ начиналъ принимать опасный характеръ, когда Сипягинъ «понялъ, что наступила минута «положить, такъ сказать, предѣлъ... остановить». И онъ остановилъ. «Съ одной стороны онъ похвалилъ консерваторовъ,—а съ другой, одобрилъ либераловъ, отдавая симъ послѣднимъ нѣкоторый преферансъ и причисляя себя къ ихъ разряду; превознесъ народъ — но указалъ на нѣкоторыя его слабыя стороны; выразилъ полное довѣріе правительству—но спросилъ себя: исполняютъ ли *всѣ* подчиненные его благія начинанія? Призналъ пользу и важность литературы, но объявилъ, что безъ крайней осторожности она не мыслима! Взглянулъ на западъ: сперва порадовался—потомъ усумнился; взглянулъ на востокъ: сперва отдохнулъ—потомъ воспрянулъ! И, наконецъ, предложилъ выпить тостъ за процвѣтаніе тройственнаго союза: *религіи, земледѣлія и промышленности*».

Въ разговорѣ, гдѣ нужно, Сипягинъ любилъ щегольнуть русскимъ выраженіемъ, пословицами, которыя часто перевиралъ, «долженствовавшими доказать, что онъ самъ не только русскій человѣкъ, но «руссакъ» и близко знакомъ съ самой сутью народной жизни». Въ дѣйствительности, это былъ холодный, хитрый деспотъ, грубый и корыстолюбивый, прикрывавшійся приличіемъ и лоскомъ. «Онъ вовсе не человѣкъ», говоритъ про него Маріанна, «онъ чиновникъ, сенаторъ или министръ». Какъ нельзя больше подходитъ къ нему

жена его, молодая, красивая женщина, съ лицомъ, «напоминающимъ обликъ Сикстинской мадонны», и удивительно глубокими, бархатными глазами. Она воспитывалась въ Смольномъ институтѣ, и по выходѣ, очень «быстро и ловко влюбила въ себя Сипягина». Она была «умна, не зла, скорѣй добра, въ сущности холодна и равнодушна»; но «не допускала мысли», чтобы кто-нибудь могъ остаться равнодушнымъ къ ней», проникнутой особенной граціей, которая свойственна «милымъ эгоистамъ»; «въ этой граціи нѣтъ ни поэзіи, ни истинной чувствительности, но есть мягкость, есть симпатія, есть даже нѣжность». Кокетничать не много стоило Сипягиной, и при ея властолюбіи, не выносившемъ чужой самостоятельности, побѣды доставляли ей «страшное удовольствіе»; это было ей такъ пріятно, что она даже «умилялась» подчасъ и готова была сдѣлать доброе дѣло. Отношенія съ мужемъ у нихъ были прекрасныя; они искренно любили другъ друга.

Между тѣмъ какъ Сипягинъ считаетъ себя либераломъ и прогрессистомъ (конечно, благонамѣреннымъ), *Калломѣйцевъ* является представителемъ консерватизма. «Держалъ онъ себя развязно, небрежно и томно»; говорилъ (особенно съ дамами) «не то въ носъ, не то слащаво: настоящій русскій гранъ-жанръ высшаго полета» — къ тому же и одѣтъ былъ на самый лучшій англійскій манеръ. Привѣтливый и любезный, онъ весьма легко дѣлался злымъ и даже грубымъ — «стоило кому-нибудь и чѣмъ-нибудь задѣть Семена Петровича, задѣть его консерваторскіе патріотическіе и религіозные принципы, — о! тогда онъ дѣлался безпощаднымъ». — «Земство! Къ чему оно? Только ослабляетъ администрацію и возбуждаетъ»... «Я иногда критикую правительство, но покоряюсь всегда». — И въ деревню онъ явился хозяйствомъ позаняться, т. е. «кого пугнуть, кого прижать. — Вѣдь безъ этого невозможно!» Русская литература мало интересуетъ его: «въ ней теперь все разночинцы фигурируютъ»... — «Я признаю языкъ россійскій, языкъ указовъ и постановленій правительственныхъ, я дорожу его чистотой!» — Льстивый, гдѣ нужно, гдѣ можно хвастливый, въ крайнихъ случаяхъ

трусъ, Калломѣйцевъ былъ чрезвычайно жестокъ и алчно жаденъ въ отношеніи своихъ крестьянъ.

ГЕРОИ И ГЕРОИНИ.

Выше мы сказали, что Тургеневъ любилъ, понималъ молодежь и горячо сочувствовалъ ей въ ея добрыхъ, высокихъ стремленіяхъ; но этого мало: Тургеневъ постоянно и неусыпно слѣдилъ за нашимъ умственнымъ движеніемъ, ловилъ и предугадывалъ новые типы, нарождающіеся у насъ, и, живя внѣ предѣловъ Россіи, тѣмъ съ большею объективностью могъ создавать эти типы, такъ что въ этомъ отношеніи его романы представляютъ историческій документъ, по которому можно изучать исторію движенія нашего общества. Понятно, какъ глубоко скорбѣлъ онъ, когда произведенія его не были оцѣнены по достоинству, не были поняты — что повторялось почти со всѣми его трудами,—и вотъ онъ при случаѣ шлетъ справедливое слово укоризны: «Отрывокъ изъ статейки Писарева (по поводу «Отцовъ и дѣтей»)—пишетъ онъ Полонскому [1])—показываетъ, что молодые люди плюются—погоди, еще не такъ плеваться будутъ!.. А мы скажемъ этимъ юнымъ плевателямъ: «на здоровье!» и только посовѣтуемъ имъ выставить изъ среды своей хотя такихъ плохихъ писателей, каковы были тѣ, въ кого они плюютъ.—Тогда они будутъ правы, а мы имъ пожелаемъ всякаго благополучія». Правда, въ одномъ письмѣ къ Салтыкову [2]) Тургеневъ какъ бы признаетъ справедливость возводимыхъ на него обвиненій молодежи, когда говоритъ: «Я готовъ сознаться, что я не имѣлъ права давать нашей реакціонной с...... (т. е. партіи) ухватиться за кличку, за имя (т. е. за имя «нигилистъ», пущенное Тургеневымъ и превратившееся противъ всякихъ для него ожиданій въ позорную кличку); писатель во мнѣ долженъ былъ принести эту жертву гражданину, и потому я признаю

---

[1]) Парижъ, 24 января 1862 г.
[2]) Парижъ, 3 января 1876 г.

справедливыми и отчужденіе отъ меня молодежи, и всякія нареканія... Возникшій вопросъ былъ поважнѣе художественной правды, и я долженъ былъ это знать напередъ». Но дѣло въ томъ, что здѣсь говоритъ въ Тургеневѣ *гражданинъ*, которому принести себя въ жертву никогда не могъ Тургеневъ *художникъ*, считавшій художественную правду столько же необходимымъ условіемъ всякаго художественнаго произведенія, сколько воздухъ и свѣтъ необходимы для всякаго растенія. Извѣстно, что это холодное отношеніе къ Тургеневу и молодежи, и критики продолжалось почти до конца его литературной дѣятельности. Но самъ онъ не протянулъ первый руки примиренія, хотя это сильно огорчало его. Вотъ какъ отзывается онъ объ этомъ [1]): «Но есть удары, которые больнѣе бьютъ по самому сердцу... Человѣкъ сдѣлалъ все, что могъ; работалъ усиленно, любовно, честно... И честныя души гадливо отворачиваются отъ него; честныя лица загораются негодованіемъ при его имени: «Удались! Ступай вонъ!» кричатъ ему честные молодые голоса.—«Ни ты намъ не нуженъ, ни твой трудъ; ты оскверняешь наше жилище — ты насъ не знаешь, не понимаешь... Ты нашъ врагъ». Что тогда дѣлать этому человѣку? Продолжать трудиться, не пытаться оправдываться—и даже не ждать болѣе справедливой оцѣнки».

Сочувствуя молодежи, Тургеневъ съ горечью въ душѣ указываетъ на недостатки, коренящіеся въ нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ; такъ, онъ жалуется, въ письмѣ къ Ф—ой, «на скудость мысли», «отсутствіе познаній», «нищенскую бѣдность дарованія», на «пустоту, воображающую, что она на 20-мъ году жизни уже разрѣшила всѣ вопросы науки и жизни», на «самомнѣніе», доходящее до «самообожанія» и т. д. Однако среди молодежи онъ находитъ и такихъ, передъ которыми, несмотря на «рѣзкость мнѣній, угловатость формъ», «я старикъ», говоритъ онъ, «шапку снимаю, потому что чувствую въ нихъ дѣйствительное присутствіе силы и таланта,

---

[1]) Т. VIII, стр. 361.

и ума» [1]). Такіе люди годятся для героевъ романа, такихъ Тургеневъ и выбираетъ: его герои отличаются умомъ, дарованіемъ, силой чувствъ, свободой и самостоятельностью мысли и духа, искренностью, высотой нравственнаго чувства и идеалами, направленными на благо ближняго.—Теперь перейдемъ къ героямъ.

Бѣдный студентъ, живущій уроками, *Андрей Колосовъ* считался между товарищами человѣкомъ необыкновеннымъ. Неудивительно, что эти товарищи, воспитанные въ иностранныхъ пансіонахъ, гдѣ ихъ пріучали къ пьянству и лѣни,— или дома «въ уродливой семьѣ», ничего не дѣлавшіе и въ университетѣ, эти юнцы «съ неопредѣленными стремленіями къ чему-то высокому», чувствовали «неотразимое влеченіе» къ трудолюбивому, искреннему, непосредственному Колосову и всѣ покорялись ему. Присутствіе его на товарищескихъ сходкахъ, гдѣ онъ былъ «душой общества», удерживало ихъ отъ проявленія безобразнаго пьянства и «давало направленіе» дѣльнымъ разговорамъ. Широкая натура—«весь, какъ говорится, на распашку», увлекающійся, онъ стремился ко всему высокому, къ добру и возбуждалъ то же стремленіе въ другихъ. Чувство правды настолько развито въ немъ, что заставляетъ его послѣ нѣкоторой борьбы твердо и рѣшительно отказаться отъ нѣкогда сильно любимой имъ дѣвушки, къ которой онъ почувствовалъ охлажденіе.

Еще большей возвышенностью и чистотой чувствъ отличается *«послѣдній романтикъ» Яковъ Пасынковъ*. Брошенный отцомъ на произволъ судьбы въ пансіонѣ и воспитанный содержателемъ пансіона «сострадательнымъ по-своему нѣмцемъ», Яковъ съ юныхъ лѣтъ терпѣлъ высокомѣрное обращеніе съ нимъ товарищей, которые однако любили его за «доброту и благородство его идеальной цѣломудренной души». Вообще, онъ говорилъ мало, какъ бы затруднялся въ выраженіяхъ, но, когда воодушевлялся, рѣчь его дѣлалась плавной и увлекательной. Высокогуманное отношеніе къ людямъ заставляло его,

---

[1]) Буживаль. Ф—ой, 18 августа 1874 г.

при помощи ближнему, не руководствоваться какими-нибудь посторонними побужденіями: имъ руководило всегда чистое чувство любви. Скромный, тихій, Яковъ никого не осуждаетъ: со всѣмъ примиряется его всепрощающее чувство любви и вѣра въ прекрасное.—Какъ ни возвышенны, какъ ни идеальны оба эти типа, но они страдаютъ неопредѣленностью,—лучше и точнѣе сказать,—они мало типичны, расплывчаты: не видно, къ чему и на что именно направлены ихъ стремленія, ихъ идеалы, но важно здѣсь то, что въ обоихъ типахъ мы видимъ черты правды, добра и готовность жертвовать собой для другаго.

РУДИНЪ.

Рудинъ происходилъ изъ бѣдной помѣщичьей среды. Отецъ его рано умеръ; мать, которая «въ немъ души не чаяла», чтобы дать приличное воспитаніе умному, чрезвычайно способному мальчику, истратила на него свои послѣдніе гроши. Избалованный дома, изнѣженный барскимъ воспитаніемъ, не привыкшій къ серьезному усидчивому труду, онъ еще дома игралъ первенствующую роль, что развило необыкновенное самолюбіе въ его и безъ того холодной натурѣ. Дальнѣйшее его воспитаніе принялъ на себя богатый родственникъ, благодаря которому онъ попалъ въ Московской университетъ, гдѣ въ то время процвѣтало изученіе нѣмецкихъ философовъ-идеалистовъ, въ особенности Гегеля—съ ихъ отвлеченными, высокими и нѣсколько туманными теоріями. Своими необыкновенными способностями, умомъ, который легко и быстро «схватывалъ все на лету», даромъ краснорѣчія, Рудинъ скоро выдѣлился изъ среды товарищей и если не всегда игралъ, то по крайней мѣрѣ желалъ играть у нихъ первенствующую роль. Въ томъ же кружкѣ, гдѣ Рудинъ блисталъ краснорѣчіемъ, былъ бѣднякъ Покорскій—человѣкъ необыкновеннаго ума и «высокой чистой души». Всѣ любили его; «поэзія и правда»—вотъ что влекло всѣхъ къ нему: при умѣ «ясномъ, обширномъ» онъ былъ забавенъ, какъ ребенокъ.

А Рудина, который былъ гораздо краснорѣчивѣе, въ которомъ было больше «блеску и треску», больше «фразы» и, «пожалуй, больше энтузіазма»—Рудина не любили—«его иго носили», между тѣмъ какъ Покорскому «всѣ отдавались сами собой». Происходило это оттого, что въ Рудинѣ слово не вязалось съ дѣломъ: онъ казался «полнымъ огня, смѣлости, жизни», а въ душѣ былъ холоденъ, какъ ледъ, чуть ли не робокъ, пока не задѣвалось его самолюбіе: тутъ онъ «на стѣны лѣзъ». Несмотря на это, Рудинъ все-таки имѣлъ вліяніе на товарищей, потому что былъ выше ихъ, хотя читалъ не больше другихъ, но преимущественно философскія книги, имѣлъ «необъятную память» и умъ, такъ устроенный, «что сразу схватывалъ все общее»; а это не могло не дѣйствовать на молодежь. «Слушая Рудина, намъ впервые казалось, что мы наконецъ схватили ее, эту общую связь, что поднялась наконецъ завѣса... Каждое отдѣльное явленіе звучало аккордомъ, и мы сами съ какимъ-то святымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то высокому!» Отсюда мы видимъ, что Рудинъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ на умы, а затѣмъ уже на чувство слушателей, потому что въ немъ самомъ, при блестящемъ умѣ, чувство было развито очень слабо. По окончаніи университета, онъ завершилъ свое образованіе за границей, откуда съ жаждой дѣятельности вернулся на свою родину. Но тутъ-то и сказался со всею силой тотъ *разладъ* душевныхъ силъ, задатки котораго ощущались въ университетѣ и который внесъ противорѣчіе во всю его жизнь. Казалось бы, что возвратившись изъ-за границы, полный знаній и молодыхъ силъ, обладавшій едва ли не высшей тайной слова—«музыкой краснорѣчія», блестяще образованный, Рудинъ могъ двигать горы у себя въ отечествѣ, но, чтобы двигать горы нужна вѣра въ свои силы, нуженъ упорный трудъ, нужна воля, нужно знаніе среды, самоотверженная любовь къ людямъ, — ничего этого не было у Рудина. Философскія отвлеченія, имѣвшія мало приложенія въ самой образованной Германіи, у насъ, да еще въ то время, не могли имѣть ни-

какого значенія; ими еще можно было щеголять въ гостиныхъ, въ кружкахъ, но не вносить въ жизнь народа, который совершенно не былъ извѣстенъ Рудину. Положимъ, онъ вѣрилъ въ эти истины, въ науку, въ правду, въ добро, увлекался ими до энтузіазма; но онъ не вѣрилъ въ свои силы, не вѣрилъ въ сочувствіе другихъ, потому что, по своей холодной, эгоистической натурѣ, онъ самъ не любилъ никого; не любовь къ людямъ—эгоизмъ являлся двигателемъ всей его дѣятельности. Отсюда и разладъ между словомъ и дѣломъ: при горячемъ увлеченіи какой-нибудь мыслью въ теоріи, у Рудина не хватало силъ, стойкости провести ее на дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что, по своему барскому воспитанію, онъ вовсе не привыкъ къ труду, быстро охлаждался и бросалъ начатое. Въ этомъ и заключается источникъ постоянныхъ противорѣчій въ его жизни: самолюбивое увлеченіе Натальей и его ничтожество предъ ней въ моментъ развязки (какъ честный человѣкъ, Рудинъ боится ея любви, потому что самъ, въ сущности, ея не любитъ); смѣлость въ рѣчахъ и робость на дѣлѣ, высокая честность на словахъ и пользованіе чужими деньгами; фразы о трудѣ и почти полная бездѣятельность. Въ своемъ письмѣ къ Натальѣ Рудинъ самъ произноситъ себѣ приговоръ: «Да, природа мнѣ дала много, но я умру, не сдѣлавъ ничего, достойнаго моихъ силъ, не оставивъ за собой никакого благотворнаго слѣда... Мнѣ недостаетъ, вѣроятно, того, безъ чего нельзя двигать сердцами людей, какъ и владѣть женскимъ сердцемъ, а господство надъ одними умами непрочно и безполезно. Странная, почти комическая моя судьба: я отдаюсь весь съ жадностью, вполнѣ,—и не могу отдаться; я кончу тѣмъ, что пожертвую собой за какой-нибудь вздоръ, въ который даже и вѣрить не буду».—Такимъ образомъ, несмотря на всѣ неудачи Рудина на жизненномъ поприщѣ, несмотря на разладъ въ немъ «поэзіи и правды», дѣятельность этого идеалиста заключаетъ въ себѣ попытку приложить добытыя научныя истины на пользу родной землѣ, пробуждать дремавшія въ ней силы—и въ этомъ заключается все значеніе Рудина.

ЛАВРЕЦКІЙ.

Личность Лаврецкаго служитъ звѣномъ, соединяющимъ новое время съ предшествующей эпохой, которая отразилась на немъ своими отрицательными сторонами. Лаврецкій принадлежалъ къ старинной богатой дворянской фамиліи. Прадѣдъ его—человѣкъ жестокій, дерзкій, алчный и безумнощедрый; дѣдъ—«простой степной баринъ», грубый, но не злой, хлѣбосолъ и псовый охотникъ, растратилъ значительную часть доставшагося ему имѣнія. Отецъ Лаврецкаго получилъ утонченное свѣтское воспитаніе, живя въ Петербургѣ у своей тетки, отъ которой надѣялся получить богатое наслѣдство; но тетка вышла замужъ за гувернера. Тогда онъ поневолѣ вернулся въ деревню, къ родственникамъ, гдѣ все ему не нравилось. Онъ влюбился въ дворовую дѣвку Маланью и женившись на ней, разсорился съ отцомъ, а потомъ уѣхалъ на службу заграницу, оставивъ жену у дальнихъ родственниковъ. Отъ Маланьи и родился Федоръ Лаврецкій—герой романа. Потомъ, когда сынъ получилъ прощеніе, Федоръ, вмѣстѣ съ матерью, сталъ жить у дѣда. Здѣсь непосредственный надзоръ за воспитаніемъ мальчика приняла на себя тетка, «старая дѣва», а Маланья была удалена отъ сына и вскорѣ умерла. «Федя любилъ ее страстно, и память о ней, о ея блѣдномъ, тихомъ лицѣ, объ ея унылыхъ взглядахъ, робкихъ ласкахъ навѣки запечатлѣлась въ его сердцѣ»; тетки же своей онъ боялся. Для обученія Феди тетка наняла шведку съ «заячьими глазами», у которой онъ часто лѣнился, а иногда на него находило даже дикое упрямство. Но вотъ (уже послѣ смерти дѣда) въ деревню явился отецъ Феди, превратившійся въ англомана, и началъ воспитывать сына на англійскій манеръ: «я хочу сдѣлать изъ него не только человѣка, но спартанца» говорилъ онъ. Началось коверканье ребенка. «Хотя спартанское воспитаніе подѣйствовало на здоровье, но въ головѣ у мальчика была путаница: онъ былъ сбитъ съ толку». Когда Федѣ исполнилось 16 лѣтъ, отецъ внушилъ ему презрѣніе къ женщинамъ: «молодой спартанецъ съ робостью въ душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силы

и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ». Подъ конецъ жизни отецъ превратился въ капризнаго ребенка: «вольтерьянецъ сдѣлался ханжей, европеецъ—парился въ банѣ, хныкалъ, жаловался на судьбу, бранилъ все, чѣмъ прежде хвастался и ставилъ сыну въ образецъ». Сынъ увидѣлъ и понялъ «разладицу» между словомъ и дѣломъ отца.

Похоронивъ его, Лаврецкій поступилъ въ Московскій университетъ. Здѣсь молодой человѣкъ созналъ недостатки своего воспитанія и образованія (ему не хватало самыхъ элементарныхъ свѣдѣній въ наукахъ) и постарался наверстать упущенное. «Съ людьми онъ не сходился, товарищей избѣгалъ, а на женщинъ боялся смотрѣть». Но встрѣтившись случайно съ Варварой Павловной, молодой Лаврецкій страстно влюбился въ нее, бросилъ университетъ и «упиваясь счастьемъ и блаженствомъ женской любви» сначала уѣхалъ въ деревню, а оттуда за границу. Здѣсь случайность открыла ему, кого онъ любитъ. Разочарованіе было ужасно: безуміе овладѣло имъ; но, справившись съ собой, «онъ твердо и честно разорвалъ съ ней тотчасъ же». Дорого стоилъ ему этотъ ударъ, и «скептицизмъ, подготовленный воспитаніемъ, опытами жизни, окончательно забрался въ его душу». Въ надеждѣ на то, что «скука, бездѣйственная тишь родины» успокоятъ его, «подготовятъ его не спѣша дѣло дѣлать», онъ возвращается въ свою деревню. Всѣ эпитеты, данные ему энтузіастомъ Михалевичемъ, уясняютъ намъ душевное состояніе Лаврецкаго; несмотря на ихъ видимое противорѣчіе, каждый изъ нихъ имѣетъ смыслъ, если имѣть въ виду любящую, страстную душу, вывихнутую съ самаго дѣтства, жизненные удары, способность трезвой мысли и самоанализъ Лаврецкаго: онъ и «скептикъ», и «разочарованный», и «вольтерьянецъ», и «злостный, начитанный байбакъ».—Но этотъ байбакъ уже не космополитъ, какъ Рудинъ, незнающій своего народа; нѣтъ, онъ патріотъ, онъ знаетъ нужды родной земли, вѣритъ въ идеалъ, «хотя бы отрицательный», требуетъ прежде всего признанія «народной правды и смиренія передъ нею»; онъ готовъ работать, «землю пахать». Всѣ

теоріи его, выработанныя добросовѣстнымъ, серьезнымъ трудомъ, разбиваются жизнью, которая выше всякихъ теорій, и онъ съ свойственнымъ его натурѣ здравымъ смысломъ отрекается отъ нихъ. Но это еще не все. Встрѣча съ Лизой— этотъ новый жизненный ударъ наталкиваетъ его на новыя понятія о жизни, передъ которыми онъ, какъ человѣкъ долга,—поневолѣ долженъ былъ склониться, навѣки отказаться отъ своего счастья и, похоронивъ себя, жить только для другихъ—черта несомнѣнно трагическая. Вся жизнь его полна борьбы и страданія: борется онъ и съ самимъ собой, борется и съ жизнью; много надо было имѣть силъ и твердости, чтобы не дойти до отчаянія подъ ударами суровой судьбы,— надо было имѣть крѣпкую русскую натуру.—Здравый смыслъ, тихая скорбь, доброта и минутные дикіе порывы, медлительность и лѣнь,—всѣ эти черты дѣлаютъ его настоящимъ русскимъ человѣкомъ.

БАЗАРОВЪ.

Именемъ «нигилизма» Тургеневъ обозначилъ новое нарождающееся у насъ явленіе, сложившееся частью подъ вліяніемъ вѣяній, занесенныхъ къ намъ извнѣ, частью, какъ неизбѣжный результатъ нашей внутренней жизни. Что касается самаго названія «нигилистъ», то оно первоначально, какъ въ Германіи, такъ и у насъ обозначало поэтовъ, которые въ своихъ произведеніяхъ уклонялись слишкомъ далеко отъ дѣйствительной, реальной жизни (витали въ пустотѣ—«nihil»), а у насъ это имя прилагалось даже къ романтикамъ. Впослѣдствіи, когда въ Германіи народилась цѣлая школа матеріалистовъ, которые начали отрицать понятія, выставленныя школой философовъ-идеалистовъ (какъ-то: законъ, право, долгъ, религію, свободу и т. д.), и противопоставили имъ эгоизмъ, право сильнаго и т. д., а затѣмъ перешли къ отрицанію нѣкоторыхъ явленій современной жизни, слово «нигилистъ» начало обозначать людей подобнаго склада мыслей, и въ самомъ понятіи соединились черты грубаго матеріализма,

отрицанія и даже ломки. Такимъ *отрицателемъ*, только на русской почвѣ, является у Тургенева герой его Базаровъ—представитель «нигилизма», который, по свидѣтельству самого автора, представляетъ «точное и умѣстное выраженіе проявившагося *историческаго факта*».

Въ этомъ типѣ Тургеневъ соединилъ всѣ черты, которыя съ своей необыкновенной чуткостью онъ подмѣчалъ, выхватывалъ изъ самой жизни, которыя въ видѣ намековъ, въ видѣ чего-то неопредѣленнаго носились тогда въ воздухѣ, и выставилъ своего Базарова, какъ «провозвѣстника», какъ знаменіе времени. Вотъ отчего отрицаніе Базарова не имѣетъ характера *личнаго* недовольства: «Всѣ истинные отрицатели, которыхъ я зналъ, безъ исключенія (Бѣлинскій, Бакунинъ, Добролюбовъ, Спѣшневъ и т. д.)—говоритъ Тургеневъ *)—происходили отъ сравнительно добрыхъ и честныхъ родителей, и въ этомъ заключается великій смыслъ: это отнимаетъ у *дѣятелей*, у отрицателей всякую тѣнь личнаго негодованія, личной раздражительности. Они идутъ по своей дорогѣ потому только, что болѣе чутки къ требованіямъ народной жизни». Личность Базарова такъ ярко охарактеризована въ «Письмахъ» самимъ Тургеневымъ, что мы считаемъ за самое удобное привести изъ нихъ соотвѣтствующія мѣста. «Базаровъ подавляетъ всѣ остальныя лица романа. Приданныя ему качества не случайны. Я хотѣлъ сдѣлать изъ него лицо трагическое—тутъ было не до нѣжностей... Смерть его должна была, по моему, положить послѣднюю черту на его трагическую фигуру. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до мозга костей. А вы не находите въ немъ *хорошихъ* сторонъ... Если читатель не полюбитъ Базарова со всей его грубостью, безсердечностью, безжалостной сухостью и рѣзкостью—если онъ его не полюбитъ,—повторяю я,—я виноватъ и не достигъ своей цѣли... Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная и все-таки обреченная на гибель,

---

*) «Письма» Случевскому. Парижъ, 14 августа 1862 г.

потому что она стоитъ еще въ преддверіи будущаго.—Мнѣ мечтался какой-то странный pendant съ Пугачевымъ... А Базаровъ все-таки типъ, провозвѣстникъ, крупная фигура, одаренная извѣстнымъ обаяніемъ, не лишенная нѣкотораго ореола»...

Такимъ образомъ несомнѣнно, что больше всѣхъ своихъ героевъ Тургеневъ симпатизировалъ Базарову, и въ этой любви къ своему «дѣтищу», быть можетъ, кроется ошибка въ его художественномъ изображеніи: мягкій, добрый Тургеневъ изобразилъ своего героя «плотояднымъ волкомъ», безпощаднымъ отрицателемъ, рѣзкимъ до такой степени, что молодежь приняла его за каррикатуру, за насмѣшку. Отъ этого понятно, какъ больно дѣйствуетъ на Тургенева упрекъ въ каррикатурности Базарова: «Какъ? и вы, вы говорите, что я въ Базаровѣ хотѣлъ представить каррикатуру на молодежь? Вы повторяете этотъ... извините безцеремонность выраженія—безсмысленный упрекъ! Базаровъ, это мое любимое дѣтище, изъ-за котораго я разсорился съ Катковымъ, на которого я потратилъ всѣ находящіяся въ моемъ распоряженіи краски. Базаровъ,—этотъ умница, — этотъ герой—каррикатура! Но, видно, тутъ ничего не подѣлаешь» *). Свою ошибку Тургеневъ объясняетъ даже фатальностью и по-своему правъ, ибо былъ далекъ отъ всякой тенденціи, такъ какъ старался быть объективнымъ, по мѣрѣ силъ. Напомнимъ читателямъ въ краткихъ чертахъ личность Базарова.

Базаровъ—медикъ, сынъ уѣзднаго лѣкаря. Родители въ немъ «души не чаяли». Отецъ его жилъ на покоѣ въ маленькомъ имѣніи своей жены; это былъ добрый, честный старикъ, преклонявшійся предъ сыномъ. Мать, настоящая русская дворянка «стародавнихъ временъ», была особенно чувствительна, вѣрила въ гаданья, въ примѣты всевозможныя, боялась мышей, лягушекъ и т. д., любила покушать, постилась строго, книгъ въ руки не брала, была хорошая хозяйка, съ прислугой обращалась ласково и кротко, никогда

*) «Письма» Ф—ой. Парижъ 18 августа 1874 г.

никого не осуждала, сына любила ужасно, но боялась чрезвычайно. И вотъ изъ такой безмятежной среды выходитъ Базаровъ съ природными наклонностями и взглядами, діаметрально противоположными его родителямъ. Умный, безпощадно рѣзкій, онъ отрицаетъ все: науку, искусство, религію, семью, общество, учрежденія; самъ русскій и близкій къ народу, онъ не уважаетъ ни народъ, ни его традицій; онъ отрицаетъ, «потому что полезнѣе всего отрицаніе» въ такое время, когда непригодность стараго начинаетъ чувствоваться всѣми, потому что наступающему новому «надо мѣсто расчистить». Базаровъ олицетворяетъ ту стихійную силу, во имя которой совершается переходъ отъ стараго къ чему-то новому — великій историческій процессъ въ народной жизни. Вотъ почему, какъ стихійная сила, онъ долженъ быть жестокъ, безпощаденъ и въ то же время величественъ, какъ она; долженъ внушать трепетъ и уваженіе своей мощью. Съ другой стороны Тургеневъ надѣлилъ его необыкновеннымъ умомъ, дарованіями, самоувѣренностью, огромной волей, крѣпостью душевной: «Когда я встрѣчу человѣка,—говоритъ Базаровъ,— который не спасовалъ бы предо мною, тогда я перемѣню свое мнѣніе о себѣ». Отсюда невѣрны упреки нѣкоторыхъ, что Базаровъ ничего не дѣлаетъ: ему и не нужно ничего дѣлать, для него всякая дѣятельность въ сферѣ обыденной жизни слишкомъ мелка: онъ — великая сила, сокрушающая старое. Всякая служба, занятія, всякая мелкая дѣятельность кажутся ничтожными передъ этимъ великимъ дѣломъ.—Чтобы понять, какимъ ореоломъ желалъ Тургеневъ окружить Базарова, достаточно вспомнить описаніе его могилы, при видѣ которой трепетное благоговѣніе наполняетъ душу читателя.

Однако, какъ ни величественъ, ни увлекателенъ образъ Базарова, все-таки онъ вышелъ не совсѣмъ цѣленъ въ художественномъ отношеніи. Недаромъ волновался такъ много Тургеневъ предъ выходомъ въ свѣтъ «Отцовъ и дѣтей», недаромъ съ тайнымъ трепетомъ ожидалъ отзывовъ о своемъ любимцѣ. «Ни въ одной вещи я не сомнѣвался такъ, какъ именно въ этой; отзывы и сужденія людей, которымъ я привыкъ вѣрить, были крайне неблагосклонны», говоритъ онъ.

въ письмѣ къ Майкову (А. Н.) *). И дѣйствительно, изъ всей читающей публики только Достоевскій и Боткинъ поняли Базарова: «Мнѣ нечего говорить вамъ, — пишетъ онъ Достоевскому **) — до какой степени меня обрадовалъ вашъ отзывъ объ «Отцахъ и дѣтяхъ». Тутъ дѣло не въ удовлетвореніи самолюбія, а въ удостовѣреніи, что ты, стало быть не ошибся, и не совсѣмъ промахнулся, — и трудъ твой не пропалъ даромъ. Еще на-дняхъ Писемскій писалъ мнѣ, что лицо Базарова не удалось совершенно. Вы до того полно и точно схватили то, что я хотѣлъ выразить въ Базаровѣ, что я только руки разставилъ отъ изумленія и удовольствія... Дай Богъ, чтобы въ этомъ сказалось не одно чуткое проникновеніе мастера, но и простое пониманіе читателя». Желанія его не сбылись. Вскорѣ послѣ этого письма онъ сообщаетъ Достоевскому ***): «Доходящіе до меня слухи объ «Отцахъ и дѣтяхъ» только подтверждаютъ мои ожиданія: кромѣ васъ и Боткина, кажется, никто не потрудился понять, что я хотѣлъ сдѣлать». Цѣлая буря споровъ, недоразумѣній, обвиненій возникла по поводу Базарова въ литературѣ. Тургеневъ упалъ во мнѣніи молодежи; его объясненія по поводу «Отцовъ и дѣтей» не были въ силахъ поколебать сложившееся въ публикѣ убѣжденіе и, пожалуй, подлили масла въ огонь, — словомъ, симпатіи къ Тургеневу прекратились надолго. Много непріятныхъ, горькихъ минутъ пришлось пережить Тургеневу; онъ охладѣлъ даже къ литературному труду, но все-таки художественная натура взяла свое, и послѣ «Дыма» онъ выводитъ новый типъ, только уже не героя, а простаго, обыкновеннаго *пахаря* нови — Соломина.

ЛИТВИНОВЪ.

Мы видѣли, что Рудинъ стоялъ на высотѣ и ширинѣ своихъ космополитическихъ идей. Лаврецкій спустился съ

*) «Письма» Майкову. Парижъ, 18-го марта 1862 г.
**) «Письма» Достоевскому. Парижъ, 18 марта 1862 г.
***) «Письма» Достоевскому. Парижъ, 22 апрѣля 1862 г.

этой высоты: онъ патріотъ, человѣкъ труда, съ знаніемъ условій, при которыхъ ему приходится работать. Литвиновъ—герой «Дыма» еще у́же по воззрѣніямъ: онъ славянофилъ, добрый, честный труженикъ, страдающій къ тому же самымъ распространеннымъ у насъ недугомъ воли. Отецъ Литвинова, чиновникъ служака, женившійся на дворянкѣ изъ институтокъ, очень восторженной, но съ характеромъ: она смягчила «дюжій и терпкій нравъ» мужа. Домъ свой въ деревнѣ она старалась держать на европейскую ногу и мужа своего перетащить «изъ чиновничьей колеи въ помѣщичью». Литвиновъ поступилъ въ университетъ, но курса, вслѣдствіе неудачной любви, не кончилъ и возвратившись въ деревню къ отцу, служилъ въ ополченіи, по выборамъ, пристрастился къ сельскому хозяйству, что и заставило его ѣхать за границу, чтобы изучить тамъ агрономію и технологію. Въ Литвиновѣ есть здравый смыслъ, который руководитъ имъ въ жизни, сильное чувство; онъ не обманываетъ себя, не рисуется, но у него не хватаетъ еще стойкости и крѣпкой воли,—качествъ необходимыхъ для людей новаго времени.

Соломинъ.

«Увы,—говоритъ Тургеневъ,—мы не увидимъ людей, типовъ, тѣхъ новыхъ людей, о которыхъ такъ много толкуютъ. Народная жизнь переживаетъ воспитательный періодъ внутренняго хороваго развитія, разложенія и сложенія; ей нужны помощники, не вожаки, и лишь только тогда, когда этотъ періодъ кончится, снова появятся крупныя, оригинальныя личности... Мы вступаемъ въ эпоху *только полезныхъ* людей—и это будутъ лучшіе люди» *). Къ типу этихъ «только полезныхъ людей» относится Соломинъ—герой «Нови».

Сынъ дьячка, вышедшій прямо изъ среды народной, Соломинъ и по внѣшнему виду похожъ на «ремесленника или кочегара». Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи, гдѣ изучалъ

*) «Письма» Ф—ой. Буживаль, 11-го сентября 1874 г.

технологію, онъ завѣдуетъ фабрикой какого-то купца. Фабрика идетъ хорошо, потому что Соломинъ понимаетъ дѣло и пользуется уваженіемъ и расположеніемъ рабочихъ: «Свой, дескать, братъ!—Что Василій Ѳедотычъ сказалъ, ужъ это свято! Потому онъ всякую премудрость произошелъ—и нѣтъ такого агличана, котораго онъ бы за поясъ не заткнулъ». Ладилъ онъ и съ хозяиномъ, который дорожилъ имъ, какъ дѣльнымъ человѣкомъ. Какъ человѣкъ умный и разсудительный, Соломинъ «говорилъ замѣчательно мало», но слушалъ «пристально» и если произносилъ какое сужденіе или замѣчаніе, то оно было «и дѣльно, и вѣско, и очень коротко». Въ близость революціи въ Россіи онъ не вѣрилъ, но не желалъ навязывать своего мнѣнія другимъ, а потому держалъ себя въ сторонѣ отъ политическихъ дѣятелей. «Послушать—отчего не послушать и даже поучиться, если придется». Это былъ человѣкъ съ хитрецой, «себѣ на умѣ», «со смысломъ», не желавшій «даромъ губить себя и другихъ».—«Постепеновцы шли сверху, а мы пойдемъ *снизу*»—вотъ въ чемъ заключается программа его дѣятельности. Какъ человѣкъ дѣльный и практическій онъ всѣмъ нуженъ, въ немъ всѣ нуждаются. Въ обществѣ аристократовъ, которыхъ онъ ненавидитъ, Соломинъ не теряется («Плебей... явный плебей, но какъ просто себя держитъ!») и прямо и смѣло высказываетъ свои мнѣнія. Глубоко правдивый и честный, «онъ не только не могъ солгать, или прихвастнуть: на него можно положиться какъ на каменную стѣну... Онъ не выдастъ! Мало того, онъ пойметъ и поддержитъ!» Неждановъ и Маріанна предъ нимъ, съ его самостоятельностью, похожи на дѣтей. Мудрая осторожность его скрывается между прочимъ и въ просьбѣ, обращенной къ Нежданову, освободить его фабрику отъ пропаганды, чтобы не разрушить того, что ему удалось въ ней устроить. Вывернувшись осторожно отъ преслѣдованія, Соломинъ заводитъ собственную фабрику въ Перми «на какихъ-то артельныхъ началахъ».—«Клювъ у него тонкій, да крѣпкій: за то продолбитъ»—говоритъ о немъ Паклинъ,—«такіе, какъ онъ,—они вотъ и настоящіе. Ихъ сразу не раскусишь, а они настоящіе... *будущее имъ принадлежитъ*». Это не ге-

рои—это крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди. Теперь только такихъ и нужно... человѣкъ съ идеаломъ—и безъ фразы, образованный — и изъ народа, простой—«и себѣ на умѣ». Слова эти выясняютъ намъ вполнѣ значеніе Соломина и намѣчаютъ путь, по которому совершается наше развитіе. Не «путемъ внезапнаго излѣченія общественныхъ ранъ», какъ думалъ Неждановъ, котораго злая судьба бросила на эту дорогу, но путемъ постепеннаго развитія народа пойдетъ это движеніе. Потому въ «Нови» съ особенной рельефностью обнаруживается безплодность насильственныхъ мѣръ, которую сознавалъ въ то же время онъ самъ, и здѣсь-то лежитъ причина его трагической судьбы: Неждановъ — баричъ по происхожденію и воспитанію, поэтому брезгливый, — нѣжная поэтическая душа, талантливый, съ Гамлетовскимъ складомъ ума. Съ каждымъ шагомъ впередъ по пути, на который его толкнула судьба, Неждановъ все сильнѣе и сильнѣе сознавалъ его нелѣпость — но отступать назадъ нельзя, да и поздно, — отсюда постоянная, упорная внутренняя борьба, которая разрѣшается трагической развязкой. А Соломинъ не талантливъ, въ немъ нѣтъ и слѣда поэзіи. Это Хорь, но только облагороженный: основныя же черты характеровъ у обоихъ однѣ и тѣ же; та же практичность, «себѣ на умѣ», положительность, молчаливость, административный, хитрый умъ, молчаливая осторожность и разсудительность.

Такимъ образомъ, резюмируя все вышесказанное о герояхъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Мы живемъ въ эпоху *переходную*, переходную въ томъ смыслѣ, что неизвѣстенъ путь, по которому направится движеніе народа.

Что эпоха эта настала,—намъ доказываетъ провозвѣстникъ ея Базаровъ.

Лаврецкіе, Литвиновы, Соломины—эти лучшіе люди,—выбирая себѣ дорогу, въ то же время безсознательно руководствуются движеніемъ народа; они не вожаки, а сами идутъ за массой и помогаютъ ей.

Помощь народу въ это переходное время должна сказы-

ваться въ поднятіи его матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія, а не въ указываніи ему пути.

Никакія теоріи,—ни космополитическія, ни славянофильскія,—тутъ не при чемъ: жизнь выше всякихъ теорій.

Народъ самъ инстинктивно изберетъ себѣ путь, и тогда, пожалуй, понадобятся ему вожаки.

Наконецъ, способомъ насильственной ломки тутъ ничего сдѣлать нельзя.

Женщина русская поставлена у Тургенева, какъ у Пушкина, выше мужчины: она идеальнѣе, чувство долга развито въ ней сильнѣе—поэзія и жизнь сливаются въ ней. Всѣ героини Тургенева возвышаются надъ средой, изъ которой вышли, всѣ отличаются непосредственностью, искренностью, силой и глубиной чувства; слово у нихъ не расходится съ дѣломъ; онѣ ищутъ свѣта, дѣятельности; рѣшительныя и смѣлыя, онѣ не останавливаются ни передъ какими жертвами. Многія изъ этихъ чертъ были уже намѣчены Тургеневымъ въ разобранныхъ нами женскихъ типахъ.

НАТАЛЬЯ.

Воспитанная въ аристократической обстановкѣ съ ея многими неприглядными сторонами, Наталья рано начала отдавать себѣ отчетъ во всемъ, что ее окружало; даже въ лицѣ у ней выражалась эта внутренняя работа мысли. Говорила она мало, но работала добросовѣстно, много, изъ желанія удовлетворить чувству любознательности. Холодная снаружи, она чувствовала «глубоко, сильно и тайно». Мать, которой она не вполнѣ довѣряла, была о ней невысокаго мнѣнія. Конечно, изученіе миѳологіи не удовлетворяло пылкой, жаждавшей знаній, натуры дѣвушки. Пушкина Наталья знала наизусть, но для такой дѣвушки, какъ она—этого было мало. Встрѣтивши Рудина, Наталья съ жадностью слушаетъ его рѣчи, учится и въ концѣ концовъ предается ему беззавѣтно, вся, со всей силой своей пылкой натуры. Рѣшительная и смѣлая, она ни передъ чѣмъ не останавливается, назначаетъ ему свиданье, въ надеждѣ, что онъ возьметъ ее съ собой.

Но здѣсь обнаруживается предъ ней слабость этого высшаго изъ людей. Страшно пораженная горемъ, Наталья не падаетъ въ обморокъ, но находитъ въ себѣ силы высказать ему свое разочарованіе и съ поразительною твердостью пережить свое несчастье.

ЛИЗА.

Удивительной цѣльностью, даже величіемъ отличается типъ Лизы въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». «Все въ ней было такъ просто, естественно, скромно, тихо и полно достоинства». Мать ея сантиментальная и пустая, благоговѣвшая передъ практической мудростью мужа, умѣвшаго «проложить себѣ дорогу и набить деньгу», мало заботилась о воспитаніи дѣтей, ограничиваясь тѣмъ, что наряжала ихъ «какъ куколъ». Нравственный обликъ Лизы сложился подъ непосредственнымъ вліяніемъ ея няньки Агафьи Власьевны, въ которой съ особенной силой отразилась народная религіозная струя съ оттѣнкомъ аскетизма, добровольнаго мученичества. (Та же черта сказывается въ Кассьянѣ, съ его убѣжденіемъ, что грѣхъ и зло царствуютъ въ мірѣ, съ его стремленіемъ искать правду»,—и въ Акимѣ («Постоялый дворъ»), идущемъ послѣ несчастья, которое обрушилось на него, въ видѣ «наказанія за грѣхи», отмаливать ихъ у Бога покаяніемъ и умерщвленіемъ плоти и духа). Агафья, послѣ бурной молодости, вдругъ отреклась отъ міра, умертвила въ себѣ всѣ житейскіе помыслы и, охваченная религіознымъ энтузіазмомъ, стала думать только о замаливаніи грѣховъ. Вліяніе Агафьи на ребенка сказалось очень рано: съ дѣтскихъ лѣтъ Лиза была тиха, молчалива, необыкновенно серьезна. Способностями она не отличалась: все ей давалось трудомъ. А тутъ разсказы няни о житіяхъ святыхъ, о томъ, какъ они спасаются, о Богѣ, о грѣхѣ въ мірѣ, о наказаніи, тайныя хожденія рано утромъ въ церковь,—все это должно было сильно подѣйствовать на воображеніе и глубокую впечатлительную натуру Лизы, развить въ ней религіозное чувство, христіанское смиреніе, всепрощеніе и любовь къ ближнему. Агафью она

любила, отца боялась, къ матери была равнодушна. «Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности, она любила одного Бога восторженно робко и нѣжно». Цѣльность ея натуры именно объясняется вліяніемъ на нее народной религіозной струи, укрѣпленной въ ней рѣшительностью, твердою готовностью жертвовать собой, страдать за грѣхи людей. «Я все знаю— говорила она:—и свои грѣхи и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмаливать надо». Вотъ почему она съ такимъ величіемъ переноситъ разразившійся надъ ней ужасный ударъ: «Все кончено; кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ недаромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло. Даже, когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило». Оттого-то Лаврецкій долженъ былъ склониться передъ ея религіознымъ идеаломъ; да и что могъ онъ противопоставить этой незыблемости убѣжденій, этой твердой рѣшимости, этой готовности на самопожертвованіе?

Елена.

Лиза страдаетъ за человѣчество, отрекается отъ міра. Елена («Наканунѣ») «томится» стремленіемъ и жаждой къ *дѣятельной* любви, къ дѣятельному добру и осуществляетъ свои, вначалѣ для нея самой неясныя, мечты.—Когда въ нашемъ обществѣ начала пробуждаться потребность живой дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ слабла вѣра въ научныя, мертвыя и потому негодныя истины, распространителями и носителями которыхъ были у насъ Рудины,—Елена, съ своей «чуткой душой», помимо нашихъ молодыхъ людей, представителей искусства, науки, дѣла (Шубинъ, Берсеневъ, Курнатовскій), съ ихъ пассивностью, съ ихъ идеалами, мало пригодными для жизни, выбираетъ себѣ человѣка дѣла, *живаго дѣятеля*, у котораго идеалы *сливались* съ жизнью, и самый организмъ котораго былъ какъ бы устроенъ для дѣятельности общественной—болгарина Инсарова. Въ этомъ и

заключается все значеніе Елены.—«Во всемъ ея существѣ, внимательномъ и пугливомъ, было что-то нервическое, электрическое, порывистое, торопливое». Отецъ—чиновникъ съ довольно грязными наклонностями, мать, воспитанная въ какомъ-то пансіонѣ—чувствительное, слабое, довольно пустое существо—вотъ семейная обстановка, среди которой росла Елена. Съ дѣтства она обнаруживала стремленіе къ дѣятельному добру: «всѣ животныя находили въ ней защиту, голодные и нищіе тревожили и мучили ее». Подругъ у ней не было: она ни съ кѣмъ не водилась. Дома ей предоставлена была полная свобода; но ея душа была одинока: «она билась, какъ птица въ клѣткѣ, а клѣтки не было... она рвалась и томилась». «Какъ жить безъ любви—думала она,—а любить некого». Тихо она проводила дни, но внезапно «что-то сильное, безыменное, съ чѣмъ она совладать не умѣетъ, такъ и закипало въ ней, такъ и просилось вырваться наружу». Тихо отстранила она отъ себя Шубина, Берсенева, и неопредѣленное чувство только тогда выяснилось въ ней, когда она встрѣтила Инсарова, когда узнала, что онъ готовится къ борьбѣ за освобожденіе своей родины... Наконецъ-то открылась дѣятельность для нея и какая высокая—бороться за свободу своихъ собратьевъ! Смѣло идетъ она за Инсаровымъ, отдавшись ему со всей силой своей глубокой натуры, полная надежды и ожиданія; но судьбѣ не угодно было продлить ея счастье: Инсаровъ умеръ, не доѣхавъ до своей родины. Но и послѣ его смерти Елена осталась вѣрна «его памяти, всей его жизни». Въ разгаръ войны она уѣхала сестрой милосердія въ Болгарію.

МАРІАННА.

То же стремленіе къ дѣятельности, ту же чуткость въ выборѣ, только едва ли не большую пылкость, горячность видимъ мы у Маріанны. И она послѣ смерти Нежданова идетъ за Соломинымъ, которому довѣряется всецѣло, инстинктивно, чувствуя въ немъ *настоящаго* руководителя для себя въ дѣлѣ, въ которое она вѣритъ «всѣмъ существомъ своимъ»—и

готова на всякую жертву для блага народа. Дочь генерала, судившагося за растрату казенныхъ денегъ и сосланнаго въ Сибирь, дочь «обезчещеннаго отца», лишившись матери, она жила у своей тетки Сипягиной, тяготилась зависимостью и «рвалась на волю всѣми силами неподатливой души». Отъ всего ея существа «вѣяло чѣмъ-то сильнымъ, смѣлымъ, чѣмъ-то стремительнымъ и страстнымъ. Родныхъ своихъ она чуждалась, но не боялась, потому что «нравъ у ней былъ неробкій». Чрезвычайно самолюбивая, гордая, прямая и «нѣсколько рѣзкая Маріанна принадлежала къ особому разряду существъ въ Россіи—они стали попадаться довольно часто:—справедливость удовлетворяетъ, но не радуетъ ихъ,—а несправедливость, на которую они страшно чутки, возмущаетъ ихъ до глубины души». Вотъ отчего, встрѣтившись съ Неждановымъ, такимъ же «гордымъ и оскорбленнымъ» существомъ, какъ она сама, Маріанна идетъ за нимъ съ жаждою дѣятельности и жертвы — «жертвы немедленной». «Мы будемъ работать, мы принесемъ имъ, нашимъ братьямъ, все что мы знаемъ—я, если нужно, въ кухарки пойду, въ швеи, прачки»... Слово у ней не расходится съ дѣломъ, и она идетъ служить народу смѣло и съ полной вѣрой въ идею — «она вся служеніе идеѣ!» Недаромъ Соломинъ говоритъ ей: «Вы всѣ, русскія женщины, дѣльнѣе и выше насъ, мужчинъ».

ПЕССИМИЗМЪ И „ЛИШНІЕ ЛЮДИ“.

Пессимизмъ есть дальнѣйшій шагъ скептицизма на почвѣ отрицанія. Скептицизмъ, въ свою очередь, составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ нашего духа и лежитъ, слѣдовательно, въ основѣ человѣческой природы. Кромѣ этихъ внутреннихъ причинъ, порождающихъ скептицизмъ, есть еще и внѣшнія, основанныя на складѣ самой жизни; отъ этого, смотря по ходу исторической жизни народа, скептицизмъ то развивается подъ благопріятными жизненными условіями, то снова ослабляется, такъ что съ этой стороны историческая жизнь (напримѣръ, Европейскихъ народовъ) представляетъ

намъ, какъ бы волнообразное движеніе, смотря по тому, увлекаются ли политическими, соціальными, религіозными, философскими идеалами, или въ нихъ разочаровываются. Точно также и въ жизни отдѣльнаго человѣка условія, порождающія скептицизмъ, а затѣмъ и пессимизмъ, лежатъ частью внутри его, т. е. основываются на особенностяхъ его организаціи, частью извнѣ, т. е., находятся въ зависимости отъ самой жизни, которая его окружаетъ. Смотря по обстоятельствамъ, эти внутреннія и внѣшнія условія могутъ совпадать, питаться другъ другомъ и—наоборотъ. Съ Тургеневымъ, какъ кажется, произошло первое. Несомнѣнно, что въ самой природѣ поэта коренились задатки для пессимизма.

Хотя, за неимѣніемъ обстоятельныхъ біографическихъ данныхъ, мы не можемъ еще съ точностью судить объ этомъ вопросѣ, тѣмъ не менѣе уже изъ писемъ видно, что Тургеневъ имѣлъ склонность къ ипохондріи, скукѣ, апатіи и мнительности. До 1871 г., какъ это видно изъ писемъ, приступы этой болѣзни довольно рѣдко посѣщали его, но съ этого времени, подъ вліяніемъ подагры, мучившей поэта, литературныхъ неудачъ, несчастливо сложившейся жизни, наконецъ, старости — все чаще и сильнѣе начинаетъ звучать въ немъ эта больная струна. Мы считаемъ необходимымъ привести рядъ отрывковъ изъ «Писемъ», чтобы читателю хотя немного уяснилась эта сторона душевной жизни поэта въ ея постепенномъ развитіи. 1869 г. «Я очень хорошо понимаю, что мое постоянное пребываніе за границей вредитъ литературной дѣятельности, да такъ вредитъ, что, пожалуй, и совсѣмъ ее уничтожитъ; но этого измѣнить нельзя» *). 1871 г. Что я къ самому себѣ охладѣлъ—это плохо. Все равно — буду ли писать, нѣтъ ли,—свою обѣдню я отзвонилъ — и давненько ее отзвонилъ... Я готовъ допустить, что талантъ, отпущенный мнѣ природой, не умалился; но мнѣ нечего съ нимъ дѣлать. Голосъ остался, да пѣть нечего. Слѣдовательно, лучше замолчать. А пѣть ничего, потому что живу внѣ Россіи—а

---

*) «Письма» Полонскому. Карлсруэ, 27 февраля 1869 г.

не жить внѣ Россіи я, по обстоятельствамъ всесильнымъ,— не могу. Слѣдовательно заключеніе выводите сами» [1]).—1873 г. «Физическое здоровье мое недурно и даже хандры я въ себѣ не замѣчаю; — меня сосетъ тайная тоска бездѣйствія» [2]).— 1874 г. «Я въ послѣднее время поправился здоровьемъ—но ужъ окончательно бросилъ всякую работу» [3]). 1877 г. «Самъ же я, конечно, ничего не пишу — да и никакого желанія нѣтъ. Странно думать, что я былъ когда-то литераторомъ» [4]).— 1878 г. «Подагра почти покинула меня,—но нравственно я хуже, чѣмъ калѣка,—я совсѣмъ старикъ и ко всему охладѣлъ—и только воспоминанія о прежнихъ друзьяхъ и временахъ немного шевелятъ меня» [5]).—1881 г. «Хандрить я не хандрю, но только скучно мнѣ, что очень старъ становлюсь. Интересуюсь всѣмъ понемногу и ничѣмъ въ особенности. Пишу очень мало и неохотно» [6]).—1882 г. «Я стараюсь примириться съ моимъ безвыходнымъ положеніемъ, а потому тщательно отгоняю прочь всякія надежды и вообще всякія мечты о будущемъ. *Личная* моя жизнь прекратилась; пожалуйста, не считайте это ни преувеличеніемъ, ни мнительностью, ни хандрой; это голый фактъ, и чѣмъ меньше объ этомъ говорить, тѣмъ лучше» [7]).

Кромѣ того, и складъ ума Тургенева приближался къ гамлетовскому. Припомнимъ, какъ опредѣляетъ этотъ типъ самъ Тургеневъ въ своей критической статьѣ («Гамлетъ и Донъ-Кихотъ»), замѣчательной по глубинѣ психологическаго анализа и вѣрности мысли. Прежде всего—Гамлетъ представляетъ «анализъ и эгоизмъ, а потому безвѣріе... Это *я*, въ которое онъ не вѣритъ, дорого Гамлету... онъ скептикъ, но вѣчно возится и носится съ самимъ собой. Сомнѣваясь во всемъ, онъ не ща-

---

[1]) «Письма» Милютиной. Лондонъ, 2 августа и 5 мая 1871 г.
[2]) «Письма» Полонскому. Парижъ, 24 октября 1873 г.
[3]) «Письма» Полонскому. Парижъ, 25 декабря 1874 г.
[4]) «Письма» Полонскому. Буживаль, 24 сентября 1877 г.
[5]) «Письма» Полонскому. Парижъ, 2 января 1878 г.
[6]) «Письма» Полонскому. Парижъ, 26 января 1881 г.
[7]) «Письма» Полонской. Буживаль, 29 іюня 1882 г.

дитъ и самого себя, презираетъ и въ то же время, можно сказать, живетъ и питается своимъ презрѣніемъ. Онъ не вѣритъ въ себя и тщеславенъ; онъ не знаетъ, чего хочетъ, и зачѣмъ живетъ—и привязанъ къ жизни. Но отрицаніе Гамлета не есть зло—оно само направлено противъ зла. Отрицаніе его сомнѣвается въ добрѣ, но въ злѣ оно не сомнѣвается и вступаетъ съ нимъ въ ожесточенный бой!.. Скептицизмъ Гамлета, не вѣруя въ современное, такъ сказать, осуществленіе истины, непримиримо враждуетъ съ ложью и тѣмъ самымъ становится однимъ изъ главныхъ поборниковъ той истины, въ которую онъ не вѣритъ». Если же припомнимъ, что Донъ-Кихотъ представляетъ «прежде всего вѣру, вѣру въ нѣчто вѣчное, незыблемое, въ истину, находящуюся *внѣ* отдѣльнаго человѣка, требующую служенія и жертвъ, а потому «энтузіаста служителя идеи»,—то, принимая эти два типа за крайніе полюсы, приходится заключить, что Тургеневъ приближался къ Гамлету. Дѣйствительно, онъ не энтузіастъ; въ его произведеніяхъ нельзя найти мыслей, стремленій, любимыхъ мечтаній, которыми бы онъ *всецѣло* увлекался. И хотя онъ вообще отстаиваетъ идеи правды, добра, красоты, вѣритъ въ такія понятія, какъ наука, искусство, родина, свобода, однако не одинъ разъ можно найти у него и противоположныя мысли, указывающія на то, что почти всѣ эти понятія онъ подвергаетъ анализу и затѣмъ *отрицаетъ*. Въ своихъ произведеніяхъ Тургеневъ такъ же, какъ и Гамлетъ, «не щадитъ» самого себя, подвергаетъ себя «самоказненію», «питается» презрѣніемъ къ самому себѣ, наслаждается этимъ чувствомъ. Не разъ въ письмахъ своихъ онъ жалуется на скуку, тоску, бездѣятельность, безцѣльность существованія, но не высказываетъ (такъ какъ «не знаетъ самъ»), чего онъ хочетъ, а между тѣмъ, хотя жизнь не представляла для него ничего привлекательнаго, — онъ продолжалъ влачить свое безцѣльное существованіе. Наконецъ, сомнѣваясь, подобно Гамлету, въ правдѣ, добрѣ, Тургеневъ всю жизнь боролся противъ зла, лежащаго въ отдѣльномъ человѣкѣ и въ обществѣ, что составляетъ великую его заслугу, какъ писателя.

Съ другой стороны на развитіе пессимизма въ Тургеневѣ сильно вліяли окружавшія его условія. Воспитанный въ тяжелыя времена крѣпостничества, которое онъ возненавидѣлъ всѣми силами души, онъ съ дѣтства былъ свидѣтелемъ тяжелыхъ сторонъ этой жизни. Мать его, женщина умная, но холодная отъ природы, въ высшей степени деспотичная, капризная, подчасъ даже жестокая, была образцомъ крайнихъ проявленій помѣщичьяго произвола и не могла внушить къ себѣ теплаго чувства любви нашего поэта: Тургеневъ оставался къ ней холоденъ и вѣжливъ до конца ея жизни. Независимо отъ семейной обстановки, и общественныя условія того времени не могли, къ сожалѣнію, развить въ немъ желанія дѣятельности, а скорѣе вызывали разочарованіе, которое и господствовало тогда въ литературѣ. «Тяжелыя тогда стояли времена—говоритъ Тургеневъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»—утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили корректуру, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную. На улицѣ тебѣ попалась фигура господина Булгарина, или друга его господина Греча. Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ, какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университета». Неудивительно, что такая обстановка—такъ, по крайней мѣрѣ, представлялъ ее себѣ Тургеневъ—давала благопріятную почву для развитія въ немъ пессимистическихъ воззрѣній.

Не находя въ себѣ достаточно силъ вынести гнетъ окружавшей атмосферы, Тургеневъ навсегда покинулъ родину. Недешево досталась ему жизнь за границей: онъ постоянно тяготился ею, стремился въ Россію, но въ концѣ концовъ откладывалъ по разнымъ причинамъ свои поѣздки, пріѣзжалъ ненадолго и то только для того, чтобы устроить свои разстроенныя денежныя дѣла; а между тѣмъ тоска по родинѣ постоянно щемила его сердце. Нужно также принять во вниманіе и безсемейную, неудачно сложившуюся его жизнь: сколько разъ онъ жалуется на одиночество, отсутствіе семьи, на безцѣльность жизни. Наконецъ, въ этомъ отношеніи не могъ не вліять на Тургенева присущій ему

недостастокъ—отсутствіе воли, выражавшійся въ его постоянныхъ колебаніяхъ. А тутъ старость съ ея недугами... грозный призракъ смерти, страшная, продолжительная болѣзнь, которая свела его въ могилу,—все это должно было имѣть рѣшающее вліяніе на больную, и безъ того, душу поэта.

«Настали темные, тяжелые дни... свои болѣзни, недуги людей милыхъ, холодъ и мракъ старости. Все, что ты любилъ, чему отдавался безвозвратно—никнетъ и разрушается. Подъ гору пошла дорога» [1]).

Разсмотримъ теперь тѣ ненормальныя условія, при которыхъ существовало наше общество, и постараемся вникнуть, какъ вліяли они на жизнь отдѣльныхъ личностей, дѣлали ихъ людьми «лишними», заставляя влачить жалкое существованіе или даже насильственно кончать съ собой. Всего удобнѣе сдѣлать это, обратившись къ разбору типовъ, которыхъ сильнѣе коснулись темныя стороны жизни. Такіе люди, добрые отъ природы, честные, но искалѣченные воспитаніемъ, выросшіе въ затхлой атмосферѣ домашней среды, подъ тяжелымъ гнетомъ жизни общества, съ его пошлыми традиціями, мелкими, плоскими идеалами, вступали непригодными въ жизнь, а потому не были способны ни къ какой дѣятельности; тѣ же, которымъ удавалось, благодаря случайнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, вступать въ жизнь съ свѣтлыми надеждами, возвышенными идеалами, быстро въ нихъ разочаровывались и также дѣлались людьми *лишними*.

Начнемъ съ умнаго, образованнаго, но заѣденнаго рефлексіей *Гамлета Щигровскаго уѣзда*. Говоря его словами, онъ «смиряется», т. е. гибнетъ, потому что въ немъ «нѣтъ оригинальности». Это значитъ, что условія жизни въ то время были таковы, что какъ бы *роковымъ* образомъ вели къ гибели всякаго порядочнаго, мыслящаго человѣка. Быть «оригинальнымъ», т. е. стать выше окружающей обстановки, у Гамлета не хватаетъ силъ, но въ то же время громадное само-

---

[1]) Т. VIII, стр.

любіе, болѣзненно развитое дурнымъ воспитаніемъ, не давало ему покоя, и несмотря на это, вся жизнь его вышла—«подражаніемъ», невыносимымъ уже по одному тому, что приходилось идти, наравнѣ съ другими, по рутинной пошлой дорогѣ. Рутинная семейная обстановка: недалекій отецъ (изображенный на портретѣ въ красномъ мундирѣ, съ такимъ лицомъ, какъ будто онъ «въ одну ноздрю табакъ нюхалъ»—и запомнился онъ только потому, что мимо этого портрета мальчика водили сѣчь), французъ-гувернеръ—«нѣмецъ изъ нѣжинскихъ грековъ». Рутинная жизнь въ Москвѣ, во время обученія въ университетѣ; жизнь съ родственникомъ дядюшкой, который ограбилъ неопытнаго юношу,—ничегонедѣланье, кружки, въ которыхъ «теряется личность». Рутинная поѣздка за границу для довершенія своего «искалѣченнаго» воспитанія, обусловленная тѣмъ, что хотя «у насъ въ Москвѣ и своихъ соловьевъ много, да не по-людски говорятъ». Рутинное изученіе въ Германіи разныхъ энциклопедій, не имѣющихъ ничего «общаго съ русской жизнью», влюбленіе въ идеальную дочь нѣмецкаго профессора. Рутинное восхищеніе Италіей и въ то же время рутинная невѣжественность и непониманіе всякаго искусства. По рутинѣ покатилась и дальнѣйшая жизнь Гамлета: вначалѣ добросовѣстная дѣятельность, потомъ сплетни, отстраненіе отъ должности, возвращеніе въ ограбленное имѣнье; жена, «изуродованная» воспитаніемъ, «съ привычками старой дѣвы», съ альбомами, съ наклонностью къ мечтаніямъ и романтизму, не могшая привыкнуть «къ жизни хозяйки дома»; запущенія и безпорядки въ хозяйствѣ, смерть жены, бѣдность, печальное одиночество и въ результатѣ одичалость—вотъ къ чему приводитъ наша рутинная жизнь, выбраться изъ которой могутъ только необыкновенные люди.

Гамлетъ Щигровскаго уѣзда еще не сознаетъ себя «лишнимъ человѣкомъ»,—этотъ шагъ дѣлаетъ *Чулкатуринъ* («Дневникъ лишняго человѣка»). Чулкатуринъ—сынъ богатыхъ помѣщиковъ; отецъ его, «страстный игрокъ въ карты», проигралъ все свое имѣніе. Слѣдствіемъ домашняго воспитанія, съ неизбѣжными гувернерами-иностранцами, было то, что изъ мальчика выработался человѣкъ мнительный,

заносчивый, раздражительный и страшно самолюбивый, отчего у него, между чувствами и мыслями—и выраженіемъ ихъ, было «непонятное, непреоборимое препятствіе, и когда онъ побѣждалъ эти преграды, то страшно напрягался, дѣлался неестественнымъ и натянутымъ». Сдѣлавшись взрослымъ, Чулкатуринъ начинаетъ разбирать себя, задается вопросомъ: «отчего онъ не такой, какъ другіе, отчего люди, ниже его стоящіе, выигрываютъ? кому и на что онъ нуженъ?»—и результатомъ всего этого является убѣжденіе въ томъ, что человѣкъ онъ ни на что негодный, никому ненужный и т. д. Вся жизнь его есть рядъ самообольщеній и горькихъ разочарованій. Такъ, онъ воображаетъ, что Лиза влюблена въ него, между тѣмъ какъ она любитъ князя. Понявъ, въ чемъ дѣло, Чулкатуринъ, оскорбленный въ своемъ самолюбіи, вызываетъ князя на дуэль, чѣмъ окончательно роняетъ себя въ общемъ мнѣніи и въ своихъ собственныхъ глазахъ. Въ концѣ концовъ онъ, никому не нужный, гибнетъ съ полнымъ сознаніемъ, что онъ былъ «*лишній*» человѣкъ на землѣ.

Такими же лишними людьми оказываются *Санинъ* («Вешнія воды») и *Вязовнинъ* («Два пріятеля»). Оба они, добрые малые, съ хорошими стремленіями, являются жертвами воспитанія, бездѣятельности, скуки, пустоты и пошлой фальши общества. Санинъ на 52 году жизни въ итогѣ чувствуетъ «усталость душевную и тѣлесную»; имъ овладѣваетъ «отвращеніе къ жизни»; онъ чувствуетъ въ ней «горечь ѣдкую и жгучую, какъ горечь полыни». Хорошо еще, что у Санина осталось одно чувство, которое привязываетъ его къ землѣ—любовь къ нѣкогда покинутой имъ Джеммѣ. А Вязовнинъ, тотъ и любить не могъ: проволачивъ свое безцѣльное существованіе, онъ погибаетъ глупымъ, пошлымъ образомъ въ Парижѣ, изъ-за какой-то глупѣйшей дуэли.

На что же тратятся у насъ молодыя силы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ Тургеневъ въ своей повѣсти «Отчаянный», о которой онъ пишетъ: «Это не что иное, какъ студія въ родѣ «Старыхъ портретовъ». Я постарался вывести въ ней типъ, который нахожу знаменательнымъ въ соотношеніи съ нѣкоторыми современными явленіями». Замѣчаніе

Тургенева о «знаменательности» этого типа вызываетъ не мало грустныхъ размышленій о русской жизни.—*Миша Полтевъ*,—единственный сынъ «настоящаго старозавѣтнаго» помѣщика, «богобоязненнаго, степеннаго, немного придурковатаго, но, впрочемъ, сердца добраго, обращенія привѣтливаго. Мать Миши, бывшая институтка, не любившая, но уважавшая и вѣрная мужу, всецѣло посвятила себя воспитанію сына, «благо отецъ предоставилъ ей ребенка, но, впрочемъ, разъ на всегда назначивъ рамки», изъ которыхъ выходить она не смѣла ни подъ какимъ видомъ. Миша былъ мальчикъ ласковый, стыдливый, «точно дѣвочка», смѣялся рѣдко, но смѣхъ у него былъ «рѣзкій, дикій».—«Матушкинъ сыночекъ, нѣженка», звалъ его отецъ. Такъ жилъ онъ до 18-ти лѣтъ въ деревнѣ, при родителяхъ; — но они оба умерли. Тогда Миша продалъ за безцѣнокъ все имѣніе и началъ жить въ *свое удовольствіе*, пока не спустилъ все и не превратился въ пьяницу и бродягу. Случилось это такимъ образомъ: Самолюбивый до крайности, онъ не зналъ, куда приложить свои выдающіяся способности, свои богатыя силы, и вотъ онѣ уходятъ на пьянство, карты, рысаковъ, цыганъ, словомъ, развертываются во всю «ширь и удаль» русской натуры. А между тѣмъ Полтевъ добръ, — «зла другимъ дѣлать не могъ»: напротивъ, — былъ готовъ «самого себя истребить». Натура его до такой степени искалѣчена воспитаніемъ, что вся представляетъ какъ бы олицетворенное противорѣчіе: широкій разгулъ, развратъ и религіозность по привычкѣ; «отсутствіе храбрости и дерзость до сумасбродства»; крайнее уничиженіе и высокомѣрная гордость; глубокое отчаяніе и пьяное забвеніе; искреннее желаніе исправиться и полнѣйшее слабоволіе; беззавѣтное отрицаніе жизни и безумная погоня за ней.—Поневолѣ приходится призадуматься надъ общественными условіями, которыя создаютъ въ богатомъ дарами природы человѣкѣ такой разладъ душевныхъ силъ, что онъ только въ видѣ «*отчаяннаго*» можетъ существовать въ этомъ обществѣ.

Наконецъ, въ сущности ту же печальную судьбу раздѣляетъ *Алексѣй Петровичъ К.* («Переписка»), умирающій чахоткой вдали отъ родины. «Экая, какъ подумаешь, моя судьба-

то!—пишетъ онъ.—Въ первой молодости я непремѣнно хотѣлъ завоевать себѣ небо... потомъ я пустился мечтать о благѣ всего человѣчества, о благѣ родины... потомъ и это прошло: я думалъ только, какъ бы устроить себѣ домашнюю, семейную жизнь... да споткнулся о муравейникъ и бухъ о земь, да въ могилу... Ужъ какіе мы, русскіе, мастера кончать такимъ манеромъ!» Въ молодости въ немъ необыкновенно сильно были развиты «дрянное самолюбіе, тщеславная гордость при довольно холодной натурѣ, лѣнь и наклонность фантазировать. Это отдѣляло его отъ людей, дѣлало сближеніе съ ними «натянутымъ и ложнымъ», а въ концѣ концовъ и собственное *я*, которое онъ такъ любилъ, сдѣлалось ему противнымъ. Но не самъ онъ испортилъ такъ свою жизнь: виноваты въ этомъ ненормальныя условія и обстоятельства, которыя заставили его пойти по этой дорогѣ. Причины испорченности его характера кроются въ томъ, что вообще въ насъ слишкомъ рано «возбуждается сознательность», слишкомъ рано мы начинаемъ «разработывать нашу несчастную личность». Не получивъ извнѣ никакого опредѣленнаго направленія, ничего дѣйствительно не уважая, «ничему крѣпко не вѣря», мы превращаемся въ одно изъ тѣхъ ничтожныхъ существъ, «въ которыхъ привычки себялюбія искажаютъ самое стремленіе къ истинѣ, смѣшное простодушіе живетъ рядомъ съ лукавствомъ... однимъ изъ тѣхъ существъ, обезсиленной, безпокойной мысли которыхъ не знакомо вовѣкъ ни удовлетвореніе естественной дѣятельности, ни искреннее страданіе, ни искреннее торжество убѣжденія». Оттого ложь «ходитъ съ нами рука объ руку», отравляетъ наши лучшія чувства, дѣлаетъ насъ «неестественными, натянутыми»; оттого мы не любимъ *на самомъ дѣлѣ* людей, а только «воображаемъ, что любимъ».—Оказывается, что Алексѣй Петровичъ пренебрегаетъ любовью чистой, искренней дѣвушки, которую, какъ ему самому казалось, онъ сильно любилъ; какъ-то глупо, что называется, ни съ того, ни съ сего увлекается какой-то актрисой, которая вовсе не любитъ его, и, Богъ знаетъ, изъ-за чего разбиваетъ самъ свою жизнь.

Не менѣе грустна также участь *русской женщины*. Окон-

чательное образованіе она получаетъ отъ мужчины; но что же даетъ ей мужчина? «Представьте молодую дѣвушку», которая окончила воспитаніе; «она мечтаетъ о любви... и вотъ является онъ... Она въ рукахъ его какъ мягкій воскъ, она благоговѣетъ передъ нимъ, стыдится своего счастья, учится, любитъ... Но она не знаетъ тогда, какъ ничтожно и пусто, и ложно можетъ быть слово, какъ мало стоитъ оно тому, кто его произноситъ... что осторожность самая жалкая можетъ жить въ молодомъ сердцѣ рядомъ съ страстной восторженностью». Потомъ разлука... Но какъ дорого обходится ей эта разлука: разлюбить она не можетъ, она отшатнулась отъ семьи; кто спасетъ ее тогда? откуда черпать силы для того, чтобы «поддержать себя»? какъ не «изнемочь въ такой борьбѣ»! Положеніе такой дѣвушки поистинѣ трагическое, и хотя говорятъ, что нѣтъ современнаго человѣка, который бы не находился въ немъ, но это плохое утѣшеніе.

Вспомните «Несчастную», эту сильную, гордую, честную, глубоко чувствующую дѣвушку. Вся жизнь ея, начиная отъ появленія на свѣтъ, представляетъ рядъ страданій, борьбы съ окружающимъ зломъ, рядъ ударовъ, которыхъ не въ силахъ вынести никакая человѣческая природа—и она гибнетъ, ни въ чемъ не виноватая, какъ будто родилась для однихъ страданій, въ угоду какого-то злаго рока. Сусанна — такъ звали эту «несчастную»—незаконная дочь помѣщика, который отъ деревенской скуки увлекся ея матерью (еврейкой) и вскорѣ послѣ рожденія дѣвочки совершенно охладѣлъ къ бѣдной женщинѣ. Сусанна помнитъ мать свою, «болѣзненную женщину» съ такими грустными глазами, что глядя на нее, она не могла удержаться, чтобы со слезами не броситься къ ней. Уже въ 9 лѣтъ ребенокъ догадывается, что Колтовской (помѣщикъ)—ея отецъ: «Правда ли, мама, что этотъ пахучій бука—мой папа?» — Мать испугалась, «зажала мой ротъ... и трепетнымъ голосомъ умоляла молчать». И несчастная дѣвочка «поняла, что мать просила у ней прощенія». «Бѣдная моя матушка!.. Странныя были наши отношенія: мы обѣ страстно любили другъ друга—страстно и безнадежно... Даже о прошедшемъ, о раннемъ прошедшемъ матушка со мной не го-

ворила и никогда не жаловалась; хотя все существо ея было одна нѣмая жалоба». Чтобы очистить свою совѣсть, Колтовскій заставляетъ несчастную покинутую имъ женщину выйти замужъ за своего управляющаго, грубаго, жестокаго, безнравственнаго негодяя. На всю жизнь остался у Сусанны въ памяти этотъ ужасный канунъ свадьбы: «мать моя и я — мы обѣ, обнявшись, проплакали цѣлое утро, — горько и молча!» Съ 12-ти лѣтъ Сусанна дѣлается лектрисой у своего отца, который никогда съ ней не разговаривалъ и котораго она возненавидѣла всѣми силами своей души. «Какія страшныя мысли меня возмущали въ его присутствіи. Ахъ, я не была виновата въ нихъ! не виновата въ томъ, что изъ меня сдѣлали!» Не выдержала мать, и смерть окончила ея страданія, когда Сусаннѣ исполнилось 15 лѣтъ, оставивъ ее «совсѣмъ одинокой на землѣ». «О, какое это было горе, какимъ злымъ вихремъ налетѣло оно на меня!» — Но «ничего не пошевельнулось въ этой каменной душѣ» ея отца, точно такъ же, попрежнему, ее позвали въ кабинетъ, и она должна была читать; только вотчимъ сдѣлался съ ней еще грубѣе. «На другое утро рано я пошла на кладбище. Май мѣсяцъ стоялъ тогда во всей красѣ цвѣтовъ и листьевъ, и долго я сидѣла на могилѣ. Я не плакала, не грустила; у меня одно вертѣлось въ головѣ: «слышишь, мама? онъ (отецъ) хочетъ и мнѣ оказывать покровительство!» И мнѣ казалось, что мать моя не должна была оскорбиться той усмѣшкой, которая невольно просилась мнѣ на губы». Наконецъ заболѣлъ Колтовской и, умирая, призвалъ свою дочь, обѣщая не забыть ея въ своемъ завѣщаніи. «Эта послѣдняя фраза меня, какъ ножомъ, рѣзнула по сердцу. Ахъ, это было уже слишкомъ!.. Слишкомъ презрительно и обидно... Я опять хотѣла закричать ему: да вѣдь я ваша дочь! я дочь ваша! И ничего, ничего не сказала ему, боясь, что подумаетъ, что я желаю заявить свои права на наслѣдство. О, ни за что! Не скажу я этому человѣку, который ни разу не упомянулъ имени матери моей при мнѣ... Нѣтъ, нѣтъ, пускай же онъ останется столько же виноватъ передъ своей дочерью, какъ былъ онъ виноватъ передъ матерью!»... Чѣмъ-то свѣтлымъ промелькнула лю-

бовь къ Мишелю, и то затѣмъ, чтобы послѣ разлуки она еще сильнѣе почувствовала себя одинокой. И такъ вся жизнь: одно несчастье за другимъ, или, вѣрнѣе, вся жизнь— одно несчастье. Наконецъ, не въ силахъ будучи вынести послѣдняго удара жестокой судьбы, несчастная дѣвушка лишаетъ себя жизни.—Тяжелыя чувства шевелятся въ душѣ, при видѣ трагической судьбы этого ни въ чемъ неповиннаго существа, которое судьба опредѣлила на страданіе съ перваго же дня его появленія на свѣтъ, и поставила эту чистую душу въ соприкосновеніе съ людскимъ зломъ и пошлостью жизни. «Да, жизнь не шутка и не забава, жизнь тяжелый трудъ!» приходится сказать съ поэтомъ. «Строго и безучастно ведетъ каждаго изъ насъ судьба, — и только на первыхъ порахъ мы, занятые всякими случайностями, вздоромъ, самимъ собой—не чувствуемъ ея черствой руки».

Не легка, подчасъ даже ужасна, жизнь среди людей, но еще тяжелѣе, страшнѣе становится на душѣ, при мысли объ отношеніи къ намъ *безучастной природы*. «Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанія молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченные ледянымъ дыханіемъ стихіи; нѣтъ, вся душа его никнетъ и замираетъ; послѣдній изъ его братій исчезнетъ съ лица земли — и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ». Эта холодная природа, наша всеобщая мать— прекрасно олицетворена у Тургенева въ видѣ «величавой женщины», сидящей въ срединѣ храмины, въ «волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта». Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу. Эта дума о томъ, «какъ бы придать большую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спасаться отъ враговъ своихъ». Всѣ твари для нея одинаковы: «она одинаково о нихъ заботится и одинаково ихъ истребляетъ». А «добро... разумъ... справедливость» — «это *человѣческія* слова». Но сама природа и ея силы дѣйствуютъ необходимымъ образомъ по опредѣленнымъ законамъ, такъ что *свободѣ*, при та-

комъ способѣ дѣйствія, нѣтъ мѣста въ природѣ. Необходимость—это «слѣпая старуха съ желѣзнымъ лицомъ и тупымъ взоромъ», она толкаетъ силу—«огромнаго роста, могучую дебелую женщину», которая «въ свою очередь толкаетъ небольшую, худенькую дѣвочку—свободу; у этой дѣвочки зрячіе глаза, она упирается... и все-таки должна повиноваться, идти».

Что же *человѣкъ* и человѣчество передъ величіемъ необъятной, холодной и безучастной природы?—«Люди это «мошки», «козявки», «нужное», а можетъ быть и «ненужное нѣчто». Да; но, быть можетъ, эти мошки *безсмертны*, подобно тому какъ и созданныя ими науки, искусство, и лежащія въ людяхъ понятія о любви, добрѣ и правдѣ? — «Истина—не полная истина, — о той и помину быть не можетъ—но даже та малость, которая намъ доступна,—замыкаетъ тотчасъ намъ уста, связываетъ намъ руки, сводитъ насъ «на нѣтъ». А человѣку остается сохранить «послѣднее, единственное доступное ему достоинство, достоинство сознанія своего ничтожества». Также сравнительно ничтожны любовь, добро и правда, потому что только «человѣкъ полюбилъ, загорѣлся, залепеталъ о вѣчномъ блаженствѣ, о безсмертныхъ наслажденіяхъ,—смотришь: давнымъ давно уже нѣтъ слѣда самаго того червя, который выѣлъ послѣдній остатокъ его изсохшаго языка». То же и съ искусствомъ—произведеніемъ рукъ человѣческихъ, произведеніемъ «творцовъ на часъ»:—смущаетъ «его бренность, его тлѣнъ и прахъ», потому что природа, «безсознательно и неуклонно покорная законамъ, не знаетъ искусства, какъ не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра... Человѣкъ дитя природы, у ней нѣтъ предпочтенія: все, что существуетъ на ея лонѣ, возникло только на счетъ другаго и должно въ свое время уступить мѣсто другому».

Но что же послѣ этого представляетъ наша жизнь? хочется спросить съ невольнымъ трепетомъ. «О, кто бы ты ни былъ, бѣдный собратъ мой—не отразить тебѣ тѣхъ грозныхъ словъ поэта: наша жизнь одна бродячая тѣнь—жалкій актеръ, который рисуется и кичится какой-нибудь часъ на сценѣ, а тамъ пропадаетъ безъ вѣсти,—сказка, разсказанная

безумцемъ, полная звуковъ и ярости и не имѣющая никакого смысла». Но не это страшно: «страшно то, что нѣтъ ничего страшнаго, что самая суть жизни мелка, неинтересна— и нищенски плоска. Проникнувшись *этимъ* сознаніемъ, отвѣдавъ *этой* полыни, никакой уже медъ не покажется сладкимъ—и даже то высшее, то сладчайшее счастье, счастье любви, полнаго сближенія, безвозвратной преданности, даже оно теряетъ все свое обаяніе; все его достоинство уничтожается собственной малостью, его краткостью». А если и высшія наслажденія теряютъ все свое обаяніе, то незачѣмъ жить, нѣтъ цѣли вступать въ жизнь міра, «на этотъ толкучій рынокъ призраковъ, на это торжище, гдѣ и продавецъ и покупатель равно обманываютъ другъ друга, гдѣ все такъ шумно, громко и все такъ бѣдно и дрянно... гдѣ народы, какъ крестьянскіе мальчики въ праздничный день барахтаются въ грязи изъ-за горсти пустыхъ орѣховъ, или дивятся разинувъ роты на лубочныя картины, раскрашенныя лубочнымъ золотомъ... гдѣ живуче только то, что не имѣетъ права на жизнь»...

Трудно человѣку, «существу единаго дня», окинуть мгновеннымъ взоромъ вселенную, проникнуть въ сѣдую глубь прошедшаго, и вотъ поэту является на помощь высшее существо, въ образѣ прекрасной женщины—духъ любви и красоты человѣческой—Эллисъ («Призраки»). Въ волшебномъ полетѣ надъ землею, по мановенію этой феи, передъ поэтомъ возстаютъ и грандіозныя, стихійныя силы природы, несущія гибель и смерть человѣку, и поражающее насъ грозное, могущественное величіе древнихъ народовъ, и—предметъ нашей гордости— картины современной цивилизаціи величайшихъ народовъ Европы;—но какъ призрачно въ дѣйствительности это только кажущееся и древнее, и настоящее величіе человѣчества, въ основѣ котораго лежитъ тупая, ужасающая своей холодной безчувственностью, нѣмая, грозная стихійная сила; какъ ничтожно, какъ безпомощно передъ ней претендующее на безсмертіе, гордое своей силой—одинъ мигъ живущее и слабое человѣческое существо; какъ пусты и пошлы, и ничтожны плоды современной цивилизаціи; какъ мало мѣста здѣсь для

великихъ силъ любви и красоты; какое громадное поприще для царствующей надъ всѣмъ этимъ міромъ, ничего не щадящей смерти!

Вотъ природа, въ видѣ бушующей стихіи, является во всемъ своемъ величіи: «Надъ головой тяжелыя дымовыя тучи; онѣ тѣснятся, онѣ бѣгутъ, какъ стадо злобныхъ чудовищъ... а тамъ внизу другое чудовище: разъяренное, именно разъяренное море... бѣлая пѣна... косматыя волны... завываніе бури... леденящее дыханіе расколыхавшейся бездны... что-то похожее на вопли... раздирающій визгъ... на мутномъ небосклонѣ шаткій остовъ корабля—всюду смерть, смерть и ужасъ». Голова кружится, сердце замираетъ у слабаго человѣческаго существа, при сознаніи своей ничтожности передъ грозной разбушевавшейся стихіей. Вотъ другая картина древняго могущественнаго Рима: «Мнѣ начали мерещиться тѣни, миріады тѣней, милліоны очертаній, то округленныхъ, какъ шлемы, то протянутыхъ, какъ копья—и вся эта армія, эта толпа надвигалась ближе и ближе, росла, колыхаясь усиленно. Несказанное напряженіе, напряженіе достаточное для того, чтобы поднять цѣлый міръ, чувствовалось въ ней...и вдругъ мнѣ почудилось, какъ будто трепетъ пробѣжалъ кругомъ, какъ будто отхлынули и разступились какія-то волны.. «Caesar, Caesar venit!» зашумѣли голоса... прокатился глухой ударъ—и голова блѣдная, строгая, въ лавровомъ вѣнкѣ, съ опущенными вѣками, голова императора, стала медленно выдвигаться изъ развалины»... Здѣсь только призракъ человѣческаго величія, на самомъ дѣлѣ это грозная, стихійная, грубая сила.

Призрачно также могущество новыхъ народовъ: «Вотъ Россія... и берегъ великой, многоводной рѣки... Вдругъ возлѣ самаго моего уха раздался грубый бурлацкій смѣхъ—и что-то со стономъ упало въ воду и стало захлебываться... Я оглянулся: никого не было видно,—но съ берега отпрянуло эхо—и разомъ, и отовсюду поднялся оглушительный гамъ. Чего только не было въ этомъ хаосѣ звуковъ: крики и визги, яростная ругань и хохотъ, хохотъ пуще всего, удары веселъ, топоровъ, трескъ какъ отъ взлома дверей и сундуковъ, скрыпъ

снастей и колесъ, и лошадиное скаканье, звонъ набата и лязгъ цѣпей, гулъ и ревъ пожара, пьяныя пѣсни и скрежещущая скороговорка, неутѣшный плачъ, моленіе жалобное, отчаянное,—и повелительныя восклицанія, предсмертное хрипѣнье и удалой посвистъ, гарканье и топотъ пляски... «Бей! вѣшай! топи! рѣжь! любо! любо! такъ! не жалѣй!»—слышалось явственно,—слышалось даже прерывистое дыханіе запыхавшихся людей—а между тѣмъ, кругомъ, ничего не измѣнялось... Степанъ Тимофѣичъ! Степанъ Тимофѣичъ идетъ!—зашумѣло вокругъ,—идетъ нашъ батюшка, атаманъ нашъ, нашъ кормилецъ!... Фролка! гдѣ ты, песъ?—загремѣлъ страшный голосъ.—Зажигай со всѣхъ концовъ—да въ топоры ихъ, бѣлоручекъ!»—Чувства нѣмѣютъ, при видѣ этихъ ужасовъ, мученій и смерти, и отказываются служить слабому человѣку. Почти такое же разочарованіе ожидаетъ поэта въ Парижѣ, этомъ блестящемъ центрѣ европейской цивилизаціи, гдѣ красивыя мѣста свидѣтельствуютъ о недавно пролитой крови, съ его развратомъ, пошлостью и суетой; въ Германіи, гдѣ сны бродятъ въ туманѣ и надъ ними свѣтитъ задумчивая луна;—въ Петербургѣ, съ петропавловской крѣпостью, съ отчаяннымъ «слуша-а-ай!», съ блѣдной ночью, «похожей на больной день», съ чахоточнымъ румянцемъ зари, съ пустыми сѣрыми улицами, съ кучкой молодыхъ людей съ испитыми лицами»... Послѣ этихъ картинъ весь земной шаръ, съ его населеніемъ, мгновеннымъ, немощнымъ, подавленнымъ нуждою и горемъ, болѣзнями, прикованнымъ «къ глыбѣ презрѣннаго праха»—вызываетъ «чувство тоски... и отвращенія».—И надъ всѣмъ этимъ міромъ носится безформенное, безсмысленное чудовище, передъ которымъ все нѣмѣетъ и уничтожается — слѣпая сила—смерть! Но когда-нибудь долженъ наступить конецъ этому «однообразному», «безтолковому» теченію жизни на землѣ: Двѣ громады, «два великана» Юнг-фрау и Финстерааргарнъ наблюдаютъ ходъ міра... «Проходитъ тысяча лѣтъ—одна минута»,—все меньше и меньше видать «козявокъ». Еще тысяча лѣтъ—одна минута, и ихъ совсѣмъ не стало. «Теперь хорошо—говоритъ Финстерааргарнъ—опрятно стало вездѣ, бѣло совсѣмъ, куда ни глянь... Вѣздѣ нашъ снѣгъ,

ровный снѣгъ и ледъ. Затихло все. Хорошо теперь, спокойно»... «Опять громадныя горы, спитъ зеленое свѣтлое небо надъ навсегда замолкшей землей».

Не трудно видѣть, что значительная часть этихъ воззрѣній принадлежитъ Шопенгауэру и его послѣдователямъ; другую часть (напримѣръ, объ охлажденіи нашей планеты) нужно отнести на долю научныхъ теорій. Что же касается до оригинальныхъ мыслей въ области пессимизма—результата особенно усиленной, самостоятельной работы мысли въ этомъ направленіи,—такихъ мы не встрѣчаемъ ни въ «Письмахъ», ни въ произведеніяхъ нашего поэта. Если проникнуться *всецѣло* такимъ міровоззрѣніемъ, то оно прямо ведетъ къ самоубійству; но Тургеневъ, несмотря на свой пессимизмъ, жилъ и писалъ. Нельзя думать, чтобы одно слабоволіе удерживало его отъ насилія надъ самимъ собой, хотя въ дѣйствительности онъ не отличался особенной твердостью воли. Вѣрнѣе будетъ предположить, что въ Тургеневѣ оставались еще силы, которыя привязывали его къ землѣ даже во время его тяжкой болѣзни, было что-нибудь, что заставляло его надѣяться.. ждать... Какъ истый художникъ, онъ любилъ природу, любилъ жизнь, любилъ человѣчество, добро, правду, красоту, былъ всегда на сторонѣ долга, искренности, любви. Читая его произведенія, не трудно видѣть, что, рядомъ съ пессимистическими воззрѣніями, въ нихъ есть и совершенно противоположныя. Такъ, «любовь» для него сильнѣе смерти и страха смерти; только ею «держится жизнь»; любовь и красота составляютъ чуть ли не главный мотивъ его произведеній; онъ надѣется и не перестаетъ думать, «что въ Божьемъ мірѣ, все честное, доброе, истинное *примѣнимо* и рано или поздно *исполнится*; говоритъ, что съ трудомъ «по мѣрѣ силъ» и вѣрой въ идеалъ всегда возможно достигнуть намѣченныхъ цѣлей; разсуждаетъ «о цѣпяхъ долга», о томъ, что не счастье, а «*достоинство человѣка*» главная цѣль въ жизни; *вѣритъ* въ идею, въ «искреннее и честное служеніе идеѣ»,— въ будущность и даже величіе русскаго народа.

Какъ примирялись оба эти чувства въ Тургеневѣ, сказать трудно; но что они жили въ немъ до послѣднихъ дней—

въ этомъ убѣждаетъ насъ послѣднее высоко-художественное произведеніе Тургенева «Стихотворенія въ прозѣ»; здѣсь, на ряду съ отрицаніемъ, съ самыми мрачными мыслями, встрѣчаемъ поклоненіе добру, правдѣ, красотѣ, и драгоцѣнные поэтическіе перлы, которые приносятъ высокое эстетическое наслажденіе и заставляютъ совершенно забыть только что навѣянныя темныя мысли.

Взаключеніе скажемъ нѣсколько словъ о *романѣ* Тургенева.

Одно изъ главныхъ достоинствъ Тургеневскаго романа заключается въ томъ, что авторъ широко захватываетъ русскую жизнь, со всѣми ея сторонами, причемъ всегда касается самыхъ животрепещущихъ, самыхъ насущныхъ вопросовъ— и это удается ему вполнѣ, благодаря его особенной чуткости и наблюдательности. Не говоря уже о томъ, что типы въ его повѣстяхъ и романахъ взяты изъ всевозможныхъ слоевъ общества—отъ послѣдняго крестьянина до важнаго сановника—почти всѣ они нарисованы тщательно, правдиво и вѣрно, а нѣкоторые какъ будто цѣликомъ взяты изъ жизни.

Всего удачнѣе вышли у Тургенева женскіе типы. Видно, что онъ тонкій знатокъ женскаго сердца, любитель и поклонникъ женской красоты; его всесторонняя наблюдательность давала ему возможность глубоко анализировать и раскрыть предъ читателемъ всю душу женщины до самыхъ тончайшихъ проявленій женскаго чувства, женской страсти. Здѣсь вы найдете полноту и счастье любви, наслажденіе и нѣгу, страсти, горькое разочарованіе, глубокое горе, тяжелыя страданія, чистоту и непорочность дѣвической души, самое тонкое кокетство, глубокій развратъ. Не только героини романовъ (Наталья, Елена, Ирина, Лиза), но даже отдѣльныя лица въ мелкихъ повѣстяхъ удались вполнѣ и отличаются замѣчательной отчетливостью и изяществомъ.

Дѣйствіе въ романѣ выходитъ изъ простой завязки, развивается быстро; художникъ сразу вводитъ читателя въ обстановку, знакомитъ съ дѣйствующими лицами и, заинтересовавъ его на первыхъ же порахъ, заставляетъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ дѣйствія, которое

такъ же просто и несложно. Кромѣ того, увлекательное изложеніе, полныя жизни сцены, правдивость и цѣльность характеровъ, элегическій тонъ, сравнительно небольшой объемъ—все это ставитъ романъ Тургенева очень высоко въ художественномъ отношеніи.

Однако, при всѣхъ этихъ высокихъ качествахъ, романъ Тургенева несвободенъ и отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Въ письмѣ къ Кигну *) читаемъ: «Если васъ изученіе человѣческой физіогноміи, чужой жизни, интересуетъ *больше*, чѣмъ изложеніе собственныхъ чувствъ и мыслей; если, напримѣръ, вамъ *пріятнѣе* вѣрно и точно передать наружный видъ не только человѣка, но простой вещи, чѣмъ красиво и горячо высказать то, что вы ощущаете при видѣ этой вещи или этого человѣка, значитъ, вы объективный писатель и можете взяться за повѣсть или романъ». Требованія Тургенева по отношенію къ роману безспорно вѣрны, но самъ онъ грѣшитъ какъ по отношенію къ этимъ требованіямъ, такъ частью и къ другимъ. Прежде всего, что касается типовъ, то нужно замѣтить, что не всѣ они отличаются безупречнымъ выполненіемъ: такъ, всѣ герои его романовъ, по нашему мнѣнію, выполнены неудачно: Андрей Колосовъ и Яковъ Пасынковъ недочерчены; въ Рудинѣ нельзя не замѣтить нѣкоторой двойственности: Рудинъ до отъѣзда отъ Ласунскихъ не совсѣмъ похожъ на Рудина — общественнаго дѣятеля. Лаврецкій и, въ особенности, Литвиновъ также недочерчены и отличаются какой-то расплывчатостью, неопредѣленностью. Соломинъ совсѣмъ затемняется Неждановымъ и выглядываетъ какъ будто изъ-за кулисъ, между тѣмъ какъ онъ главное лицо «Нови». Лучшій, безспорно, типъ изъ всѣхъ героевъ—Базаровъ вышелъ не совсѣмъ удачно и главнымъ образомъ потому, что авторъ противъ воли заботился больше объ изложеніи собственныхъ чувствъ и мыслей, о грандіозности своего героя, чѣмъ о томъ, чтобы вѣрно, правдиво нарисовать типъ, и хотя «потратилъ

*) «Письма» Кигну. Спасское, 16 іюня 1876 г.

на Базарова всѣ бывшія въ его распоряженіи краски», но онъ вышелъ неправдивъ, неестественень и неясенъ.

Затѣмъ, есть положительно слабые типы, созданіе которыхъ находится въ связи съ неособенно похвальной манерой автора навязывать читателямъ объясненіе дѣйствія и дѣйствующихъ лицъ. Не говоря о томъ, что эти лица по большей части привязываются только внѣшнимъ образомъ къ дѣйствію и мѣшаютъ цѣльности художественнаго впечатлѣнія отъ всего романа, они нарушаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ его объективность тѣмъ, что *не дѣйствуютъ,* а являются глашатаями идей самого автора. Такія лица выставлены во всѣхъ романахъ, безъ исключенія; даже въ лучшемъ, безспорно, по отдѣлкѣ «Отцахъ и дѣтяхъ», такимъ лицомъ отчасти является Аркадій.

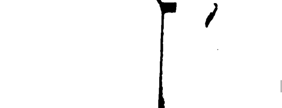
Кромѣ этого способа (т. е., посредствомъ вставныхъ лицъ) навязывать читателю свои воззрѣнія, Тургеневъ прибѣгаетъ къ другому, не менѣе слабому, съ художественной точки зрѣнія. Онъ невидимо руководитъ вами при чтеніи, это вы постоянно чувствуете, и даже мало этого: тамъ, гдѣ онъ не симпатизируетъ кому или чему-нибудь, онъ не выдерживаетъ и тотчасъ же мѣняетъ тонъ разсказа: изъ спокойнаго онъ превращается въ взволнованный, гнѣвный и выражается въ ироніи или сатирѣ, такъ что сейчасъ видно, чему сочувствуетъ авторъ. Страдаютъ также субъективностью тѣ повѣсти, которыя написаны отъ лица автора; Тургеневъ самъ сознавалъ этотъ недостатокъ и старался отдѣлаться отъ него.

Наконецъ, нѣкоторые изъ романовъ, независимо отъ обилія лицъ, между которыми попадаются совсѣмъ неимѣющія никакого отношенія къ дѣйствію (какъ напр. Пигасовъ), страдаютъ растянутостью, которая выражается въ придѣлываніи эпилоговъ, и не только одного, но двухъ и болѣе. Такъ въ «Пунинѣ и Бабуринѣ» эти эпилоги начинаютъ утомлять читателя. То же самое мы находимъ въ «Рудинѣ», въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», что ослабляетъ, безъ сомнѣнія, впечатлѣніе романа.

Оканчивая нашъ далеко не полный и за недостаткомъ времени невполнѣ обработанный, — а потому, безъ сомнѣнія, не лишенный многихъ погрѣшностей — очеркъ, считаемъ нужнымъ *чистосердечно* высказать читателю, что мы сочтемъ себя вполнѣ удовлетворенными, если намъ удалось напомнить ему хотя нѣкоторыя изъ чертъ поэзіи Тургенева и вызвать двѣ-три мысли по поводу поэтической дѣятельности нашего великаго художника.

Пессимизмъ и лишніе люди 25

DATE DUE			

DATE DUE			

